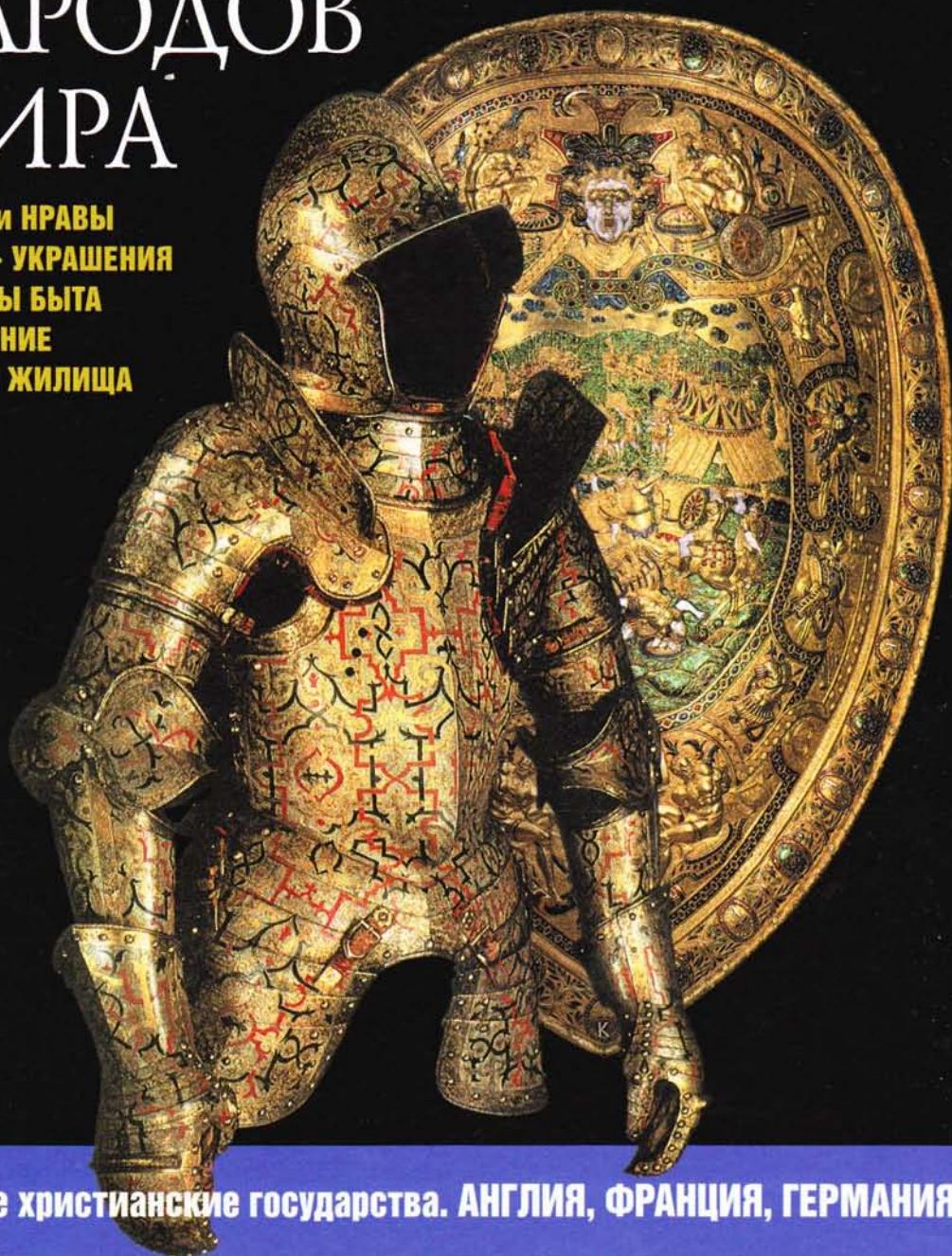

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

ГЕРМАН ВЕЙС

ОБЫЧАИ и НРАВЫ
КОСТЮМ · УКРАШЕНИЯ
ПРЕДМЕТЫ БЫТА
ВООРУЖЕНИЕ
ХРАМЫ и ЖИЛИЩА

8

Великие христианские государства. АНГЛИЯ, ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ

Герман ВЕЙС

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Беликие христианские государства

АНГЛИЯ, ФРАНЦИЯ,
ГЕРМАНИЯ

Вейс Г.
В 26 История культуры народов мира. Великие христианские государства. Англия. Франция. Германия. XIV—XVI вв. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 144 с, ил.

ISBN 5-699-11131-X
ISBN 5-699-13013-6

Этот том «История культуры народов мира» посвящен времени, когда в Европе понятие «мода» прочно вошло в обиход — для тех групп населения, у которых хватало средств следовать всем ее прихотливым капризам. Согласно духу эпохи, и в этом начинании пальма первенства (пока еще) принадлежала мужчинам. Столицей европейской моды вполне закономерно стала Франция, которая на сотни лет превратилась в эталон в области бытового комфорта и изысканной одежды. Это было время, когда профессия портного из ремесла не хуже прочих выделилась в сферу настоящего искусства, где священнодействовали неподражаемые и очень дорогие кутюрье.

«История культуры народов мира» — уникальное издание, в котором описаны костюмы, оружие, мебель, посуда и архитектурные сооружения народов нашей планеты, начиная с IV тысячелетия до н. э. и вплоть до XIX века. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры Герман Вейс (1822—1897), профессор Берлинской академии художеств, лично выполнивший большинство многочисленных иллюстраций, украшающих страницы этого энциклопедического собрания. По широте и объему материала, сведенного в единое целое с истинно немецкой добросовестностью и аккуратностью, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)4/.5

ISBN 5-699-11131-X (МЮ)
ISBN 5-699-13013-6 (ИНКМ)

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ В XIV—XVI вв.

ФРАНЦИЯ, АНГЛИЯ И НИДЕРЛАНДЫ

Приняв на себя роль законодательницы мод, Франция старалась выполнять ее наилучшим образом, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Как бы ни был строг закон против роскоши, изданный Филиппом IV Красивым в 1234 г., он не возымел должного действия: определяемые им штрафы платили, но запрещений не соблюдали. Шегольство среди высших сословий и богатых горожан не только не уменьшилось, а еще более усилилось благодаря расширению торговли и прогрессу ремесел, восточные шелка, итальянские и нидерландские шелковые материи, несмотря на свою дороговизну, стали доступны и среднему классу. Эти ткани, особенно восточные и мавританско-сицилийские, отличались, как и прежде, плотностью, яркостью красок и красотой рисунка, который в итальянских тканях тоже стал разнообразнее.

Появились и материи, рисунок которых состоял из цветочных орнаментов, чередующихся с изображениями фантастических животных и перекрещивающимися полосками с рассыпанными между ними звездочками, кружочками и т. д., а также ткани, сплошь покрытые фигурами, буквами или произвольными знаками.

Золотая и серебряная парча, бархат и так называемые (но рисунку или по цвету) павлиньи материи ценились так же высоко, как и прежде. Бархат, иногда протканый золотыми и серебряными нитями, по-прежнему делался исключительно зеленого цвета. Позже появились синие и голубые бархаты, а во второй половине XIV в. они стали делаться разноцветными. Все эти ткани, распространяясь, получали новые названия, поэтому проследить за ними иной раз чрезвычайно трудно.

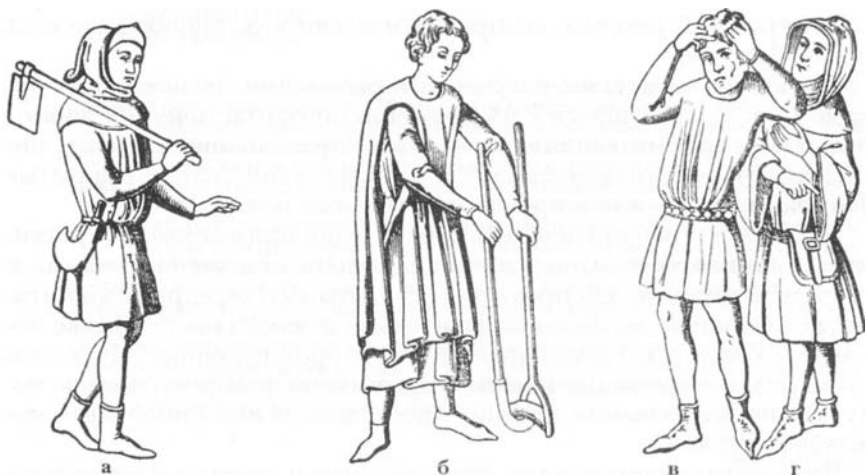
Шерстяные изделия, в том числе цветные и узорчатые сукна, в основном поставлялись из других стран, преимущественно из Нидер-

ландов. Оттуда привозились также тонкие полотна и некоторые другие товары, в том числе кожевенные.

Пока подобные товары доставлялись в основном из-за границы, во Франции и Англии делались первые шаги к изготовлению их у себя дома. Производство шелковых материй не развивалось, правда, ни в той, ни в другой стране до середины XV в., однако еще в 1340 г. в Провансе делались первые попытки его организовать. Зато уже в начале XIV в. в Англии при Эдуарде III и затем во Франции быстро развивалась выделка сукон, а вместе с ней и красильное искусство, усовершенствованию которого значительно способствовало открытие новых красящих веществ и составов. Изготовление кожевенных изделий, особенно сафьянов, которыми славилась марсельцы во второй половине XIII в., тоже быстро прогрессировало, причем одновременно в обеих странах.

С развитием отечественной промышленности, которому способствовало распределение ремесел между цехами и корпорациями, потребление иностранных изделий несколько уменьшилось. Прежде всего это коснулось людей небогатых, которые стали пользоваться местной продукцией, предпочитая те изделия, которые могли соперничать в качестве и цене с иностранными.

Одновременно развивалось и иностранное производство, которое имело лучшие технологии и, соответственно, лучшее качество товаров. Такой передовой промышленностью была в то время нидерландская, не только служившая образцом для других стран, но и способствовавшая их промышленному развитию. Английское производство было обязано своими первыми успехами нидерландским ремесленникам, переселившимся в Англию при Эдуарде III (около 1330 г.).

Продолжительная война, разгоревшаяся между Англией и Францией и до крайности истощившая их силы, почти уничтожила зарождавшуюся в них промышленность, которая оправилась от нанесенного удара не ранее середины XV в. В это время во Франции снова принялись за выделку сукон и внедрили два новых производства — бумагопрядильное и камчатных полотен.

Трудоемкий и медленный способ изготовления такой продукции был основной причиной их высокой цены. Самыми дорогими были сукна высших сортов, имевшие плотность и прочность кожи. Красильное искусство, несмотря на внедренные усовершенствования, тоже долго оставалось дорогостоящим.

Все производства, кроме самых простых, требовали значительных средств для их ведения. Медленнее других развивалось во Франции производство шелковых материй. Его успехи стали заметны только с 1480 г., когда Людовик XI выписал греческих и итальянских ткачей, для которых в Туре были устроены мастерские, где они обучали французских ремесленников различным приемам своего мастерства.

Нидерландская промышленность не испытала тех потрясений, которые выпали на долю французской и английской. Она продолжала развиваться с неизменным успехом, особенно со времен Филиппа Доброго (1419—1467 гг.), после объединения Нидерландов с богатой Бургундией.

Упрочившееся благосостояние страны, ее процветающая торговля и порожденная достатком склонность населения к роскоши настолько благоприятствовали развитию нидерландской промышленности, что она успела достигнуть высокого совершенства во многих отраслях уже в то время, когда промышленность Франции и Англии только начинала зарождаться. В Нидерландах развивались не только старинные отрасли производства, но и новые, например, выделка шелковых материй и бархата.

Немного раньше, чем Людовик XI основал такие производства во Франции, в Нидерландах для них были устроены мастерские, изделия которых славились добротностью ткани, прочностью и чистотой красок, богатством и изяществом рисунка. А, например, выделка парчи была поставлена голландцами на такой уровень, что с XV в. могла конкурировать даже с итальянскими изделиями. Что касается производств, издавна освоенных в этой стране, то они к этому времени были доведены до возможного совершенства, как, например,

Рис. 2

Рис. 3

выделка разных сортов сукон и плотняных тканей — от простых до самых тончайших.

Таким образом, высшие сословия Франции и Англии не имели недостатка в разнообразных и дорогих материях для удовлетворения своей склонности к роскоши. Между тем ни количество одежд, ни их покрой не подвергались серьезным изменениям вплоть до упомянутого переворота в середине XIV века. Несмотря на образование отдельных корпораций портных, сапожников и т. д., изменения как в мужском, так и в женском костюме ограничились лишь тем, что одежда стала уже, а мужская еще и короче, а также незначительной переделкой некоторых деталей наряда.

В мужском костюме, состоявшем по-прежнему из рубашки, кафтана, штанов, плаща, головного убора и обуви, изменения коснулись прежде всего кафтана, который, сохраняя свой старинный покрой, постепенно укорачивался, пока не стал выше колен (рис. 1, а, в, г). Уменьшаясь в длину, он вместе с тем становился уже, поэтому для большего удобства при его надевании стали делать разрезы спереди и сзади, которые застегивались на пуговицы или шнуровались (рис. 2, 3).

Рукава иногда отходили от прежнего покроя и тогда были очень узкие, с разрезами, застегивавшимися на пуговицы, или очень широкие, нередко свисающие вниз (рис. 2, 3). Капюшон, отдельный или пришитый к кафтану, сохранился, но его верхушка значительно удлинилась, а у отдельного капюшона с воротником края вырезывались зубчиками.

Подобное украшение стало все более входить в моду, и скоро зубчиками начали обшивать не только подол кафтана, но и все швы и вырез ворота (рис. 2). Даже меховую опушку на одеждах, подбитых или отороченных мехом, отделявали наподобие зубчиков (рис. 3). По подолу и швам она также оформлялась зубчиками.

Плащ оставался без изменений (рис. 4), но наряду с ним появились более короткие накидки, которые спереди застегивались на пуговицы по всей длине. Встречались также накидки, которые не застегивались на пряжку на правом плече, как обыкновенный короткий плащ, а были в этом месте наглухо зашиты, часто до середины предплечья, или же для большего удобства застегивались рядом пуговиц (рис. 5, а, б). Эти накидки делались иногда с большим откидным воротником или с капюшоном и тоже отделялись зубчиками.

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Вместо прежних раздельных штанов, крепившихся к поясу шнурками, появились штаны, придерживаемые вокруг талии продернутым поясом. Так как эти штаны охватывали вместе с ногой и ступню, то к ним для прочности и взамен обуви снизу подшивали кожаные подошвы (ср. рис. 2).

Основной обувью оставались полусапоги, зашнуровывавшиеся спереди, и башмаки. Единственное изменение, которому они подверглись, состояло в постепенном удлинении носков. Удлинение это дошло до того, что уже Филипп IV счел необходимым издать постановление, определявшее длину носков обуви: у дворян — не более двух футов, у граждан — не более одного фута, а у прочих классов — шесть дюймов. Башмаки с такими длинными носками назывались во Франции «пулен», а в Англии — «кракоуз», по названию города Кракова, который считался родиной этой моды.

Из головных уборов носили преимущественно капюшоны и жесткие шляпы, небольшие чашеобразные чепцы и простые повязки появились позднее. Все головные уборы носились или по отдельности, или по два вместе; например, было модно поверх обычного капюшона надевать еще и шляпу (рис. 3; рис. 6, б; рис. 11, а).

Изменение женской одежды происходило хотя и не так быстро, но все же заметно. Оно состояло преимущественно в суживании

Рис. 4

Рис. 5

частей одежды, прикрывавших верхнюю часть туловища, так что лиф все явственнее обрисовывал формы тела. За изменением верхней части платья последовало изменение всей одежды. Как и в мужском костюме, перемена началась с того, что, не изменяя покроя одежды, ее закладывали складками, отчего она становилась уже.

Затем стали суживать и сам покрой (рис. 4, а—в), в результате чего лиф начали стягивать шнуровкой и делать на нем разрезы спереди и сзади, как и в мужской одежде. Но так как этот способ давал возможность регулировать ширину платья, он был доведен до крайности, особенно женщинами.

Женщины не ограничивались тугим шнурованием верхней части платья, а стали суживать и его рукава, причем рукав разрезался от кисти руки до плеча и разрез обшивали множеством маленьких пуговиц, посаженных очень близко одна от другой (рис. 5, а, в). Нижнюю часть платья, которая кроилась пока еще из одного куска с лифом, стали постепенно делать уже и гораздо длиннее, так что платье, расширяясь книзу, заканчивалось шлейфом. Такие длинные платья впервые появились во Франции.

Вместе с узкими рукавами вошли в моду короткие узкие полурукава, от которых шли длинные узкие полосы ткани, доходившие до земли. Подобные рукава больше использовались в верхнем платье (рис. 5, а), которое продолжали носить, как и прежде, вовсе без ру-

кавов, с широкими и длинными проймами по бокам (рис. 5, в). Так как пояс стал при узкой одежде совершенно лишним, его надевали в качестве украшения и, чтобы он не соскальзывал с бедер, прикрепляли прямо к платью.

Женские плащи были исключительно наспинные. При их изготовлении обращали внимание на украшение красивыми и дорогими аграфами, шнурами и застежками (рис. 4; рис. 5, б, в). В отдельных случаях плащ снабжался воротником, который иногда подбивался мехом и выкраивался таким образом, что мог свободно перекладываться как на спину, так и на грудь (рис. 5, г).

Кроме обуви, которая постепенно принимала все более заостренную форму, менялись и головные уборы, в соответствии с изменением прически. Вскоре обычай носить волосы распущенными был отменен и встречался лишь как редкое исключение среди девушек и молодых женщин (рис. 4, а). Теперь было принято заплетать волосы в косы и как можно плотнее укладывать их вокруг головы таким образом, чтобы вдоль каждой щеки спускалось только по одной косе (рис. 5, в, г).

Из-за новой манеры высоко подвязывать волосы, чтобы показать шею и затылок, были оставлены любимые прежде головные ленты и легкие шапочки, туго стянутые сетки и прочие повязки. Впоследствии они приняли самые разные формы, особенно когда в моду снова вошли покрывала с украшениями из разных дорогих тканей.

Рис. 6

Вместе с тем среди пожилых женщин вошло в обыкновение закрываться покрывалом наподобие монахинь, скрывая под ним не только шею, но и часть подбородка (рис. 5, г).

Таким образом, к середине XIV в. одежда значительно усовершенствовалась и стала гораздо разнообразнее прежней. Теперь уже недостаточно было довольствоваться изменениями старых костюмов, были приложены немалые усилия по разработке новых фасонов одежды.

Всякое нововведение, которое прежде казалось необычным, теперь быстро принималось, распространялось все шире и в короткое время становилось всеобщим достоянием.

Впервые подобные перемены произошли во Франции, где уже в середине XIV в. против них выступили серьезные люди, порицающие изменения одежды.

В то время и английская одежда менялась так же часто; хотя все моды исходили из Франции, однако прежде всего они распространялись в Англии. Изменения одежды были подвержены крайностям: от чрезвычайного укорачивания и суживания переходили к чрезмерному удлинению и расширению. Рядом с модой, согласно которой предельно открывалась женская шея и грудь, уживалась другая, требовавшая тщательного прикрытия этих частей тела. В результате такого расхождения в фасонах появились новые виды платья, получившие особые названия.

В мужской, а частично и в женской, моде появились новые фасоны: «усе», «уппланд», «жюп» и др. «Усе» называлась длинная и широкая накидка, прикрывавшая все тело, разрезанная по бокам от груди или от пояса на два полотнища. «Уппланд» представлял собой широкое, открытое спереди верхнее платье с рукавами, которое было или очень длинным, вроде кафтана, или коротким и стягивалось на бедрах шнурком или особым поясом.

В мужской, а частично и в женской, моде появились новые фасоны: «усе», «уппланд», «жюп» и др. «Усе» называлась длинная и широкая накидка, прикрывавшая все тело, разрезанная по бокам от груди или от пояса на два полотнища. «Уппланд» представлял собой широкое, открытое спереди верхнее платье с рукавами, которое было или очень длинным, вроде кафтана, или коротким и стягивалось на бедрах шнурком или особым поясом.

«Жюп» и «жакетт» выглядели как прилегающие одежды, надевавшиеся поверх сорочки под верхнее платье. Первая из них была разновидностью застегивающегося лифа с короткими полами, вторая имела вид кафтана на пуговицах, с довольно узкими длинными или короткими рукавами, закрывавшего, как правило, верхнюю часть бе-

дер. В то же время в традиционных плащах, которые при разнообразии новой одежды утратили свою необходимость, не произошло заметной перемены. Сохранились и узкие нижние платья, в которых изменились лишь отдельные части и отделка.

Можно сказать, что это было время настоящего торжества портняжного искусства, породившее понятие «вкус дня или времени», или «мода», в более узком смысле этого слова.

В этом перевороте впереди вновь были мужчины. Верхняя и нижняя одежда сохранила основной покрой прежних туник, но стала делаться до того узкой, что при одевании ее приходилось расстегивать по всей длине. Обычно нижняя одежда шнуровалась, а верхняя застегивалась на маленькие пуговицы.

Она кроилась таким образом, что в зашнурованном или застегнутом виде облекала тело совершенно гладко, не оставляя ни одной складки, и доходила обычно только до середины бедер (рис. 6; рис. 7; рис. 8). Рукава нижней одежды, сохранив прежнюю длину, стали еще уже. Иногда они в виде узких манжет доходили до самых пальцев и застегивались на пуговицы (рис. 7, а).

Рукава верхней одежды, утратив прежний объем, редко делались цельными, а чаще кроились полурукавами, чуть шире рукавов нижней одежды (рис. 6, а, в; рис. 8, а).

Из-за того, что длинные рукава нижней одежды носили навывпуск, стало модным шить эту одежду (которой иногда придавали форму узкого жилета с рукавами) из такой же дорогой материи, как и верхнюю, хотя и без особых украшений. Для этих одежд выбирались шелковые ткани, бархат или сукна ярких цветов и различных узоров, которые иногда украшали вышивками.

Особое внимание обращали на изящную форму пуговиц, количество которых на одежде значительно увеличилось, и на их оправу, имевшую продолговатую форму. Зубчатые вырезы по подолу, бывшие прежде в большом ходу, встречались теперь гораздо реже, заменяясь иногда небольшими своеобразными металлическими подвесками (рис. 6, а, в), и в конце концов остались только на плащах и других длинных и широких одеждах (рис. 7). Верхний кафтан по-прежнему продолжали шить с капюшоном и иногда оторачивать мехом по подолу и по рукавам.

Рис. 8

Рис. 9

Обтягивающее тело платье использовалось даже для охоты (рис. 10) наряду с сохранившимися туникообразными широкими одеждами, не стеснявшими свободу движений (рис. 9, а, б). Такие наряды сохранились у крестьян и ремесленников вплоть до конца средних веков (ср. рис. 1, а—в).

Пояс, ставший при узкой одежде просто украшением, спускался все ниже и наконец переместился значительно ниже талии. Как предмет щегольства его отделывали украшениями из благородных металлов и т. п. (рис. 7).

Панталоны в обтяжку остались без изменения, но по мере удлинения носков обуви удлинялась соответственно и их нижняя часть, а со времен Филиппа Валуа (1328 г.) поверх них стали надевать особый вид чулок или носков, доходивших либо до колен, либо только до икр.

Обувь была весьма разнообразна как по форме, так и по цвету. Удлинение ее носков со временем дошло до такой несоразмерности, что снова вызвало запрет на ее ношение со стороны не только духовенства, но и правительства. Однако запрет модники проигнорировали; мало того, пристрастие к длинным носкам настолько усилилось, особенно в Англии, что длина носков нередко переходила все границы, установленные Филиппом IV

Даже среди духовенства такая обувь распространилась настолько, что собором в Анжере (около 1365 г.) духовным лицам было категорически запрещено носить подобную обувь. Еще раньше, в 1350 г., Иоанн II издал особые постановления, касавшиеся башмачного ремесла в Париже, что имело влияние на производство обуви, но не могло изменить преследуемой моды. Не остановил ее распространение и штраф или пошлина в 5 флоринов, который наследник Иоанна, Карл V установил за ношение такой обуви. Только в царствование Карла VI ее популярность несколько ослабла, но лишь затем, чтобы впоследствии вновь усилиться.

С развитием сапожного мастерства появились, помимо простой обуви, различные богато отделанные ботинки, полуботинки и полусапожки. Встречались ботинки, разрезанные вдоль подъема, где

иногда пришивались маленькие красивые пуговицы для застежки. Нарядная обувь шилась из материй, затканых золотом и серебром, вышивалась жемчугом и т. п. и делалась иногда на завязках или на шнуровке. Носили также башмаки с отвернутыми ушками и разными выпуклыми украшениями.

Полуботинки были всевозможных цветов, чаще всего красного и голубого; они изготовлялись, как и вся обувь того времени, из различных материалов (кожи, войлока, сукна, шелка, бархата и т. п.) и делались особо на каждую ногу. Все, что было изобретено нового по части головных уборов, основывалось на имевшихся формах. Маленькие шапочки и капюшон сохранили прежние очертания, но стали шиться из более дорогих материй и богаче украшаться. Капюшоны изменились в том, что их и без того длинная верхушка стала еще длиннее и нередко свисала до самого пола (рис. 11, в).

Шапки, шляпы и повязки отделялись богатыми украшениями и шились из разных дорогих тканей с дорогой меховой или иной богатой отделкой. У таких шляп поля обшивались шелковой или золотой бахромой, а иногда и кружевами; **ТУЛЮ**, обвитую шнурком, обшивали всю или только местами небольшими эмалированными бляшками, спереди, надо лбом, на ней прикрепляли аграф, иногда с пером или пучком перьев (см. рис. 9, б; рис. 14, а—г).

Шляпы и шапки больше всего изменились по форме. Полу-круглые шляпы с более или менее твердой тульей иногда драпировали наподобие тюрбана (рис. 14, а). Делались они, кроме шелка и бархата, также из войлока, сукна и кожи всевозможных цветов. В это же время вернулись в моду головные обручи и повязки, надвигавшиеся на самый лоб. Как и прежде, они употреблялись только молодежью, но гораздо реже, чем раньше (ср. рис. 38); а настоящие венцы сделались исключительно знаком сана (рис. 8).

Из широких и длинных одежд только плащ не подвергся значительным переменам (рис. 7; рис. 8, б). Покрой и украшения различных фасонов плащей остались прежними, изменившись только в отдельных своих частях. Именно эти изменения повели к постепенной разработке платья совершенно нового по-

Рис. 10

Рис. 11

кроя. Одна из разновидностей плаща, благодаря тому что ее раскрытые бока были наглухо сшиты, а спереди сделан разрез от пояса вниз, превратилась в верхнюю одежду с широкими или узкими рукавами или полурукавами, иногда довольно короткую (рис. 11, б, в).

Поскольку такое широкое платье нельзя было носить без пояса, то последний, надевавшийся прежде только для красоты, вернул свое первоначальное назначение. В это же время возобновился старинный обычай носить на поясе кошельки (рис. 11, а—в), которые сделались необходимой принадлежностью одежды. Так как на их форму и отделку обращали особенное внимание, вскоре возник особый цех кошелечных мастеров.

В царствование Ричарда II (в 1377 г.) в Англии не раз высказывались жалобы на то, что мужчины одеваются одинаково с женщинами. Накидка, называвшаяся «уппланд», сохранила покрой длинного и широкого платья с рукавами, открытого спереди (рис. 11, а, г; рис. 12). Все изменения ограничились отделкой рукавов, которая стала гораздо богаче, когда это платье начали считать парадной верхней одеждой.

Несмотря на большее количество материи, которое требовалось на «уппланд», ее нередко шили из шелка и даже бархата, расшивали богатыми узорами, подбивали и обшивали дорогим мехом, а при случае даже украшали золотом и жемчугом, что особенно вошло в моду к концу столетия. Чем шире распространялась эта одежда, тем длиннее ее делали, так что в конце концов она стала волочиться по полу (рис. 13, а, б). Если же она предназначалась для верховой езды,

то для удобства на ней делался разрез сзади (рис. 13, в). Рукава кроились гораздо длиннее и шире прежнего, так что нередко и они волочились по полу.

К концу царствования Карла VI (в 1385 г.) при этой одежде начали носить довольно высокий и жесткий воротник и валики, прикреплявшиеся у плеч и придававшие объем рукавам. Эти валики надолго остались в моде (рис. 13, а). Пояс, который прежде носили на талии, поднялся выше, ближе к груди. Любимые тогда фигурные вырезы по краю платьев делались настолько несоразмерными, что, как говорит летописец Сен-Дени, модники более походили на связки лоскутьев, чем на одетых людей.

Судя по рисункам того времени, в конце XIV столетия появились виды одежды, которые представляли собой видоизменение прежних фасонов (рис. 14, а—г; рис. 16). Исключение составляло лишь длинное платье, закрывавшее все тело и имевшее широкий и очень длинный воротник, который изготавливался из жесткой ткани или сукна и, несмотря на свою ширину, облегал плечи, не делая складок (рис. 15).

Из прочих принадлежностей одежды, известных с давних пор, но повсеместно распространившихся только в это время, употреблялись, кроме поясных кошельков, разные украшения — кольца, запястья и пр., а также перчатки (длинные или короткие) и длинные трости. Перчатки шились из кожи или из шелковой ткани (в этом случае они нередко вышивались узорами). Украшения делались металлические, из золота, серебра, бронзы или золоченой меди. Нередко они украшались резьбой и драгоценными камнями.

Трости, вошедшие в моду в царствование Карла VI (в 1380 г.), обычно делали из особенно дорогих сортов дерева и украшали металлическим набалдашником (рис. 15, 16). Среди определенных слоев населения было принято носить на поясе или при кошельке нож в виде кинжала, тоже богато отделанный.

Что касается прически, то волосы было принято немного подстригать и подвивать. Отступали от этого правила только молодые люди, оставлявшие свои волосы в естественном виде (рис. 7). Бороду, как и прежде, чаще всего брили, а носили ее большей частью пожилые люди и высокопоставленные лица.

Рис. 12

Рис. 13

В середине XIV в. бороде стали придавать заостренную форму, наподобие козлиной бородки (рис. 13, б). Вскоре рыцари снова стали носить круглые бороды и в очень редких случаях сбривать бакенбарды, оставляя бороду и усы или только усы. Мода эта из-за ее языческого происхождения часто подвергалась строгому осуждению.

В женской одежде происходили такие же изменения, как и в мужской, с той только разницей, что она сохранила свою прежнюю длину и укоротилась лишь в верхней части, т. е. лифе. Поверх платья стали надевать разновидность узкой курточки.

Из двух основных частей одежды — нижней и верхней — первая изменилась только в том отношении, что стала еще уже. В результате разрезы спереди и по бокам лифа, доходившие до самого пояса, а также разрезы вдоль длинных и непременно узких рукавов увеличивались и либо обшивались пуговицами, либо стягивались шнуровкой.

Вырез лифа вокруг шеи постепенно углублялся (ср. рис. 17, а, б). В таком виде, плотно облекая верхнюю часть туловища, эта одежда нередко представляла собой единственное обиходное платье. Поэтому особенное внимание обращалось на материю, из которой она шилась, а также на ее отделку. Рукава этой одежды обычно доходили до пальцев, охватывая руку в виде узко застегнутых манжет, а юбка иногда удлинялась настолько, что лежала шлейфом (рис. 17, а).

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Верхняя одежда, предназначавшаяся для ношения в обществе и считавшаяся нарядной, покроем несколько отличалась от нижней и, соответственно своему назначению, шилась из более дорогих тканей с богатой отделкой.

Разница в покрое между нижней и верхней одеждой заключалась в том, что последняя отличалась большей длиной и иногда более короткими и широкими рукавами (рис. 17, в; рис. 18, в, г) или же сохраняла форму безрукавной верхней одежды (рис. 5, в), но зауженной и приспособленной для застегивания и шнурования (рис. 18, б).

Для того, чтобы была видна находящаяся под верхней нижняя одежда, на обоих боках, вниз от талии, выкраивались разрезы и шлейф делался более пышным (рис. 17, б). Эти разрезы и шлейфы вызвали протест со стороны строгих моралистов. Разрезы они насмешливо называли «адскими окошками», из которых выглядывают бесы кокетства.

Что же касается шлейфов, которые во Франции при Карле V (в 1364 г.) и в Англии до Ричарда II (до 1377 г.) достигли почти аршинной длины, то их еще сильнее коснулись нападки противников новой моды. В Англии даже распространялись особые пасквили против новой моды, но они не имели успеха, поскольку эта мода нашла себе покровительницу в лице супруги Карла VI, Изабеллы Баварской (1385 г.).

Рис. 1

Рис. 15

Если верхняя одежда шилась с рукавами, для чего вшивались особые боковые полотнища, то они были той же длины и ширины, что и рукава нижней одежды, или немного короче и шире их (рис. 18, в, г). Иногда рукава были настолько широки и длинны, что почти доходили до земли. При Карле VI вошло в обыкновение разрезать рукава до самого локтя для более свободного движения руки и делать их пышнее на плечах, вырезая зубцами по краям.

Верхняя одежда шилась из самых дорогих тканей — шелковых, протканых золотом или серебром, парчи, бархата, сукна и пр. Ее оторачивали и подбивали драгоценными мехами — собольим, горностаевым, куньим и другими, расшивали разноцветными узорами, а для дворян к тому же и их гербами (рис. 19, а; ср. рис. 20).

Что касается женского пояса, то с ним произошло то же, что и с мужским: при узкой одежде он оказался лишним, но его все-таки носили как украшение, надевая гораздо ниже талии; позднее, к концу столетия, когда он снова стал нужен, им подпоясывались, наоборот, очень высоко, почти под самой грудью (рис. 20, а).

Во Франции к 1340 г., а вскоре и в Англии эта одежда стала дополняться особым лифом, который носили поверх платья (рис. 18, а; рис. 19, б). Этот лиф спускался чуть ниже бедер и, облекая корпус гладко или складками, имел вид красивой безрукавки.

Вслед за лифом, имевшим большие и широкие проймы для рук (рис. 18, а), в которые впоследствии вшивались рукава, появилась кофточка, которая точно подгонялась под особенности фигуры и этим завоевала популярность (рис. 19, б).

Так как эта одежда с самого начала считалась просто красивым дополнением к костюму, то с момента ее появления в виде безрукавки она шилась из золотой и серебряной парчи, цветной шелковой материи или бархата, с опушкой из дорогого меха, преимущественно горностаевая. Спереди, вниз от горловины, нашивались, как бы для застегивания, красивые пуговицы.

В форме кофточки она шилась из таких же тканей и тоже обшивалась мехом, за исключением рукавов (рис. 19, б; рис. 20, б), и действительно застегивалась на пуговицы. Впоследствии ее снабжали упругой пластинкой у груди (говорят, это было придумано Иоанной Бурбонской, супругой Карла V) и украшали вокруг бедер вышитой

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

полосой, имитируя набедренный пояс, который при прежних накидках, открытых по бокам, был виден сквозь разрезы (рис. 18, а; рис. 19, б; рис. 20, б).

Почти одновременно с появлением упругих нагрудников, которые Изабелла Баварская (в 1385 г.) впервые ввела при своем дворе, чем способствовала их распространению, вошли в моду сильно открытые лифы, переступившие все границы тогдашнего приличия. Так, начиная с царствования Карла VI, становится модным носить платья с лифом, вырезанным настолько, что он оставлял обнаженными груди (рис. 20, а).

Негодование и обвинения моралистов остались и на этот раз совершенно тщетными. Не помог и протест столь любимого Робера де Блуа, насмешливо советовавшего женщинам «не позволять никому, кроме мужа, касаться их груди, так как для отражения подобных посягательств изобретены застёжки и булавки», над ним только посмеялись, а мода осталась.

Одновременно с этой модой появилась иная, противоположная крайность: закутываться полностью в одежду, похожую на монашескую (ср. рис. 18, в). Она была принята преимущественно старыми женщинами в третьем сословии. Иногда она использовалась во время траура, хотя для последнего случая обычно употреблялась одежда особого рода, сшитая исключительно из темной, большей частью черной материи.

Вдовы иногда носили, вплоть до вторичного вступления в брак, белый наплечник, на котором были нарисованы или вышиты черные слезы, а пояс заменяли шнурком, походившим на опояску францисканцев.

Плащи почти не подверглись изменению. Они сохранили покрой полукруглой накидки, длинной и широкой, сходящейся двумя концами на груди и скрепленной пряжкой (рис. 18, а, б; рис. 19, а).

Знатные дамы, следуя примеру супруги Карла VI, Изабеллы Баварской, известной своей любовью к роскоши (рис. 20), носили плащи со шлейфами таких размеров, что при выходе шлейф должны были нести слуги или служанки, иначе он мешал двигаться.

Плащ стал теперь нарядной одеждой, он шился из тяжелых дорогих тканей с меховой опушкой или подбоем (рис. 20, б). Вместе с этими плащами постепенно вошли в обиход и

Рис. 16

Рис. 17

более короткие накидки, напоминавшие колоколообразные мужские, распространенные преимущественно среди низших сословий.

Обувь практически не изменилась. Несмотря на запрещение Карла V и всевозможные убеждения, женщины по-прежнему носили ее с заостренными носками (рис. 20, б).

Страсть к новизне особенно сказалась в изменении головных уборов. В моду вошло несколько новых фасонов, иногда довольно красивых, а иногда очень необычных.

К шелковым головным сеткам прибавился золотой обруч тонкой работы с двумя широкими валиками из золота и драгоценных камней, приходившимися прямо против ушей и закрывавшими их (рис. 22, а, б; ср. рис. 18, б). В дальнейшем объем этих валиков несоответственно увеличился. Спустя несколько лет после их появления (приблизительно с 1364 г.), валики, делавшиеся полукруглыми или продолговатыми, были почти фут длиной (ср. рис. 19, а) и такой странной формы, что против них восстало, хотя и тщетно, не только духовенство, но и миряне.

Осуждению подвергались причудливые головные уборы, образованные из соединения чепцов с вуалью. Они были очень высокими, раздвоенными посередине, вдоль краев раздвоения шли узкие валики, а сзади свисал кусок материи (рис. 20). Иногда они походили на рога с прикрепленной к ним вуалью; кроме того, их также делали в виде широкого круглого валика, облежавшего голову в форме сердца или как-либо иначе, или просто в виде высоких наколок из проволоки, серебряных булавок, обтянутых тонкой тканью.

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Каждый головной убор богато украшался шитьем, жемчугом и т. п. Во всех новых разновидностях головного убора, появившихся к концу XIV в., особенно во Франции, имела большое значение вуаль, для которой выбирались самые тонкие льняные ткани.

Вуаль составляла одно из любимейших украшений и при более простых головных уборах, какие носили преимущественно в Англии. К таким уборам относились, кроме прежних колпаков, шапок, завязанных чепцов и т. п. (ср. рис. 19, б), новомодные шарообразные чепцы с завитыми оборками, обрамлявшими лицо и спускавшимися до самых плеч. Эти чепцы носили в основном пожилые женщины.

Украшения становились все богаче, художественнее и дороже. Теперь не довольствовались собственно украшениями как таковыми (браслетами, кольцами, шейными цепями, поясами, аграфами и т. д.), а требовали богатой и искусной работы и для элементов отделки, например, пуговиц, обшивок, а также поясных кошельков и флакончиков для духов, которые тоже прикреплялись к поясу цепочкой.

Благодаря такому спросу, многие города, в особенности Монпелье и Париж, превратились в центры ювелирного искусства. Около 1355 г. и позже, около 1365 г., парижские золотых дел мастера получили особое предписание, определявшее величину камней, которые они могли обрабатывать, и строго запрещавшее всякого рода обманы: некачественную работу, подмену металлов, использование фальшивых камней.

Из косметических средств самыми распространенными были разные помады, притирания и румяна, в употреблении которых женщины отличались большим искусством. Но и против этого обычая звучало немало протестов, а епископ Гуго из Безье (около 1369 г.) под страхом тяжкого наказания запретил в своем округе пользоваться подобной косметикой.

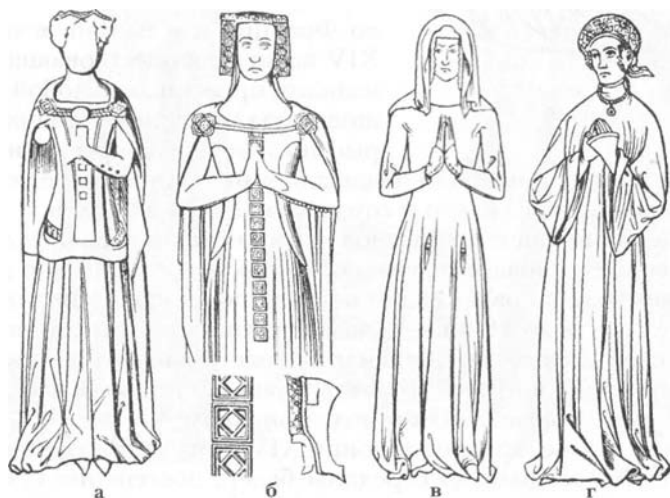

Рис. 18

Рис. 19

Женщины, как и мужчины, носили перчатки и длинные разукрашенные трости. Последние, впрочем, вошли у них в моду только к концу царствования Карла VI и продержались недолго.

Что касается общего вида костюма, то в этом отношении сохранился обычай составлять платье из различных цветов, соответственно цветам гербов или же произвольно, так что половинчатый костюм (сшитый из двух разного цвета материй, т. и. «ми-парти») не только по-прежнему остался в моде, но и усовершенствовался.

Во Франции со времен Карла VI, а в Англии с Ричарда II (1377-1399 гг.) разноцветные одежды, составленные из полос (вертикальных, горизонтальных или косых), стали украшать вышивками гербов, животных, растений и сшивать из материй, различных не только по цвету, но и по качеству. Таким способом отделявалось только верхнее платье и плащи.

Нижнее платье (панталоны) осталось по-прежнему двуцветным (половинчатым: ср. рис. 8, а). Довольно странное украшение, появившееся во Франции и в Англии в середине XIV в., но просуществовавшее очень недолго, представляло собой небольшие металлические бубенчики, которые носили или вокруг шеи в виде

ожерелья, или на поясе, или обшивали ими длинную перевязь, которая надевалась через плечо и спускалась иногда до колен.

Изменения имевшихся фасонов одежды ограничивались дальнейшим усовершенствованием уже вошедших в употребление деталей. Время перехода к новым видам платья продолжалось несколько десятков лет, почти до 1440 г. — начала бургундского господства в моде.

В мужской одежде это проявилось в настойчивом стремлении изменить принятое шнурование и стягиванье, а также те неестественные фасоны, которые вошли в моду при Карле VI.

Верхнее платье, которое к концу XIV в. из-за чрезмерно узкого покроя едва доходило до середины бедер, постепенно сузилось и укоротилось настолько, что в итоге приобрело вид узкой, в обтяжку, куртки с рукавами и с такими короткими полами, что они едва

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

прикрывали нижнюю часть туловища (рис. 23). Вместе с тем вошло в обыкновение как можно туже затягивать талию, грудь округло подбивать ватой, а и без того высокие оплечья рукавов делать еще выше.

Самому узкому рукаву стали придавать вверх, от плеча до локтя, бочкообразную форму. Иногда в его верхней части делался большой разрез, служивший для более удобного продевания руки. С курткой, которая спереди шнуровалась или застегивалась сверху донизу, носили узкие панталоны, закреплявшиеся вокруг бедер ремнями под полами куртки и так плотно обтягивавшие ногу, что отчетливо обрисовывали ее форму.

Словно для усиления непристойности таких панталон, на месте обычного разреза на них, закрывавшегося полами платья, пришивали жесткий мешочек, который был явно на виду (рис. 23) и нередко украшался бантами из лент или бахромой в том месте, где он прикреплялся к панталонам.

Для того, чтобы хоть немного смягчить неприличие такой одежды, не отказываясь от модного покроя, появились накидки (жаке-

Рис. 20

Рис. 21

ты), впервые заявившие о себе в царствование Карла VI (1380-1422 гг.). Хотя они и шились короткими, но были шире кафтана и имели длинные и широкие рукава. Эти жакеты, распространившиеся в Англии при Генрихе VI (1422 — 1461 гг.), были двух разновидностей.

Один вид, прижившийся преимущественно во Франции, представлял собой закрытую, довольно широкую накидку, которая опоясывалась вокруг бедер, а посередине, на самом поясе, собиралась в косые складки и была так коротка, что едва прикрывала живот (рис. 24).

Другой вид, характерный для Англии, напоминал неширокий распашной кафтан или камзол, доходивший до середины бедер, реже до колен (рис. 25). Если эта одежда надевалась поверх камзола с подкладными плечами, то ее рукава тоже делались пышными, в соответствии с рукавами последнего (рис. 24, б; рис. 25).

Рукава были очень широкими, иногда с разрезами посередине или вовсе разрезные (рис. 24, а). При открытой спереди накидке они имели покрой традиционных длинных рукавов до пола, или круглого мешка с небольшим разрезом посередине для руки, или же форму колокола различной ширины.

При этом было модно отделять рукава зубчатыми вырезами по краям

и подбивать или оторачивать их мехом, как это делалось и с самим платьем, служившим одновременно и парадной одеждой, шитой из дорогих материй яркого цвета, с украшениями, вышитыми бордюрами и т. п.

Такой костюм носили все, кто хотел идти в ногу с модой. Длинное платье в свою очередь также подверглось модным изменениям. Люди с небольшими средствами или не имевшие склонности к щегольству хотя и следовали общему вкусу времени, старались одеваться проще. Если они полностью не отказывались от узкого и короткого покроя, ставшего привычным, то пытались хотя бы умерить его.

У таких людей верхнее платье имело форму просторного полукафтана, доходившего до колен, или напоминало короткий камзол.

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Оба фасона имели длинные, пышно собранные на плечах рукава, с разрезом в верхней части (рис. 26, б).

Накидка, иногда надевавшаяся поверх этого платья, представляла собой простую куртку («жакетт») с короткими полами или же походила на блузу с короткими рукавами, а то и вовсе без рукавов. Панталоны были обтягивающими, но не настолько узкими, чтобы оскорблять чувство приличия. Такие платья шились большей частью из сукна и кожи; последняя употреблялась преимущественно для «жакетт».

Из длинных одежд только «уппланд» сохранила свой прежний покрой, хотя и стала называться «роба» (robe). Под этим названием она сделалась самым популярным верхним платьем как у мужчин, так и у женщин всех классов. Те, кому позволяли средства, носили робы из дорогих тканей, богато отделанные мехом, вышивками, бахромой и т. п.

Покрой этой одежды менялся довольно медленно: прежде всего изменились рукава, которые из обыкновенных (рис. 29) или очень широких (рис. 28) постепенно превратились в обтяжные рукава короткой одежды с более или менее подложенными плечами (рис. 27). Лишь к середине XV в. (около 1440 г.), когда «роба» стала обыкновенной повседневной одеждой, начал изменяться покрой самого платья. Прежде всего его длина ради большего удобства стала значительно короче, обычно не длиннее лодыжек (рис. 30, 31).

Рис. 22

Вообще робы этого покроя, получившие большую популярность у среднего сословия, были или совершенно глухие, надевавшиеся через голову, или же распашные от ворота до пояса, или, наоборот, от пояса вниз, с длинными или короткими разрезами спереди, сзади и с боков платья, причем края этих разрезов опушались, а нередко и подбивались мехом (рис. 28 — 32).

В то же время вошли в моду брыжи, надевавшиеся поверх короткого воротника платья; ими же обшивался и низ рукава до самой кисти (рис. 30, 31). Как разновидности робы постепенно появились и другие, более короткие и простые накидки, называвшиеся «пальто». Рукава пальто были или совершенно разрезными, или разрезались частично и снабжались пуговицами и шнуровкой, так что их можно было носить по желанию открытыми или закрытыми.

Существовал также особый вид накидки, называвшийся «табар». Это платье, по назначению своему соответствовавшее плащу, имело вид колоколообразной накидки с отверстиями для головы и рук или же форму наплечника, открытого с обоих боков.

Рис. 23

Плащи, не считая добавления к ним отложных воротников, застегивавшихся наглухо спереди, остались прежней формы (рис. 29). Одновременно с наплечными плащами снова стали носить плащи, закрывавшие только спину и застегивавшиеся на груди.

Обувь оставалась та же, что и прежде, т. е. с длинными и заостренными носками. Несмотря на постоянное осуждение этой моды, от нее никто не отказывался.

В конце царствования Карла VI она подверглась некоторым ограничениям, но затем снова распространилась до такой степени, что незадолго до своей смерти (1422 г.) он еще раз строго запретил изготовление и продажу модной обуви.

Впрочем, и эта мера осталась безрезультатной. Ни во Франции, ни в Англии, где Эдуард IV тотчас же по вступлении на престол (1461 г.) ограничил максимальную длину заостренных носков обуви двумя дюй-

мами, никто не хотел отказаться от увеличенного размера носков, считавшегося принадлежностью хорошего тона.

Однако в царствование Эдуарда IV (до 1483 г.) мода на длинноносую обувь, достигнув своего предела, сменилась модой на тупоносую обувь на широкой подошве. В то же время появилась дополнительная обувь — совершенно новое изобретение, вызванное необходимостью облегчить и сделать удобнее ходьбу в модной обуви с непомерно длинными носками.

Эта вспомогательная обувь состояла из обтянутой кожей довольно толстой подошвы, которая имела форму длинноносого башмака и прикреплялась к ноге ремнями. Обыкновенная, немодная, обувь состояла из полусапог и сапог с длинными голенищами выше колен, отворачивающимися для большего удобства (рис. 26, б).

Головные уборы подверглись новым изменениям. Капюшон старой формы был окончательно заменен шляпой № шапкой, особенно у городских жителей, и использовался только в особых случаях. К остальным фасонам головных уборов прибавились совершенно круглые объемные головные повязки с плоско-круглым верхом (рис. 27; рис. 32, а), плоские тарелкообразные шапки (береты) с твердым околышем (рис. 26, а) и очень высокие конусообразные шляпы с узкими круглыми полями или с широким, вытянутым вперед и заостренным отворотом.

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Носили также жесткие, но менее высокие шляпы с полями (рис. 24, б; рис. 32, б).

Предполагают, что первую шляпу такой формы носил еще Карл VII, король французский, он же и ввел ее в моду при своем дворе. Появились также конусообразные шапки из мягкой материи, похожие на старинные фригийские колпаки (рис. 24, а).

Отделка головных уборов стала более разнообразной. Все прежние украшения сохранились и даже стали порой еще богаче и красивее. Кроме того, к ним прибавилась еще повязка (корнетт), ее оборачивали вокруг шляп и шапок, она была так широка и длинна, что стекалась густыми складками почти до земли (рис. 25; рис. 32, а).

Эта повязка, которую из-за ее длины обматывали вокруг шеи и плеч, делалась из тонкой шелковой материи, а ее концы украшались вырезами, зубцами или маленькими металлическими подвесками.

В царствование Карла VI, во время междоусобной войны во Франции, эти повязки даже служили отличительными знаками различных политических партий. Так, бургиньоны носили их на правой стороне, а арманьяки — на левой. Высокие шапки, нередко вязанные, как и жесткие круглые шляпы, натягивавшиеся вместе с материей на форму, на которой они утюжились, украшались спереди длинными узкими перьями.

Кроме того, еще были особые шапки из толстой материи с пуговицей или с кистью посередине макушки, называвшиеся «мортьер». Эти шапки были отличием определенного сана или звания, между тем как небольшие круглые шапочки, надеваемые под шляпы и шапки, служили общепринятым головным убором.

Распространению этого вида шапочек в особенности способствовало то обстоятельство, что Карл VII (1422—1461 гг.), следуя требованию духовенства, носил волосы очень коротко остриженными и требовал того же от всех своих приближенных. Позже подобному примеру последовали другие сословия, хотя и не в такой степени. Бороды во Франции до царствования Карла VIII (1483 г.), а в Англии до Генриха VII (1485 г.) в высшем обществе были упразднены.

На фоне общего преобразования мужской одежды все более увеличивалось использование различных украшений. Отделка верхне-

рис. 24

Рис. 25

го платья нередко состояла из лент, на которых вышивали разные остроумные изречения или символические знаки; их носили на груди, руках, плечах и т. д. Большую роль также играли длинные и тяжелые, усыпанные камнями золотые цепи, которые носили на шее.

Что касается женского костюма, то он, как и мужской, становился все более роскошным, вызывающим и неестественным. Несмотря на то, что против этого восставали не только тогдашние публицисты, но и отцы семейств, стараясь противодействовать безнравственности по-своему, как, например, рыцарь де ля Тур-Ландри, составивший для своего семейства особый сборник поучительных примеров, это противодействие было весьма ограниченным. В высших слоях общества не только про-

должали следовать господствующей моде, но и безоговорочно подчинялись всем ее капризам.

Верхние одежды стали длиннее и подпоясывались еще выше, чем прежде. Хотя из-за этого вся фигура казалась неестественной, пояс поднялся еще выше, под самую грудь, где его и носили довольно продолжительное время (рис. 33, а—г).

Женская роба делалась наподобие мужской — со сборками на груди и очень широкой (рис. 33, 34). Это не вызывало порицания со стороны строгих моралистов, хотя духовенство восстало против удлинения шлейфа и дошло наконец до того, что в 1435 г. французским монахам удалось выхлопотать позволение Папы Евгения IV не отпускать грехов женщинам, носившим шлейфы или занимавшимся их изготовлением. Несмотря на это, шлейфы продолжали удлиняться по желанию их владелиц (рис. 35; 36).

Тогда как в более узком нижнем платье, составлявшем домашнюю одежду, изменялся только вырез ворота, делавшийся то шире, то заостреннее (рис. 35, а), в верхнем платье произошли изменения в покрое лифа и рукавов. Они касались в основном узких облегающих лифов, особенно любимых во Франции.

Теперь эту деталь одежды стали делать открытой спереди до пояса, откуда лиф поднимался к плечам в виде отложного воротника, образуя на груди треугольное отверстие, сквозь которое виднелся нагрудник нижнего платья (рис. 36).

Новый покрой лифа требовал особого внимания к украшению нагрудной части платья: отвороты стали делаться то уже, то шире, большей частью из другой материи и другого цвета, чем само платье.

Открытые спереди робы имели, как правило, длинные узкие или слегка расширенные рукава с простыми отворотами или жесткими манжетами.

Одновременно изменились рукава остальных широких верхних одежд, которые стали кроиться распашными и застегивавшимися на пуговицы (рис. 33, г). Часто их украшали широкими откидными или стоячими воротниками (рис. 33, а—в; рис. 34, а).

Изменение рукавов женских платьев напоминало перемены в покрое мужской одежды. Закрытые мешковидные рукава (рис. 33, а, б), как и совершенно открытые, стали делаться еще шире (рис. 33, б), в последнем случае рукав разрезался по всей длине так, что спускался от плеча вниз и волочился по полу как шлейф, а края его вырезались зубцами различной ширины (рис. 37).

Остались в моде плащи «сюрко», имевшие поперечные проймы для рук (рис. 38, б), и очень нарядные горностаевые лифы. «Сюрко» надевали при торжественных случаях в качестве парадного платья вместе с горностаевым лифом поверх него, что делало костюм еще более пышным (рис. 38, а, в). Спинные плащи тоже получили более богатую отделку и превратились в самостоятельную парадную одежду (рис. 38; ср. рис. 34).

Но более всего прихоти моды сказались на головных уборах, утрируя до нелепости прежние фасоны и изобретая новые, не менее причудливые.

Законодательницей моды была Изабелла, супруга Карла VI, известная своей склонностью к роскоши и до самой смерти следовавшая своим вкусам. О ее придворных дамах Ювеналь дез Урсен в 1417 г. писал: «Они, несмотря на войну и смуты в государстве, рядились напропалую и украшали себя головными уборами, походившими на необыкновенные рога, чрезвычайной высоты и ширины, имевшие по бокам вместо валиков наушники или кольца такой величины, что в этом уборе нельзя было пройти в дверь иначе, как боком и нагнувшись, что весьма не нравилось благопристойным людям» (ср. рис. 39).

Рис. 26

Рис. 27

Такой чрезмерный объем приобрели и другие головные уборы с прикрепленными на них валиками (рис. 20, б; рис. 36). Увеличились и обычные сетчатые чепцы, закрывавшие уши, вследствие чего и вуаль, которую носили при них, подверглась разным изменениям (рис. 40).

В 1428 г. была изобретена очередная форма головного убора, которая превзошла своей необычностью все уже имевшееся. Это были так называемые эннены — очень высокие подушкообразные или конические головные уборы, состоявшие из картонной или проволоочной основы, обтянутой материей сверху донизу.

По бокам они обшивались большим количеством прозрачной ткани, которая надо лбом и вдоль щек ле-

жала в виде широкого клина и отбрасывалась назад густыми складками вроде вуали, спускаясь иногда так низко, что при ходьбе необходимо было ее подбирать (рис. 35, б; ср. рис. 44, а).

Если в рогатом чепце приходилось наклонять голову набок, чтоб пройти в двери, то с этим убором на голове необходимо было в подобном случае приседать почти до земли — обстоятельство, особенно возмущавшее проповедников.

Основной причиной популярности «энненов» было покрывало, которое можно было драпировать, добиваясь разнообразных вариаций. Сначала его просто обвивали вокруг конусообразного головного убора и спускали вниз (рис. 35, б), а впоследствии стали укреплять на особых проволоочных каркасах, так что вся его масса распределялась поровну, образуя по бокам головы широкие и высоко поднятые крылья; они прикрывались сзади остальной тканью, сквозь которую просвечивал конический головной убор (рис. 41).

Обе формы драпировки покрывала сохранились почти без изменения до настоящего времени: первое, более простое, — у алжирских евреев, последнее, более замысловатое, — у женщин Нормандии в качестве национального головного убора. Кроме этого, существовали и другие, менее причудливые, простые и даже красивые уборы, фасоны которых также сохранились. Все они постепенно достались женщинам среднего сословия, вытеснив излюбленный капюшон.

В середине XV в. законодателем моды выступил бургундский двор, известный своей склонностью к роскоши и издавна стремившийся превзойти во внешнем блеске двор французских королей. Это соревнование началось со времени объединения обеих Бургунди под управлением Филиппа Смелого.

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

При Филиппе Добром, бывшем сначала наместником Иоанна Бесстрашного в Генте, а после смерти последнего (1419 г.) ставшем его преемником, невероятная роскошь стала при дворе обыденным явлением. Впрочем, бургундские герцоги отличались не только любовью к роскоши, но и склонностью к культурной и научной деятельности. Хотя они, как и прочие государи, продолжали вести мелкие войны, однако не переставали при этом покровительствовать научным и артистическим стремлениям, вследствие чего их придворная жизнь при всей своей пышности носила отпечаток утонченной образованности.

Соединение духовных интересов с требованиями внешних приличий породило строго регламентированные нормы поведения. Особенно они касались знати и богатых людей. При бургундском дворе этикет был строго разработан до мельчайших деталей. Даже Филипп Добрый, любивший и поощрявший искусство и науку, заботившийся об истинно рыцарском тоне и эстетическом великолепии, не мог ослабить его жесткие рамки и сам содействовал еще большей натянутости и церемонности в обращении. Так же поступал и Карл Смелый, в кратковременное царствование которого придворная пышность достигла высшей степени своего развития.

Роскошь бургундского двора проявилась во всем, начиная с костюма и самых обыденных вещей и заканчивая устройством какого-либо праздника или турнира и т. п. Когда в 1454 г. после взятия Византии гурками Филипп Добрый задумал воодушевить христиан на крестовый поход, то устроил с этой целью большой пир, затраты на который превзошли все доходы французского короля.

Платье, которое было в этот день на Филиппе, настолько было разукрашено золотом, жемчугом и драгоценными камнями, что оценивалось не менее чем в один миллион талеров. Для гостей было накрыто три стола. На первом возвышалась стеклянная церковь, внутри которой звонил колокол и находилось четверо певчих, а возле нее стоял корабль с распущенными парусами, полным экипажем и всеми прочими принадлежностями.

На втором столе был поставлен паштет, среди которого сидело 26 музыкантов, игравших во время обеда, а также укрепленный замок, в котором жила волшебница Мелюзина в образе змеи. Рвы, окружавшие этот замок, были наполнены душистой померанцевой водой. Затем была представлена пустыня, а в ней тигр, борющийся с большим змеем, дикарь, садящийся на верблюда, и шут, влезавший на медведя.

Об изменении одежды того времени, особенно мужской, дает верное понятие хроника

Рис. 28

Монстреле за 1469 год. «В это время,— говорится в хронике,— мужчины носили платье до того короткое, что из-под него виднелся во всей своей форме их зад, совершенно как у одетых обезьян».

Это описание относится к чрезмерно укороченным кафтанам, полы которых, длиной в ладонь, разрезались с правой и левой стороны до самой талии (рис. 42, г).

Для того, чтобы одежда как можно сильнее обтягивала тело, под нее стали надевать особый вид жилетов с узкими рукавами, открытых спереди и зашнуровывавшихся от самой шеи. В результате шнуровки талия делалась чрезвычайно гибкой и тонкой, что при тогдашней моде на большие подкладные плечи придавало корпусу неуклюжий вид.

Тот же рассказчик далее замечает, что на рукавах мужских кафтанов и камзолов делались разрезы, предназначенные специально для того, чтобы показать блестящую белизну дорогой полотняной сорочки. Такие же разрезы («окна») стали делать на талии, животе и даже на бедрах. Панталоны по-прежнему оставались узкими, с маленьким круглым мешочком спереди. Они крепились под полами кафтана или камзола при помощи застёжек. В обуви не произошло никакой перемены (рис. 42, г).

В верхнем платье изменились в покрое лишь одежды средней длины, доходившие до колен или немного ниже; они стали более узкими и облегаящими. Длинные одежды, составлявшие церемониальный костюм, по-прежнему оставались широкими.

Жесткость и неуклюжесть верхнего платья, которое носили то подпоясанным, то без пояса, обуславливались не только толщиной и упругостью материи, из которой оно шилось, но и особыми складками, которые шли параллельно по всей длине одежды и имели вид органных трубок.

Негибкость увеличивалась широкой и тяжелой меховой опушкой (рис. 42, а). Рукава такой одежды делались очень широкими, нередко подбивались ватой и, подобно рукавам короткого кафтана, имели разрезы и т. д. (рис. 42, а, г). Иногда рукава всевозможных покроев обшивались по краям галуном или дорогим мехом.

Парадные верхние одежды доходили до ступней, имели спереди разрез, застегивавшийся на пуговицы, и длинные узкие или очень широкие рукава. Рукава бывали двойными и тогда состояли из нижних и верхних, свободно свисавших поверх них.

Парадные одежды изготовлялись из парчи или шелковой материи. Их обычно носили подпоясанными шнуром, сплетенным

из шелковых и золотых нитей, с дорогими кистями на концах. Кроме того, эти одежды нередко обшивались или подбивались мехом, причем высшие сановники для обозначения своего положения использовали исключительно горностаевый или соболий мех.

Когда Филипп Добрый при бракосочетании с Изабеллой Португальской в Брюгге (1430 г.) установил орден Золотого Руна и праздновал его учреждение в Лилле (1431 г.), он вместе с кавалерами нового ордена явился одетым в ярко-красный кафтан, подбитый и опушенный беличьим мехом.

Поверх этого кафтана, доходившего до ступней, была наброшена длинная мантия из тонкого красного сукна, вышитая золотом и окаймленная мехом. Голова его была покрыта широким валиком в виде тюрбана, с которого свисала вниз двойная лента одинакового с плащом цвета, а на руках были надеты белые вышитые перчатки. По краям мантии были вышиты символы ордена, изображавшие золотые андреевские кресты, между которыми располагались кремни, сделанные из голубой эмали, а также искры огнива и знаки руна, изготовленные из золота.

Поверх плаща вокруг шеи висела цепь, составленная из тех же символов, расположенных таким образом, что кремни чередовались с огнивами, образуя звенья. На одном из камней был начертан лозунг: «*Pretium labore pop vite*», на нем же висело руно (ср. рис. 43).

Головные уборы этого времени состояли в основном из широкополых плоских или высоких войлочных шляп. Такую форму имела и шляпа Карла Смелого, оставленная им при Грансоне и превосходившая драгоценностью и великолепием отделки все остальные шляпы. Эта шляпа имела тупую тулью, узкие поля и была обтянута желтым бархатом (ср. рис. 42, г).

Нижнюю часть тульи охватывал золотой венец с сапфирами и рубинами, каждый из которых был окружен тремя большими жемчужинами. От венца до самого верха шляпы висел шнур из шести жемчужных ниток, украшенный спереди аграфом из бриллиантов, рубинов и жемчуга в золотой оправе, которым крепилось красное и белое завитое перо.

После того, как эта шляпа была куплена Якобом Фуггером, который ее разрезал на части, самые дорогие камни с нее перешли во владение императора Максимилиана. Золотой венец на шляпе могли носить только царствующие лица.

Прочие украшали свой головной убор золотым крученым шнурком, а дорогие камни заменяли вышитыми золотом или шелками украшениями. Перья на шляпах или вовсе не носили, или же прикрепляли одно узкое тор-

Рис. 30

Рис. 31

чащее кверху прямое перо. Материал, которым обтягивались шляпы, был всевозможных цветов.

Так как этикетом бургундского двора предписывалось снимать шляпу перед высокопоставленными лицами и никогда не надевать ее в присутствии герцога, то у знатных лиц вошло в обычай носить под шляпами маленькие шапочки, которые никогда не снимались вместе со шляпой (рис. 42, а, г).

Эти шапочки, обычно одноцветные, почти одной высоты со шляпой, имели конусообразную форму без полей. Иногда их украшали небольшой кисточкой, прикреплявшейся к верхушке. К самой шляпе пришивалась узкая лента, поддерживавшая шляпу, когда ее откидывали на спину (рис. 42, г; ср. рис. 24, б).

Принято было поля шляпы заворачивать кверху спереди или сбоку, в зависимости от их ширины, причем загнутая часть крепилась к тулье крючочками и к ней пристегивался аграф. Такие шляпы с шапочками под ними были характерны для знатных

особ. Они же иногда носили широкие круглые валики с ниспадающей с них накидкой и головные повязки. Остальные головные уборы были свойственны и прочим сословиям.

Чрезвычайно тяжелые ткани, которые в это время сделались самыми модными у женщин, придали женской одежде ту же массивность, какой отличалась мужская. Использование таких дорогих материй могло существовать только среди знати, однако оно имело некоторое влияние и на низшие сословия, которые в это время еще сильнее стремились подражать богатым и знатным вельможам.

В покрое одежды не произошло существенных изменений. Хотя в хронике Монстреле и сказано о женщинах (1467 г.), что именно в это время они «перестали носить чрезмерно длинные шлейфы и заменили их отделкой из дорогих материй, шелка, бархата или меха, занимавшей целую четверть всей длины платья; шелковые пояса вокруг бедер стали делаться гораздо шире, а шейные цепочки носились все в том же безобразном количестве», все это вошло в моду уже в царствование Людовика XI.

До начала царствования Карла VIII (1483 г.) длинные шлейфы приобрели при бургундском дворе настолько важное значение, что были составлены особые правила их ношения для торжественных и обычных случаев (ср. рис. 42, б, в, д; рис. 44). Постоянные выступления моралистов против моды того времени были по-прежнему направлены против этого наряда, который они считали «изобретением сатаны».

Верхнее платье — роба, шлейф которой достигал четырех локтей в длину, — став парадным, приобрело соответствующую отделку (рис. 44; рис. 69). Его шили из самых дорогих тканей — парчи или узорчатого шелка. Украшали по подолу, обшлагам и воротнику (если таковой имелся) широкой обшивкой из цветной шелковой материи, бархата или меха. Пояс был вышит золотом и отделан жемчугом и драгоценными камнями. Обычно он имел ширину ладони и завязывался, как и прежде, под самой грудью.

Нижнее платье, длиной до ступней, богато украшалось там, где его не прикрывала верхняя одежда, например, на груди и в некоторых местах подола, которые открывались, когда подбирался шлейф. Нагрудник расшивали жемчугом и дорогими камнями, а подол, как и у верхнего платья, обшивали каймой.

Украшенный дорогим аграфом, он иногда бывал открыт настолько, что грудь оставалась наполовину обнаженной. В таком случае ее вместе с шеей прикрывали особым воротником, который нередко делался из кружев с вплетенной золотой или серебряной нитью. Поверх нагрудника на шею обычно надевали несколько ниток жемчуга или золотые цепочки, украшенные драгоценными камнями.

Руки украшали кольцами, которые надевали даже поверх вышитых перчаток. Обшитые мехом безрукавки, издавна любимые женщинами (рис. 20, б; рис. 38, а), со временем превратились в самое модное и очень богатое нарядное платье, особенно при бургундском дворе, где они были признаны парадной одеждой.

В головных уборах особых перемен не произошло, но уже имевшиеся фасоны стали еще богаче и изящнее. Высокие конусообразные шляпы с длинным ниспадающим покрывалом или с крылообразно поднятыми лопастями по бокам, с двойными поперечными валиками и пр. приобрели больший объем и более богатую отделку вопреки всем протестам духовных лиц (рис. 42, б, в, д; рис. 44).

Церковники насмехались над модницами в таких шляпах, сравнивая их с рогатыми животными, а головным уборам давали насмешливые прозвища. Однако общество находило их красивыми и нарядными.

Рис. 32

Рис. 33

В головных уборах, как и в прочих деталях одежды, образцом служил бургундский двор, дамы которого особенно любили рогатые шляпы и высокие с широкими двойными валиками шапки. Некоторые из них носили более низкие чепцы упрощенной формы (рис. 42, в).

Этой моде следовала вся Франция, а за ней и Англия, хотя английские дамы не забывали традиционных чепцов с широкими выпуклыми наушниками (ср. рис. 38; рис. 40).

Волосы продолжали убирать по-прежнему, т. е. зачесывали назад и прятали под головной убор. Форма обуви тоже не изменилась, хотя отделка, в соответствии с остальным костюмом, стала еще богаче. Особенно богато и искусно отделялись подвязные подошвы, которые иногда были сплошь филигранные.

Мужская одежда сохранила короткий и узкий покррой. Все изменения, которым она подвергалась, касались лишь отделки и некоторых деталей.

Высокие наплечники несколько уменьшились в объеме, зато увеличилось число разрезов на верхнем платье с целью показать тонкое белье.

Именно в этих разрезах страсть к изменениям проявилась больше всего. Они делались по одному или по несколько в верхней или нижней части рукава, а также на груди — от плеч и до талии, где из-под них большими буфами выглядывала сорочка.

Вырез на груди закрывался гладким, богато украшенным нагрудником, поверх которого шли шелковые, серебряные или золотые шнуры, крестообразно переходившие от одного края разреза к другому. Подобные детали придавали одежде разнообразие.

Позже начали укорачивать боковые полы камзолов и делать разрезы в верхней части панталон, а иногда даже в нижней, особенно спереди и вдоль икр. Некоторые щеголи, не довольствуясь одними разрезами и желая показать шею и руки, носили нагрудник гораздо ниже плеч, укорачивали рукава до самого локтя, а на спине делали такой же глубокий вырез, как и на груди.

Рукава с разрезами кроились очень узкими, отчего сорочка выглядела из них еще пышнее. Рукава без разрезов делались в обтяжку от локтя и расширялись к плечу (рис. 26, а; ср. рис. 46). У камзолов особенно богато украшались края грудного выреза и находившийся между ними нагрудник.

Отделка панталон состояла из пестрых полос, на которых располагались вразброс или шли в горизонтальном направлении разные украшения. Иногда на них нашивались или вышивались гербы, изречения и т. п. Позднее стали отделять верхнюю часть панталон от нижней. Иногда поверх обыкновенных панталон надевались короткие, не доходившие до колена верхние штаны и особые чулки, закрывавшие нижнюю часть панталон.

Кроме церемониальной одежды, все остальные виды широкого верхнего платья укоротились настолько, что доходили до колен и лишь изредка до ступней (рис. 45). Рукава сохранили прежний покрой. Встречались рукава такой длины, что они волочились по полу и были длиннее платья. Чтобы не стеснять свободного движения рук, их разрезали почти от самых плеч. Такого же покроя были рукава церемониальной одежды, отличавшейся от обыкновенной, открытой спереди (распашной) верхней одежды только богатой отделкой и чрезмерной длиной и шириной (рис. 46, 47).

Во Франции в царствование Карла VIII (1483 — 1498 гг.), в Англии при Эдуарде V (в 1483 г.) и при Генрихе VII (в 1485 г.) появились длинные одежды с более короткими рукавами, которые были приняты даже в среднем сословии. Такой фасон во Франции, как и раньше, продолжали носить ученые, как одежду, присвоенную их званию (рис. 48, а—г).

Возникали новые формы головных уборов. К концу царствования Карла VIII (около 1490 г.) появились довольно низкие круглые шляпы с очень широкими полями, нашедшие спрос преимущественно среди высшего дворянства. Их делали в основном из жесткой материи, войлока или толстого сукна и обтягивали цветным шелком, бархатом или какой-либо другой дорогой тканью; их широкие поля, обшитые богатой каймой, с одной стороны, обычно с правой, были завернуты кверху настолько, что закрывали собой тулью.

Главным украшением этих шляп был прикрепленный сбоку пучок дорогих разноцветных перьев, которыми теперь шеголяли, как прежде длинными носками обуви. Перья располагали веером, стараясь сде-

Рис. 34

Рис. 35

лать пучок как можно шире, так что иногда такие связки представляли собой настоящие павлиньи или страусиные хвосты. Некоторые модники снова стали носить давно забытые головные обручи и повязки, которые украшали одним пером, прикрепляя его перпендикулярно спереди посреди лба.

Все сильнее распространялась мода на драгоценные украшения (кольца, цепочки и т. п.), перчатки и поясные карманы, а также обычай вышивать на платье золотые буквы. К одежде, украшенной таким образом, полагалась узкая перевязь через плечо с вышитым на ней девизом. Кроме того, вошло в обыкновение носить вместе с поясным мешочком так называемый «патер-ностер» («Отче наш»), или четки, которые сделались полноправным украшением костюма и отделялись в соответствии с ним (ср. рис. 45).

В женском костюме возвращение к покрою, подчеркивающему естественные формы тела, выразилось в том, что высокие плечи исчезли, пояс стали носить на талии и, главное, лиф стал гораздо свободнее. При этом рукава и юбка платья почти не изменились, хотя узкие рукава стали предпочитать широким, а юбки делались с менее длинным шлейфом.

При возвращении к более естественным формам снова возникла склонность к преувеличению, породившая новые необычные детали и фасоны. Все больше открывались шея, грудь и руки, а в конце XV в., при кокетливой супруге Людовика XII, королеве Анне Британской (с 1491 г.), женщины стали обнажать даже икры ног. Уже во время Людовика XI (около 1480 г.) декольте на груди и спине делались гораздо шире прежнего, а нагрудник спускался все ниже, порой едва прикрывая грудь (рис. 49, в). Иногда он заменялся тонкой и почти прозрачной материей.

Вначале эта мода не пользовалась одобрением, а, наоборот, вызывала осуждение даже со стороны самих женщин, особенно из среднего сословия (рис. 49, б; рис. 50, а—в). Тем не менее ей продолжали следовать, дополняя новый фасон разрезами на рукавах, чтобы показать тонкое полотно сорочки, которую выпускали буфами. Иногда рукава укорачивали до самого локтя и даже до середины предплечья.

Для прикрытия совершенно обнаженных рук стали использовать нижние рукава из тончайшей материи разнообразных фасонов. Короткие рукава верхнего платья, закрывавшие только верхнюю часть руки, отделялись по краям мехом или богато вышитой каймой, чаще всего золотой или цветной бахромой и т. п. (ср. рис. 49, б; рис. 50, в).

Гораздо важнее для дальнейшего развития женской одежды было то, что в результате постоянного ношения коротких безрукавок и стремления приспособить верх платья к формам тела лиф начали отделять от юбки. Поэтому и само платье (роба), которое раньше кроилось из одного цветного куска, разделилось на две части, делавшиеся из различной материи и разного цвета.

Эта перемена повлияла на дальнейшие изменения женского костюма. Поначалу новый фасон платья использовался только в исключительных случаях, поэтому по-прежнему преобладали старые покрои, немного, впрочем, изменившиеся.

Так, в 1491 г. по примеру королевы Анны, гордившейся красотой своих ног, юбки разрезались по бокам почти до самого колена. Если раньше в такой юбке ноги закрывались нижним платьем, то теперь и его приподнимали (рис. 51; ср. рис. 17, б).

С разделением робы на две части четко обозначилась талия, а пояс снова утратил свое основное назначение и употреблялся теперь (как и в мужской одежде) только для ношения прикреплявшихся к нему мешочка и разукрашенных четок (рис. 50, в; рис. 55). Иногда к нему прикреплялись шнуры с небольшими крючками, чтобы подбирать платье (рис. 50, а).

Верхняя нарядная одежда у дам высшего сословия имела вид накидки, открытой с обеих боков, или безрукавки, обшитой мехом. В таком наряде неизвестный художник изобразил королеву Анну (рис. 53). Похожие безрукавки, спускавшиеся немного ниже колен, были распространены в Англии, особенно среди молодых девушек из высшего общества (рис. 54, б).

Рис. 36

Длинный и широкий плащ (мантия) был исключительно почетной одеждой (рис. 53; ср. рис. 54, а рис. 55). Похожие плащи, но без всякой отделки и сшитые из толстой и грубой материи, носили женщины среднего сословия для защиты от холода и непогоды. Поскольку плотная материя не могла ложиться складками, то их закладывали продольно и прошивали по всему плащу, от чего он делался еще жестче. К плащу иногда добавлялся отложной или стоячий воротник, а изредка и меховая опушка.

Головные уборы этого времени постепенно упростились. Под давлением моралистов, постоянно критиковавших нелепые фасоны, и просто со временем женщины наконец осознали неестественность и

неудобство этих модных уборов. Вскоре после того как Бургундия утратила первенство в законодательстве мод, в последние годы царствования Людовика XI, снова начали появляться головные уборы оригинальных форм.

При Карле VIII (в 1483 г.) исчезли прежде всего непомерно высокие конические шляпы, разного рода рогатые шляпы, а также всевозможные причудливые формы широко расходящихся рогов из высоко поднятых двойных валиков и широких ушных сеток. Они заменились новыми уборами, напоминавшими прежние, но более умеренных размеров (рис. 55), а также маленькими, красиво отделанными шапочками различной высоты.

Довольно долго продержались остроконечные шляпы с крылообразной драпировкой из легкой материи. Такой же драпировкой украшали и небольшие круглые шляпы, с той разницей, что на них вуаль располагалась вокруг проволоочного каркаса веерообразно расходящимися складками и составляла двойную прозрачную драпировку (рис. 49). При шляпах более простой формы продолжали носить вуаль, доходившую теперь до плеч.

Головные уборы новых фасонов, в отличие от прежних, едва прикрывали верхнюю часть головы, так что под ними приходилось носить головной платок (рис. 50). В основном эти уборы имели форму маленьких плоских беретов, круглых плоских и заостренных шапочек, иногда довольно низких, а также не очень широких чепцов и сеток. Все они богато украшались шитьем, жемчугом, отделкой из золота и т. п., а береты к тому же нередко обшивались мехом по околышу.

Головной платок, который носили под этими шапками, прикрепляли к ним (рис. 50, б) или же надевали как самостоятельный головной

Рис. 37

Рис. 38

убор (рис. 54, а), складывая вдвое или втрое. Он обычно доходил до плеч и прикрывал их верхнюю часть.

Сначала такой платок просто накидывали на голову, но постепенно и для него придумали модный способ ношения, особенно распространившийся в Англии. Он состоял в том, что под платок подкладывался кусок жесткой ткани, приподнимавший его углом по центру лба, вследствие чего складки платка туго натягивались (рис. 50, а, в).

Позднее модницы снова вернулись к длинным покрывалам, которые стали носить вместе с этими платками, может быть, для того, чтобы несколько смягчить их жесткость. Когда Анна Британская во время своего первого вдовства надела черную вуаль, то это тотчас вошло в моду сначала у придворных дам, а потом и у богатых женщин среднего сословия.

Черные вуали отделывали разным шитьем и жемчугом и украшали богатыми аграфами. Принцессы носили короны или головные обручи, напоминавшие венцы. Остальные знатные дамы, имевшие право на подобное отличие, сочетали его с каким-нибудь головным убором.

Изменение головных уборов повлияло на прически. С появлением маленьких шапочек волосы оказались на виду, и прежняя мода полностью скрывать их под головными уборами постепенно сошла на нет. Сначала гладко зачесанные назад волосы открывали настолько, насколько это позволяла надетая на них шапочка (рис. 49, в), иногда их прикрывали платком (рис. 50).

Когда новая прическа стала привычной, волосы стали спускать вдоль щек в виде локонов или кос. Вместе с этим нововведением,

Рис. 39

одобренным Анной Британской (рис. 53), окончательно исчезла и вся сдержанность в прическах: хвастаясь густыми волосами, молодые женщины носили все более длинные косы или распускали их, как в старину (рис. 51, 52; рис. 54, б).

Недостаток собственных волос восполняли шиньонами.

Кто не был знатен по рождению или не был особенно богат, тот старался хотя бы казаться таким. Дворяне, ведя роскошную жизнь, не соответствующую доходам, были вынуждены закладывать большую часть своего имущества горожанам, которые таким образом постепенно богатели, тогда как дворяне все больше впадали в нищету. Во всем, что можно было достать за деньги, горожане могли теперь равняться со знатыми людьми.

В отдельных случаях они по внешнему виду и образу жизни не уступали даже королям и князьям. Постепенно исчезло различие сословий по костюму. Примеру богатых горожан последовали менее богатые, за ними низшие классы, включая слуг, получавших одежду от своих господ.

Крестьяне, которых не касалась городская жизнь, сохранили почти без изменения старинную простую одежду, приспособленную к их занятиям. Поскольку полотно и лучшие сорта сукна стоили очень дорого, крестьянская одежда шилась исключительно из посконной ткани и очень грубого сукна.

В некоторых местностях Франции крестьяне носили особый вид жилетов из козьих и овечьих кож. Как правило, крестьянский мужской костюм состоял по-прежнему из штанов, блузы и короткого плаща; на ноги обувались кожаные или деревянные башмаки (ср. рис. 56). Женщины носили, при такой же обуви, юбки, доходившие до ступней, короткие накидки и, в зависимости от местности, различные, преимущественно простые чепцы (ср. рис. 21, а, б, в).

Траурная одежда у всех сословий была черного цвета. Исключение составляли французские короли, траурным цветом которых был красный. Женщины при траурном костюме надевали белую вуаль. Вдовы должны были носить покрывало, спускавшееся почти до коленей.

Несмотря на все изменения, которым подвергался костюм до конца XV в., церемониальное одеяние государей сохранило традиционный покрой, носивший явный отпечаток древнеримского происхождения (ср. рис. 57, 58; рис. 59). Все изменения касались только

отделки его различных частей и способа ношения мантии, которая застегивалась то на правом плече, на старинный манер, то на груди.

Изменения в манере надевать плащ начались в конце XIII в., что заметно по картинам того времени, где короли и прочие коронованные лица изображены в наплечных плащах. С конца XIII в. на многих картинах встречается другой вид плаща, несколько отличный от первого. Так, на портретах французских и английских королей первые изображены исключительно в наплечных плащах (рис. 57), а последние, особенно в начале XIV в., преимущественно в спинных (рис. 58, 59).

Одевание королей по-прежнему состояло из традиционных частей и включало, кроме обыкновенной нижней одежды, две туники: нижнюю и верхнюю (далматику), необходимый при них пояс, плащ, башмаки, перчатки и знаки верховного сана — меч, корону, скипетр и державу.

Меч опоясывали вокруг далматики во время церемоний. Короли не всегда носили его сами, иногда поручали одному из высших государственных чиновников, который вручал его королю перед алтарем во время коронации.

Держава, которая составляла принадлежность императорского облачения, у королей обычно заменялась вторым скипетром. Широкая и длинная перекрещенная на груди лента (так называемая стола, принятая и духовенством), заимствованная от византийского императорского облачения, сделалась исключительной принадлежностью императорского одеяния.

В Англии последним королем, носившим такой знак отличия, был Эдуард I (1272-1307 гг.). При вскрытии гробницы в Вестминстерском аббатстве (1774 г.) среди предметов королевского облачения находилась такая перевязь.

Само одеяние состояло из красной шелковой камки, туники (далматики) и атласного ярко-красного плаща, застегнутого на плече пряжкой длиной в дюйм и украшенного камнями и жемчугом.

Перекрещенная на груди стола из белой материи была также богато украшена камнями, жемчугом и желтыми металлическими украшениями в виде четырехлистников филигранной работы.

В одной руке короля находился скипетр, а в другой — остатки металлического украшения, вероятно державы; тело было завернуто до колен в материю вроде парчи. Камни и жемчуг были фальшивые, а металлические украшения позолоченные, то есть все найденное одеяние было только копией настоящего королевского.

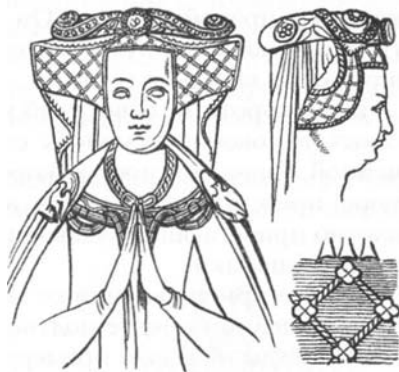

Рис. 40

Рис. 41

На одной из миниатюр того времени, изображающей, вероятно, короля Эдуарда I в полном орнаменте торжественных царских одеяний, представлено точно такое же облачение.

На другой миниатюре того же времени, изображающей коронацию Эдуарда I, король тоже одет в широкий и длинный плащ, открытый с правой стороны. Он подбит мехом, но отличается от мантии широким, наглухо застегнутым горностаевым воротником, идущим от шеи и до груди.

Такой воротник, известный уже в начале XIII в. как знак отличия самых высокопоставленных сановников, стал впоследствии неизменной принадлежностью королевского орната. На той же миниатюре представлена простая зубчатая корона, а также длинные, плотно прилегающие рукава нижней одежды, обтягивающие панталоны и башмаки.

Все это при сравнении со многими другими изображениями королей в полном орнаменте подтверждает тот факт, что фасон королевской одежды не всегда придерживался твердо установленных предписаний.

Чаще всего менялся покрой рукавов туники или далматики, которые делались то длиннее, то короче, то шире, то уже. Как показывает скульптурное изображение Эдуарда III (1327—1377 гг.) в Вестминстерском аббатстве (рис. 58), далматика иногда надевалась без пояса и имела разрез посредине переднего полотнища, который шел вверх от подола.

При выборе цвета королевских одежд отчасти руководствовались личным вкусом, а отчасти придерживались традиций. Уже с XIII в. французские короли избрали для себя голубой цвет, который и остался постоянным цветом их одеяния: по крайней мере и в начале XV в. их далматика, мантия и башмаки были голубыми.

Английские короли не были столь принципиальны: по их изображениям видно, что названные части их облачения бывали разного цвета. Раскрашенные надгробные статуи Генриха II и Элинора, Ри-

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

чарда I и Беренгарды, хранящиеся в аббатстве Фонтевро в Нормандии и датируемые XII—XIII вв., одеты по-разному: одни в темную мантию и красную далматику, другие наоборот.

На миниатюре, изображающей Генриха IV (1399—1413 гг.) при коронации, преобладают пурпурный и ярко-красный цвета. Известно, что Ричард III, знаменитый склонностью к роскоши, в день своей коронации сменил два парадных платья (робы). Одно из них было из ярко-красного бархата, богато разукрашенное золотым шитьем и подбитое беличьим мехом, а другое из пурпурного бархата, подбитое горностаем; панталоны, шелковая мантия и затканые золотом башмаки были такого же ярко-красного цвета.

Французские короли, избравшие для своей одежды определенный цвет, выбрали для него и особое украшение. Это было геральдически видоизмененное изображение цветка лилии, служившего в средние века вместе с голубым цветом главным символом Пресвятой Девы.

В таком значении лилия и была принята французскими королями. Кроме исключительных случаев, в которых по особо важным причинам приходилось отступать от общепринятого обычая (например, когда Карл VI во время коронавания его супруги Изабеллы имел мантию ярко-красного цвета, затканную золотом), главные части одежды французских королей — мантия, далматика и башмаки — делались с этого времени только из голубой материи (бархата, атласа, шелка и т. п.), по которой на равном расстоянии вышивались золотые лилии.

Даже узкая нижняя одежда украшалась лилиями, пока ее не сменила туника (рис. 57). Только панталоны, которые шили из шелко-

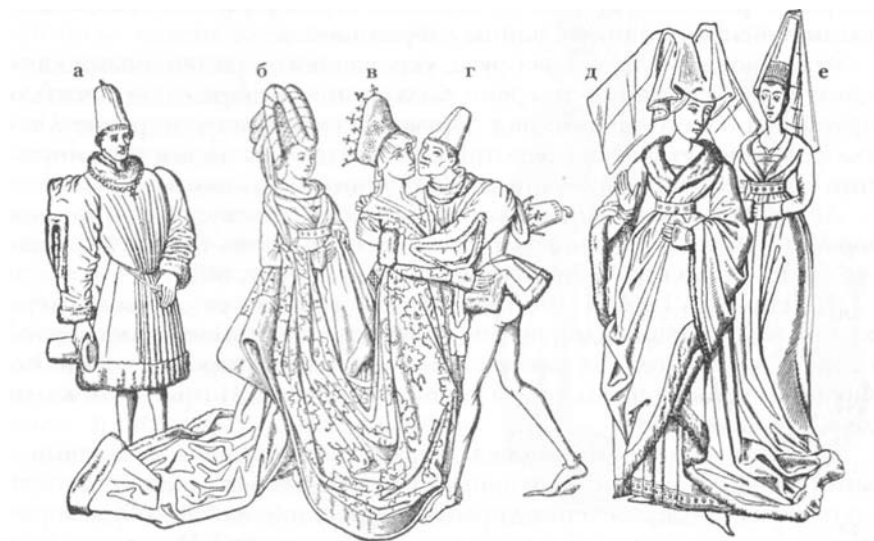

Рис. 42

Рис. 43

вой материи темно-голубого или фиолетового цвета, и туника, имевшая обычно белый или розовый цвет, оставались без этих украшений. Отделка деталей одежды золотом, драгоценными камнями и жемчугом со временем упростилась, но зато к мантии прибавился длинный шлейф.

Из инсигний наибольшим изменениям подверглись короны. Изменялись только орнаменты и отделка, так как основная форма короны — широкий обруч с возвышающимися над ним украшениями — оставалась неизменной. Образцами для украшений служили в основном растения — листья или цветы. Орнаментация обруча была разнообразнее: в виде арабесок из камней, жемчуга и т. п., нередко с филигранными промежутками между ними.

Главным украшением на коронах французских королей была лилия. На английских коронах она встречалась только как добавление к прочей

листообразной отделке. Примером может служить корона на надгробной статуе Генриха IV (рис. 60, ср. рис. 59). Предполагают, что она является точной копией драгоценной короны, которую в 1415 г. Генрих V разломал, а куски ее заложил, чтобы расплатиться с наемными войсками во время войны с Францией.

Эта корона состояла из обруча, украшенного драгоценными камнями (одним рубином и тремя большими сапфирами) и десятью крупными жемчужинами; над обручем возвышались широкие листья, в промежутках между которыми находились лилии и жемчужные украшения, расцвеченные драгоценными камнями.

До этого все короны надевались прямо на голову; теперь же под ними стали носить шапочки, которые тоже очень богато украшались; это видно по изображению Генриха IV (рис. 60).

До Генриха VI (1420—1461 гг.) короны делались открытыми сверху, при нем же (как видно по монетам того времени) их стали делать с поперечной дугой, на манер старинных императорских корон. Во Франции первым надел такую корону Людовик XII при своем въезде в Париж в 1498 г.

Вскоре в короне добавилась вторая дугообразная поперечина, которая перекрещивалась с первой под прямым углом. Это позволяло на точке их пересечения укреплять крест или какое-нибудь украшение, как это было сделано на короне Людовика XII, имевшей на вершукке большую лилию.

Украшения скипетра в основном сосредоточивались на его верхней части; сам стержень делался то круглым, то граненым, с круглыми или гранеными яблоками посередине и на конце. Скипетр обычно был золотой или позолоченный и имел от двух до трех футов длины (рис. 57).

Верхушка скипетра по старинному обычаю украшалась какой-нибудь фигурой — орлом, цветком (чаще всего лилией), яблоком с укрепленным на нем крестом, или только крестом, или только яблоком. Иногда, как на скипетре статуи Эдуарда II, это украшение представляло собой зубчатую башенку с сидящей на ней птицей. Но такие произвольные украшения допускались лишь для одного из двух скипетров, которые короли держали в руках во время коронации, — скипетра, служившего символом власти.

Другой скипетр, находившийся в левой руке, оканчивался на верхушке рукой из слоновой кости с тремя поднятыми и двумя пригнутыми к ладони пальцами. Это изображение, а также значение украшенного им скипетра как символа правосудия было наследием римских традиций. Как французские, так и английские короли короновались с двумя описанными скипетрами.

Надгробное изображение Эдуарда III (умер в 1377 г.) запечатлело короля с двумя скипетрами (сохранились их остатки в каждой руке фигуры) (рис. 58).

Облачение королей в основном походило на одежду королей. Некоторые его части, особенно корона и скипетр, были еще красивее, а последний делался обычно меньше скипетра королей. В 1389 г., когда супруга Карла VI Изабелла въезжала в Париж в сопровождении герцогинь де Бар, де Берри и де Турен, на ней было надето шелковое платье, усеянное золотыми лилиями.

Доехав до Сен Лазара (недалеко от Парижа), она и герцогини надели на себя короны, богато украшенные дорогими камнями. На следующий день при совершении церемонии коронации королева была одета совершенно одинаково с королем, с той разницей, что ее волосы свободно спускались из-под короны.

С этих пор, судя по изображениям того времени, одеяние королей стало приближаться по покрою к обыкновенной женской одежде. Эта перемена сначала коснулась только нижней одежды, а королевская мантия сохранила свою традиционную форму наравне с осталь-

Рис. 44

Рис. 45

ными инсигниями — короной, скипетром и т. д. Кроме официальных выходов в торжественном королевском одеянии, королевы носили мантии, покрой и отделка которых определялись их личным вкусом или господствующей модой (ср. рис. 20, б).

Герцоги, графы и вообще все крупные ленники при своем вступлении во владение иногда короновались так же, как и короли, облачаясь при этом в похожие орнаты. Разница была в том, что королевский орнат, особенно во Франции, почти не изменялся, сохраняя установившуюся форму, а орнаты владетельных лиц были очень разнообразны по цвету, украшениям и т. п.

Самым заметным украшением таких одеяний были фамильные гербы, которые вышивались разноцветными шелками на мантиях. Для корон издавна существовали определенные формы: на золотом обруче герцогской короны находилось два зубца, наподобие цветка, а графская корона состояла из одного обруча.

Насколько строго соблюдалось это предписание, определить почти невозможно, так как на многих изображениях, особенно английских графов, например, на памятниках Тамаса (1416 г.) и Уильяма Фитц-Аллана (1487 г.) в Арундельской церкви встречаются короны, различные по форме и по количеству зубцов, но все очень богато украшенные.

Возможно, что знатные вассалы надевали короны установленной формы только в тех случаях, когда это требовалось церемониалом (например, в присутствии короля), а вообще носили короны произвольного образца. Позднее даже низшее дворянство стало носить подобные знаки отличия, но при его социальном статусе это не имело принципиального значения, и не привлекало особого внимания. Закрытые сверху короны были введены, вероятно, только для того, чтобы отличать таким образом королевские короны от вассальных.

Для дворян, занимавших какую-либо придворную должность при короле или герцоге, например, маршала, сенешаля и др., постепенно сформировалась особая, обозначающая их сан придворная одежда, которую они надевали при исполнении своей должности или когда им следовало являться ее представителями.

Сначала она напоминала одежду, которую знатные лица надевали в торжественных случаях, но была богаче отделана (рис. 13; рис. 46, 47). К началу XV в. для каждой придворной должности была установлена определенная одежда, отличавшаяся от одежды других

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

должностных лиц цветом, отделкой и изображенными на ней атрибутами должности.

Во Франции для церемониальных одежд чаще всего использовался темно-голубой, ярко-красный и фиолетовый цвета; в некоторых случаях употреблялись также зеленый и желтый. Покрой официальной одежды обычно отличался значительной шириной, обилием складок и умеренной длиной шлейфа (рис. 46, 47).

В отношении президента и советников парламента во Франции существовал обычай, по которому сам король ежегодно выдавал президенту новую одежду ярко-красного цвета, подбитую горностаем, и бархатную шапочку украшенную золотыми обручами. Советники парламента тоже получали от него ярко-красные платья, хотя уже в XV в. они больше не являлись действительными чиновниками королевского дома, а причислялись к государственным служащим.

В остальных классах общества социальное положение и занятия также стали обозначаться внешними отличиями костюма. Эта тенденция особенно резко проявилась во время активного развития городов и разделения городского населения на ремесленные корпорации, чиновников, ученых и т. д.

До начала XV в. не существовало никаких законодательных постановлений, определявших костюм различных слоев городского населения. Время от времени появлялись отдельные предписания, которым не придавали особого значения.

Купцы носили раздвоенные бороды, пестрые платья смешанных цветов, «фландрские» войлочные шляпы и шнурованные полуботинки. Френклейны, или помещики, отличались поясным карманом и поясным ножом; моряки — широким балахоном или толстой курткой, доходившей обыкновенно до колен, и шпагой на боку.

Управляющие, или смотрители замков, носили короткую бородку и волосы, выстриженные вокруг ушей, а также длинное «сюрко» пестрых цветов или серовато-синего оттенка. Ремесленники имели особые отличительные знаки цеха и гильдии, к которым они принадлежали. Их одежду дополняли кошельки, пояса и ножи, отделанные серебром.

Светские ученые, то есть те лица, звания и деятельность которых определялись образованием, одевались все без исключения в длинные и широкие одежды, подобно духовенству, из которого они и выделились.

Рис. 46

Рис. 47

К ним принадлежали доктора и хирурги, законоведы и приказные.

Врачи отличались темно-синей и голубой верхней одеждой из полотна с тафтой; судейские чиновники — разноцветным полосатым или двухцветным («ми-парти») платьем с богатым набедренным поясом в серебряной оправе. Кроме того, они носили белую шапку, сначала полотняную, а потом шелковую, с меховой опушкой, и особого рода отложной воротник, также обшитый мехом.

Подобным образом различались сословия и во Франции. В XIV в. все ученые, судьи, врачи и хирурги носили длинную одежду, напоминавшую облачение духовных лиц. Одежда врачей была, как правило, серого цвета, пояс и шапка черные; шапка имела два широких наушника, подвязывавшихся под подбородком. У хирургов и платье, и головные уборы были красного цвета.

Правоведы и судьи, как и духовные лица, брили головы, носили и длинную, и короткую одежду, доказательством чего служит деление их на «людей длинной одежды» и «людей короткой одежды». К первому разряду причислялись адвокаты, надевавшие поверх длинного платья такой же длины накидку с проймами для рук по обеим сторонам.

Для богословов и вообще всех докторских степеней при университете, а также студентов был установлен костюм, отличавший их от прочих сословий. Он состоял из особого покроя накидки обычно из темной или черной материи, шапочки такого же цвета и черных башмаков, открытых сверху. Из-за многочисленных беспорядков и непристойностей, которые позволяла себе учащаяся молодежь, от нее строго требовалось носить только предписанный костюм.

Главные сборщики податей, нотариусы, писцы и их помощники отличались шапками бобрового и выдрового меха, которые выдавались им ежегодно.

Городские власти носили разнополосное платье (так называемое «ми-парти») цветов городского герба, изображение которого нередко нашивалось или вышивалось на рукаве или на груди; для хранения казенных бумаг они носили у пояса бархатный кошель с металлическими застежками. Часто жены этих чиновников тоже носили особую одежду; к примеру, во многих городах родственницы городских судей носили ради отличия красные и черные наголовники (шапрон).

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Особенно строго регламентировалась одежда публичных женщин и евреев. В Тулузе публичным женщинам вменялось в обязанность постоянно носить капоры и белые метки.

Только при Карле VI, по настоятельной просьбе этих женщин избавить их от такого позора, им было разрешено одеваться произвольно, нашивая только на одном из рукавов платья шнурок отличного от платья цвета. Церковные Соборы 1233 и 1367 гг. постановили, что евреи должны носить длинные одежды.

На церковном Соборе 1314 г. было добавлено, что шапки их должны иметь рогатую форму и желто-красный цвет, а на груди нижней одежды или на плече плаща должно нашиваться красное или оранжевое колесо. Однако все эти предписания многократно изменялись в различных местностях.

Высшие чиновники (уже с середины XV в. стали носить длинный темно-фиолетовый или черный кафтан с черной накидкой, а около 1436 г. заменили подбитый мехом шапрон четырехугольной шапкой. Прокуроры тоже одевались в длинную черную одежду, но без накидки и носили простую шапку без меховой опушки.

При погребении Карла VI все советники казначейства и их подчиненные были одеты в черное, между тем как присутствовавшие на церемонии тайные судьи города Парижа имели полосатую одежду, «ми-парти», а у судебных чиновников был вышит на груди городской герб.

Когда Генрих VI Английский въезжал в Париж (около 1431 г.), то городской голова (прево), открывавший процессию, был одет в ярко-красное шелковое платье с голубым шапроном на голове. Все знатные горожане, члены свиты, менялы, купцы и прочие, так же

Рис. 48

Рис. 49

как и рекетмейстеры, советники и др., были одеты в красное; в костюме купеческого старшины преобладали красный и голубой цвета. Главное отличие высших чиновников администрации составляли особого рода мягкие бархатные шапки, не похожие на четырехугольные суконные шапки адвокатов (рис. 48, а—в).

Различия в костюмах остальных слоев городского населения определялись родом занятий и традициями. Особенно это было заметно среди ремесленников, где каждое товарищество и каждый цех имели свой значок и часто даже избирали для себя особый цвет одежды, которым отличались от остальных на процессиях, торжественных собраниях и т. п.

Повседневная одежда ремесленников обуславливалась родом их занятий, который накладывал характерный отпечаток на внешность. Например, кузнецы и другие работники, имевшие дело с огнем, носили кожаные фартуки и засучивали рукава рубашки; повара одевались в белое, с белым фартуком и заткнутым за пояс поварским ножом; продавцы талисманов и им подобные бросались в глаза странностью и пестротой своих костюмов. Виноторговцы в Париже имели право, в виде исключения, открыто носить при себе меч и кинжал.

ж; %

В защитном вооружении по-прежнему придерживались принятого в конце XIV в. способа укрепления кольчужной брони при помощи металлических блях и полос, которыми все гуще уснащали как

кольчужную рубашу, так и кольчужные набедренники. Так продолжалось до начала XV в., когда после многократных изменений кольчатая подкладка (основа) была почти устранена и все доспехи стали делать только из металлических блях и полос, искусно скрепленных между собой.

В это же время появилось сплошное металлическое вооружение из железа и стали, тогда как раньше его крепления, а порой и вся верхняя половина изготовлялись из твердой, вываренной в масле и прессованной кожи и только местами обивались металлическими ободами, бляхами и пр.

Сравнивая некоторые рыцарские надгробия 1300 (рис. 61, а), 1327 (рис. 61, б) и 1337 (рис. 61, в) годов с надгробиями середины XIV в. (рис. 63), можно заметить, что все улучшения, которые произошли в вооружении за это время, заключались в более прочном укреплении его частей, подверженных ударам. Сначала были увеличены и сделаны непробиваемыми за счет наклепок оплечники с наручами и наколенники с поножами.

Наручи (от плеча до локтя) и поножи (от колена до ступни) настолько увеличились, что опоясывали конечности, совершенно закрывая их спереди; они фиксировались крепкими ремнями с пряжками. К наручам иногда приделывали небольшие подвижные детали из соединенных между собой наподобие чешуи узких поперечных полос, закрывавших плечо и локоть.

Наножники удлиняли такими же дополнительными деталями, спускавшимися на подъем ноги и закрывавшими всю плюсну (рис. 61, б, в). Позднее предплечье закрывалось с внутренней стороны отдель-

Рис. 50

Рис. 51

ным металлическим листом, к которому были прибавлены две круглые бляхи: одна к оплечнику против подмышечного углубления, другая к наручу у локтевого сгиба (рис. 61, б).

На бедра поверх коротких штанов из толстой кожи или прочной материи накладывались широкие полосы, одним краем примыкавшие к наколенникам. Перчатки по-прежнему делали с короткими раструбами и покрывали с наружной стороны сплошной металлической чешуей.

Головное вооружение до середины XIV в. сохранило прежнюю форму круглой заостренной шапки с привешенной к ней кольчатой сеткой, закрывавшей шею и верх спины и груди, но оставлявшей все лицо открытым (рис. 61), и надевавшегося поверх этой шапки горшкообразного шлема.

Шлем теперь делали целиком из металла, тогда как раньше металлической была только его передняя часть, остальные детали делались из кожи. Этот тяжелый шлем обычно нес слуга, готовый подать его в случае надобности. Надетый, он прикреплялся цепью к нагруднику (рис. 61, в) — железному листу, цельному или составному, который надевался поверх кольчуги или под нее.

Под кольчугу или панцирь надевали толсто простеганную куртку из кожи или плотной материи, а поверх них разновидность туники или рубашки, обычно очень нарядной, с вышитыми на ней гербами и другими украшениями (рис. 62). С 1320 г. к верхней тунике добавлялась нижняя, надевавшаяся под нее непосредственно на броню (рис. 61, б, в).

Одновременно изменилась форма верхней туники: ее передняя половина была значительно укорочена, чтобы открыть нижнюю тунiku (рис. 61, б, в), а верхняя часть, покрывавшая спину и грудь, сужена настолько, что плотно облегал туловище, почти не образуя складок. Кроме того, на груди верхней туники стали нашивать одну или две круглые бляхи для пристегивания цепочек от шлема, кинжала и т. п. (рис. 61, в).

В результате таких усовершенствований прежние плечевые щитки (рис. 61, 62), или крылышки, окончательно исчезли во Франции при Филиппе VI (около 1328 г.), а в Англии несколько раньше, в конце царствования Эдуарда II (1327 г.).

Так как при узкой верхней тунике пояс (рис. 61, а) стал не нужен, то была оставлена только портупея, на которой висел меч (рис. 61, б, в) — широкий ремень в металлической оправе с пряжкой. Его не затягивали на талии, а носили настолько свободным, что он держался только на бедрах.

Щиты сохранили в течение почти всего XIV в. прежнюю форму плоского или выпуклого треугольника небольшого размера с несколько округленными продольными сторонами. Делали их в основном из крепкого дерева, обтягивали кожей, пергаментом или холстом, а левую сторону украшали нарисованным или выпуклым изображением герба.

Носили щит на особой перевязи, которая прикреплялась к верхнему краю щита с внутренней стороны и надевалась на шею. Перевязь имела различную длину, так что висевший на ней щит закрывал только левую руку или левую ногу, начиная с бедра, вместе с мечом от самой его рукояти (рис. 61 и сл.). Для управления щитом в бою к внутренней его стороне приделывалась рукоять.

Шпоры, составлявшие необходимую принадлежность вооружения, служили при этом главным отличием рыцарского звания. Еще долго они сохраняли принятые формы — круглого или граненого шипа и зубчатого колеса на короткой шейке (рис. 61, б, в), хотя постепенно последняя форма стала более распространенной. Они пристегивались ремнями довольно высоко над пяткой.

В оружии нападения, как и в вооружении боевых коней, не произошло значительных изменений, кроме того, что конское вооружение, подобно рыцарскому, все больше покрывалось металлическими скрепами.

Главным поводом к дальнейшему усовершенствованию вооружения послужила англо-французская война. Продолжаясь более столетия, она сопровождалась частыми и значительными потерями обеих воюющих сторон, заставлявшими их постоянно изыскивать способы избежать подобного неудобства.

При постоянных взаимных столкновениях всякое усовершенствование, сделанное одной из сторон, тотчас же перенималось другой, и опять наступало относительное равновесие. Кроме того, начавшиеся с середины столетия изменения в покрое одежды оказали влияние и на защитное вооружение, которое приняло к началу XV в. совершенно новую форму. Успе-

Рис. 52

Рис. 53

образом кольчугой, которую надевали как нижнее вооружение. Кроме того, на локтевом сгибе устраивали особое прикрытие из узких поперечных полосок.

Перчатки по-прежнему делались чешуйчатыми, причем чешуйкам на пальцевых суставах придавали форму многогранной пирамиды. Раструбы перчаток, иногда сделанные из железных поперечных полосок, нередко бывали такой длины, что доходили до середины предплечья (рис. 64).

Таким же образом были усовершенствованы и поножи: благодаря появлению небольших боковых пластинок, наколенники стали подвижнее, к передней половине была прибавлена задняя (от подколенной впадины до пятки), соединенная с ней шарниром (рис. 64); скрепленные ремнями, эти две половинки закрывали голень со всех сторон.

Железные ноговицы, которые составляли одно целое с передней половинкой поножей, делались по тогдашней моде с длинными, заостренными носками. Шпоры стали длиннее, а их колесики гораздо крупнее (рис. 64). Бедра полностью прикрывались нижним вооружением и верхней туникой, сохранились и прежние кожаные короткие штаны, укрепленные в некоторых местах металлическими бляхами (рис. 63, а, б).

хи англичан в начале войны усилили стремление английского рыцарства сравняться в красоте и богатстве вооружения с французскими рыцарями, славившимися пышностью отделки своего военного снаряжения.

Дальнейшее усовершенствование отдельных частей вооружения состояло в следующем.

Наручи были улучшены тем, что защищающие локоть выпуклые круглые бляхи стали больше и приобрели подвижность при помощи двух узких полосок (рис. 61). В результате круглые щитки на локтевом сгибе и напротив подмышечной впадины были отвергнуты или остались как украшение.

Между 1345 и 1350 гг. к половинчатым наручам добавились дополнительные части, соединявшиеся с ними шарниром и ремнями с пряжками таким образом, что вся рука от плеча до кисти, за исключением локтевого сгиба, была защищена железом (рис. 64). Локтевой сгиб и подмышечная впадина предохранялись главным

Вооружение, защищавшее тело, по-прежнему состояло из кольчуги, стеганой куртки, кирасы и т. п. Постепенно доспехи стали делать уже и лучше приспособлять к фигуре. В это же время вошли в употребление изобретенные в конце XIII в. толстые куртки, выложенные изнутри металлическими чешуями.

Сначала они надевались только под верхнюю ТУНИКУ. Последняя, по-прежнему оставаясь нарядной одеждой, была сужена в верхней части так, что до пояса сидела в обтяжку (рис. 63, а, б), а внизу укорочена настолько, что доходила до середины бедер или до колен. Португю или рыцарский пояс стали носить гораздо ниже талии, в отличие от обычного пояса постепенно увеличивая его ширину и металлическую обивку (рис. 64; ср. рис. 63. а. б).

Для защиты шеи, затылка и щек сохранился прежний кольчатый воротник, но теперь он не прикреплялся наглухо к шапке, а мог отделяться от нее (рис. 63. б: ср. рис. 64). Это улучшение было следствием изменений в форме головного вооружения — шапки и горшкообразного шлема.

Шапка заострилась в верхушку и, расширяясь книзу, стала обрещаться не ровно вокруг всей головы, а так, что закрывала уши и затылок. Спереди к ней для защиты лица прикреплялось подвижное забрало, состоявшее из металлического клапана, выкованного в соответствии с формой лица и снабженного глазными и дыхательными отверстиями (рис. 63. а; рис. 64).

Эта шапка с забралом постепенно вытеснила тяжелый и неудобный горшкообразный шишак, который сохранился только для турнирных боев. Тем не менее и он был усовершенствован: его стали делать полностью металлическим, стараясь лучше прилаживать к наплечникам и удобнее располагать глазные и дыхательные отверстия. Наплечники были значительно увеличены и закрывались частой решеткой, наложенной или прорезанной в самом шлеме.

Так как при такой броне, полностью защищавшей туловище и особенно руки, щит становился излишним, то ни его форма, ни способ ношения не изменились (рис. 64). Позднее, во второй половине XIV в. (около 1360 г.), к прежней треугольной форме щита прибавилась новая, которая вошла во всеобщее употребление только в начале следующего столетия после многократных изменений, которые

Рис. 54

Рис. 55

она испытала вместе с остальными частями вооружения.

Во второй половине XIV в. кожаные части вооружения заменялись металлическими и более целесообразными. Ременные застежки, которыми скреплялись передние и задние половинки наручей и поножей, были заменены крючками, вкладывавшимися в пробои. Наколенникам и налокотникам была придана более удобная форма и большая гибкость.

Круглые щитки, предназначенные для защиты локтевого сгиба и подмышечной впадины, были окончательно заменены круглой или раковинообразной выпуклостью, которая выковывалась вместе с налокотником (рис. 65). Кожаные штаны (рис. 65, а) тоже были постепенно заменены металлическими набедренниками, которые прикреплялись к наколенникам на шарнире (рис. 65, б, в). Ноговицы и шпоры остались без заметных изменений (рис. 65).

Какие улучшения произошли за это время в защитной броне, с точностью определить нельзя, так как на всех современных изображениях она покрыта туникой. Но по другим, более поздним изображениям, на которых туника не встречается (рис. 88, 89 и сл.), можно заключить, что металлические листы, защищавшие грудь и спину поверх кольчуги, постепенно увеличились настолько, что к концу XIV в. (около 1400 г.) полностью их закрыли.

Так как верхняя туника стала предельно узкой и сидела в обтяжку, то ее начали укорачивать, иногда настолько, что она едва закрывала бедра, причем нижний ее край вырезали зубцами (рис. 65, б). Одновременно ременную перевязь или портупею опускали все ниже, нередко до самого края туники (рис. 65, в).

В боевом вооружении использовались металлические шапки описанных выше форм: прежняя с кольчатым воротником, и новая, с забралом. Первой, более привычной, отдавалось предпочтение. Старинная шапка встречается на великолепном надгробии Эдуарда «Черного Принца» (1376 г.) (рис. 65, б) и на многих других рыцарских надгробиях более позднего времени.

Единственная перемена в ней состояла в том, что ее стали окружать по околышу богатым обручем или венцом у тех лиц, которые имели право его носить (рис. 65, б; рис. 66 и сл.). Горшкообразный шлем, сделавшись исключительно турнирным вооружением, приобрел

рел две различные формы: с прорезанной спереди решеткой и совершенно закрытый.

Треугольный щит сохранил прежнюю форму, но так как его использовали все реже, то на отделку стали обращать меньше внимания. Вместо прежней красивой росписи его просто пестро раскрашивали. Появились и новые щиты, которые изготавливались из воловьей кожи, были сравнительно невелики, имели продолговатую четырехугольную форму с закругленным нижним краем и вырезом для копья с правой стороны.

Щит носили таким образом, что он закрывал только верхнюю правую часть груди и верх руки. Сначала их носили на коротком ремне, перекинутом через плечо, а позже стали прикреплять к панцирю крючками или привинчивать винтами. С этими щитами произошло то же, что и с горшкородным шлемом: в середине XV в. они были убраны из боевого вооружения и впредь использовались только на турнирах.

Пластинчатое металлическое вооружение менее чем за 30 лет было усовершенствовано настолько, что гибкостью превосходило прежнее, наполовину кожаное. Такие доспехи, изготовление которых требовало много времени и стоило дорого, были доступны только людям обеспеченным, а небогатым доставались или как военная добыча, или по какому-нибудь счастливому случаю.

Введение металлического вооружения породило искусство украшать его. Все украшения, которыми прежде кое-где покрывали кожаные части вооружения (оправы, накладки и т. д.), были перенесены на металлическое, но в более красивых формах и в большем количестве. Почин был дан бургундским двором, слышавшим законодателем всех мод того времени, и к середине столетия отделка вооружения сделалась настоящим искусством.

С появлением цельных металлических доспехов нарядная верхняя туника в конце XIV в., особенно в Англии, перестала составлять принадлежность боевого вооружения, а надевалась только на тур-

Рис. 56

Рис. 57

нирах и при торжественных процессиях. Хотя в битве при Форнуово (1495 г.) на французском короле, Карле VIII, поверх дорогих доспехов была надета великолепная туника лазоревого цвета, вся расшитая золотом, этот случай считается исключительным и объясняется страстью Карла к нарядам.

Как именно совершалось постепенное превращение кольчуги из кожи с металлическими накладками в сплошное металлическое вооружение, с каких частей оно началось и на каких закончилось, достоверно неизвестно. Историческим фактом является то, что на протяжении 30—40 лет все тело с головы до ног сплошь покрылось железом.

Относительно формирования некоторых отдельных частей доспехов можно заметить, что передняя и задняя половинки кирасы, т. е. нагрудник и наспинник, делались сначала просто выпуклыми (рис. 66, а). Впоследствии (в 1420 г.) их стали выковывать так, что середина пластины по всей длине сверху донизу выступала тупоуголь-

ным ребром, а нагрудник и наспинник оканчивались у пояса двумя или несколькими поперечными полосами (рис. 66, б).

Для защиты живота был изобретен (около 1410 г.) своеобразный передник, который пристегивался поверх кольчуги, надетой под кирасой. Передник этот сначала делался из кожи с металлическими накладками (рис. 66, а), а позднее — из широких металлических поперечных полос.

Спереди к его нижнему краю ремнями пристегивались две плоских, свободно висящих пластинки (рис. 66, б), которые спускались на бедра и закрывали их. К железной шапке с кольчатым воротником прибавилась новая деталь — набородник, закрывавший поверх кольчуги подбородок и шею (рис. 66).

Иллюстрацией того уровня, которого достигло металлическое вооружение уже в начале XV в., может служить надгробное изваяние Ричарда Бошам, графа Уорвикского (1435 или 1439 г.), в Марииинской церкви в Уорвике (рис. 67). Все улучшения в вооружении, сделанные в это время, касались только отдельных деталей.

Были усовершенствованы крепления, которыми соединялись отдельные части доспеха. Одни из них смыкались с помощью шарниров с вставным шпеньком, который легко вынимался; другие —

крючками и пробоями, ременными застёжками с пряжками, а также винтом и т. д.

Оплечники, состоящие из поперечных полос, увеличились настолько, что вместе с плечом закрывали половину груди и спины, причем верхний край заворачивался кверху наподобие гребня или стоячего воротника (рис. 67).

Локтевые щитки тоже увеличились в объеме, но их края загнулись внутрь, а середина выпятилась воронкообразной выпуклостью. Увеличение щитков и придание остроконечной формы всем частям доспехов достигло, особенно в Англии (около 1470 г.), такой крайней степени, что сделало вооружение уродливым и даже небезопасным (рис. 68, а), поэтому такая мода продержалась недолго.

Набедренники стали составлять из нескольких широких полосок (рис. 67; рис. 68, а). Они пристегивались к ноге ремнями и придерживались наколенниками, которые захватывали их нижний край и верхний край поножей.

Поножи закрывали всю голень вместе с лодыжками и состояли из двух половинок. Задняя из них на верхнем крае имела полукруглый вырез, а передняя у того же края оканчивалась несколькими подвижными поперечными полосками. К поножам примыкали ноговицы, составленные из поперечных пластинок, соединенных между собой наподобие чешуи; они закрывали всю ступню, кроме подошвы (рис. 67. 68. а: ср. рис. 66).

Кираса была сужена по направлению к поясу так, что не висела всей тяжестью на плечах, а частично опиралась на бедра. Проймы для рук были расширены, и вследствие этого увеличены оплечники.

Нагрудник уже не всегда делался с гребнем посередине, но иногда был гладкий, слегка выпуклый и без поперечных полос у пояса; кроме того, на правой его стороне у плеча приделывали крепкий крючок, двигавшийся на шарнире и служивший опорой тяжелому копы. Обе части кирасы соединялись на боках при помощи двойного шарнира и ремней с пряжками, при этом шарниры находились на правом боку, а ремни — на левом.

Иногда кираса смыкалась на спине (рис. 68, б), если ее боковые части были складными и на шарнирах. Продлевавший кирасу передник из поперечных полос значительно укоротился, зато одновременно были удлинены набедренники (рис. 66, б, ; рис. 67; рис. 68, а). Закрывавший шею кольчатый воротник постепенно сменился на шейни-

Рис. 58

Рис. 59

ком из цельных полос, который надевался под кирасу (ср. рис. 67).

Кольчуга по-прежнему служила нижним защитным вооружением, но уже не в форме цельной рубашки, а в виде воротников, рукавов и отдельных кусков, которыми закрывались отверстия в доспехах (на локтевом сгибе, под мышками, под коленом и т. д.). К концу столетия короткие кольчужные рукава и штаны надевали иногда даже поверх лат (рис. 69). Тогда же для более надежной защиты уязвимых мест придумали специальные пластинки, пристегивавшиеся к латам (рис. 69).

К уже существовавшим формам головного вооружения прибавились два вида легких шлемов. Первый из них имел нащечники и набородники (рис. 66) и состоял из двух отдельных подвижных частей: шапки и набородника с заслонкой для рта (рис. 70, а, б).

Шапка делалась круглая, с удлинненной и отвернутой в виде козырька задней частью для защиты затылка и с подвижным или неподвижным полузабралом, которое закрывало только верхнюю часть лица и вместо глазных отверстий имело узкие щели.

Набородник, выкованный по форме подбородка, закрывал к тому же переднюю часть шеи и начало груди. Своим нижним краем он привинчивался к нагруднику кирасы и фиксировался ремнем вокруг шеи (рис. 70, б).

Другой шлем, бургундский, имел назатыльник, который был опущен и притянут к затылку. Этот шлем защищал всю голову, кроме лица, которое закрывалось забралом и набородником, соединенными общим шарниром (рис. 70, г).

Подобные шлемы, принадлежавшие к боевому вооружению, как правило, не имели никаких украшений, кроме султана из перьев (панаша) (рис. 70, д, е).

В турнирном шлеме произошли некоторые изменения, придавшие ему более целесообразную форму (рис. 70, ж, з). Где-то в середине XV в. был изобретен новый вид турнирного шлема, во всем превосходивший прежний. Он был совершенно закрыт, за исключением глазной щели, которая была защищена выдающейся нижней частью шлема, одновременно закрывавшей со всех сторон шею (рис. 70, и).

Этот шлем сохранился без изменения до начала XVI в., когда его заменил появившийся к тому времени шлем с решетчатым забралом. Как тот, так и другой крепились к кирасе спереди ремнями, а

сзади крючками. Украшением им служили гребни различных фасонов и богатые покрывала.

Щит окончательно утратил свое прежнее значение, теперь его носили только как украшение. Для этой цели использовали небольшие круглые щиты, которые вешали на шею на коротком ремне и закидывали за плечи.

Металлическое вооружение было относительно легким, так что полные доспехи весили не более 30—40 фунтов. Вес их стал значительно увеличиваться с конца XV в., когда появилось ручное огнестрельное оружие. С этих пор доспехи стали делать толще, особенно кирасу.

Вооружение рыцарских боевых коней совершенствовалось одновременно с вооружением самих рыцарей. Старинная кольчатая и кожаная броня постепенно сменилась пластинчатой металлической, которая появилась на голове, груди и шее, а потом на спине и на боках, оставляя открытыми живот и ноги лошади. В редких случаях и они защищались железом. Полное конское вооружение середины XV в. состояло из следующих частей.

Наголовник, или *налобник*, выкованный из цельного листа и закрывавший лоб лошади; в нем имелись большие отверстия для глаз с выпуклыми краями, забранные выпуклыми железными решетками.

Нашейник, составленный из поперечных чешуи наподобие ракового хвоста; он закрывал всю верхнюю часть шеи (гриву) и прикреплялся к налобнику при помощи металлической задвижки.

Нагрудник, составленный из нескольких широких поперечных полос, который смыкался с нашейником и захватывал верхнюю часть ног.

Боковые части — два цельных листа, соединенных вместе верхними краями, они примыкали к нагруднику и закрывали бока до начала ребер.

Задняя часть, очень широкая и выпуклая, выкованная из цельных листов или составленная из полос. Чтобы она крепко держалась на своем месте и не травмировала лошадь, под нее подкладывали мягко обитый каркас из дерева или китового уса.

Седла делались большие и массивные, с широкой шитообразной передней лукой, закрывавшей бедра всадника, и с высокой спинкой, огибавшей сиденье. Ремни узды и поводья были очень широки и густо усажены металлическими бляхами, которые одновременно и служили украшением узды, и предохраняли от ударов меча. В XV в. к узде прибавился трензель. Стремена по-прежнему делались широкие и высокие, но чаще решетчатые, чем цельные.

Рис. 60

Рис. 61

На турнирах и других торжествах боевых коней поверх брони покрывали богато украшенными попонами. При торжественном въезде Людовика XI в Париж для коронации в 1461 г. лошади его рыцарской свиты были покрыты парчовыми и бархатными чепраками, которые спускались до земли и были унизаны множеством маленьких серебряных колокольчиков. А один из рыцарей — Ля Рош, желая отличиться перед другими, увешал свой чепрак колоколами величиной с человеческую голову, отчего, как замечает летописец, происходил ужасный звон.

Несмотря на постоянное совершенствование защитного вооружения, оружие для нападения изменилось незначительно и за весь длинный промежуток времени до появления и распространения пороха пополнилось очень немногими новыми видами. Эти виды оружия были изобретены в ответ на введение цельных металлических доспехов и повлияли на улучшение существовавшего арсенала.

Главным ударным оружием оставался меч. К середине XIV в. его клинок удлинился и для усиления удара из двулезвийного превратился в однолезвийный с широким обухом. Одновременно концы перекладины меча стали загигать вниз, а прежде широкая рукоять была сужена в верхней части и полностью обвита проволокой.

Концу рукояти обычно придавали шарообразную форму и разнообразно украшали, так же как шейку и перекладину. Иногда вся рукоять вместе с перекладиной выделялась из одного куска металла. Ножны, большей частью изготовленные из твердой кожи, окрашивали краской или обтягивали какой-нибудь материей, а после обивали металлическими накладками и украшениями (рис. 61, а; рис. 65, б; рис. 66, а).

Способ ношения меча менялся в зависимости от времени. С середины XIV в. до второй половины XV в. (около 1470 г.) мечи носили, согласно моде, не на левом бедре, как было принято, а спереди (ср. рис. 63, а; рис. 68, а). Обычай прикреплять меч цепью к кирасе исчез в начале XV в. и сохранился только для кинжала.

Наравне с мечом рыцарским оружием считался и кинжал, распространившийся во Франции и Англии в конце XIV в. (рис. 66; рис. 68, а; ср. рис. 65 и сл.). Его носили с правой стороны и использовали для добивания побежденного противника, если тот не просил пощады. Поэтому где-то в середине XV в. кинжалу было дано название «мизерикорд» (от *лат.* «милосердие»). Кроме кинжала, использовали различные поясные ножи: обоюдоострый кутель, обоюдоострый и широкий анелаз и узкий остроконечный скен, появившиеся в Англии уже в XIV в.

Копье, второе главное оружие рыцаря, было двух видов — боевое и турнирное. Если в турнирном копье постоянно изменялась длина, толщина и очертания острия, то боевое еще долго сохраняло свою старинную форму. Оно представляло собой крепкое деревянное древко (от 10 до 16 футов длиной) с перехватом для руки и металлическим острием. Ниже острия прикреплялся значок — треугольный или четырехугольный, смотря по титулу рыцаря, герб или цвета которого на нем изображались.

Появление цельных металлических доспехов заставило изменить обычную форму копья: древко значительно укоротилось и утолщилось, а щиток у перехвата был снабжен железной воронкообразной накладкой для защиты рук. Тогда же появились копейные трехконечные значки, названные «гонфанон».

Несмотря на усовершенствование металлических лат и постепенное распространение огнестрельного оружия, копье не утратило своего бо-

Рис. 62

Рис. 63

евого значения до самого конца XV в., вернувшись вновь к своим первоначальным размерам. Впрочем, во второй половине XV в. были изобретены и другие виды оружия на длинных древках. Однако они не считались рыцарскими и были отданы на вооружение пешим ратникам и наемным войскам. Метательное копьё, или дро-тик, употреблялся очень редко и никогда не причислялся к рыцар-скому оружию.

Известные издавна палица, секира, боевой топор и бердыш так-же не остались без изменений и улучшений. К старинным видам па-лицы в XV в. прибавилось два новых, приспособленных для раз-дробления металлических лат и шлемов. Обе были металлические и состояли из рукоятки и шишки, но шишка палицы массюэли бы-ла сплошная и массивная, а шишка палицы квадрель состояла из нескольких вертикально поставленных и расположенных звездой перьев или крыльев.

Обе разновидности отделялись различным образом: шишке массюэли придавали форму многогранника с пирамидальными плоско-стями, а перья квадрели делали сплошными или прорезными, фи-гурно обрезанными по краям.

Боевые топоры и секиры имели один или два клинка, соединенных между собой обухами. Двойные секиры постепенно утратили один из клинков, который сначала приобрел форму полумесяца, а затем был заменен молотком или кривым зубцом, а топориче получило плоское ланцетовидное острие. Это тройное оружие было особенно распространено в Англии. Бердыши напоминали двойные топоры, но были менее массивны и не так длинны.

Уже в XIV в. изобрели новое оружие, объединявшее в себе секиру (или бердыш) и копье, которое широко распространилось к началу XV в., а в Англии лишь при Эдуарде IV (около 1461 г.).

Оружие это, характерное лишь для пеших ратников и состоявшее из древка длиной от 5 до 8 футов, двустороннего топора и длинного острия, носило название партизаны и алебарды. Клинок топора имел форму полумесяца, а обух — форму молотка или кривого зубца, острие было с двумя лезвиями. Остальные виды вместо топоров имели одно острие, которое бывало очень широким и с двумя лезвиями; встречались среди них просто пики с зазубренными остриями.

Почти одновременно с длинным оружием появилось два вида ударного оружия для пеших ратников. Первое из них, называвшееся каскет, являлось разновидностью булавы, шипка которой была усажена острыми железными шипами, а иногда, кроме того, оканчивалась длинным острием, которым можно было колоть неприятеля. Второе имело вид цепа, окованного железом или полностью железного и усаженного железными остриями. Оба вида такого оружия были двухручными.

В качестве метательного оружия использовались ручной лук, самострел (арбалет) и даже праща, которые сохранились до начала XVI в. несмотря на распространение огнестрельного оружия.

Если во Франции праща и лук все чаще заменялись арбалетом, то в Англии праща употреблялась вплоть до конца XV в., особенно в массовом бою, и притом в обеих своих старинных формах — ременной и тростяной. Точно так же использовался лук со своими принадлежностями — стрелами, колчаном и наручем, защищавшим руку от удара тетивы.

Англичане издавна слыли отличными стрелками из лука. Английский лук был высотой в рост человека и

Рис. 64

делался из крепкого дерева. Самострел или арбалет до конца XV в. имел довольно длинный приклад вместе с деревянным, китового уса или стальным, обтянутым кожей лучком (рис. 71, а, б).

Точно нельзя определить, насколько было усовершенствовано приспособление для натягивания тетивы, но известно, что уже в XV в. старинный ворот с блоком был заменен на новый ворот с крючком или рычагом. Он состоял из зубчатого колеса с рукоятью, которое цеплялось за стержень с крючками, захватывавшими тетиву.

Будучи гораздо меньше прежнего (блочного), новый ворот легко приводился в движение одной рукой. Как во Франции, так и в Англии были очень популярны упражнения в стрельбе из самострелов. Для этой цели в обеих странах образовались многочисленные общества стрелков, постепенно разросшиеся в значительные корпорации, которые, объединяясь в особый отряд, принимали участие в военных действиях.

Если ручное огнестрельное оружие не сразу вытеснило самострел, то это объясняется тем, что, когда первое только появилось, последнее достигло совершенства.

Рис. 65

Почти до середины XV в. главную воинскую силу составляли рыцари с их слугами. Горожане, добиваясь самостоятельности, отстаивали лишь собственные права и редко вмешивались в наступательные войны, не затрагивавшие их личных интересов; вооружать крестьянство противоречило рыцарскому духу того времени. По мере того, как враждебные столкновения возникали все чаще и длились все дольше, сопровождаясь опустошительными битвами, повторявшимися с начала XIV в., усиливалась необходимость дополнить и увеличить рыцарское войско за счет вольнонаемных ратников.

Таким образом появился сначала в Италии, а затем в Германии совершенно новый вид военных людей, так называемые

наемники (солдаты), которых становилось все больше. Уже во второй половине столетия случалось, что даже крупные ленники выставляли наемников вместо собственных воинов.

До конца XV в. во французских войсках и в армиях других стран не существовало единого военного обмундирования. Хотя некоторые богатые города, особенно фламандские, уже в XIV в. одевали свои наемные войска в единый цвет, а крупные ленники нередко одинаково вооружали своих слуг, все это делалось совершенно произвольно. В английском войске отряды стрелков были одеты в зеленое, но ни покрой, ни состав их одежды не регламентировались никакими правилами. Сначала их костюм состоял из длинной туники с поясом, иногда отороченной мехом, шляпы с низкой круглой тульей, тоже с меховой опушкой, и больших башмаков.

При Генрихе V (1411 г.) стрелки носили разновидность камзола или куртки (жакет) и свободные панталоны. При этом не у всех были даже башмаки и шляпы, некоторые вовсе не имели обуви, другие вместо шляп носили плетеные или кожаные шапки с металлическими накладками. Их вооружение состояло, кроме лука или самострела, из топора и меча, висевших на поясе.

Со времен Эдуарда IV (1461 — 1483 гг.) к нему прибавился небольшой деревянный щит круглой формы. При этом короле было принято на вооружение первое ручное огнестрельное оружие — ручные пушки.

При Эдуарде V и Ричарде III (1483—1485 гг.) одежда английских стрелков, бердышников и алебардистов была почти одинакова, хотя

Рис. 66

и не строго единообразна. В нее входила кожаная куртка или узкая кольчужная рубаха (рис. 71, 72), холщовый или шерстяной кафтан и такие же штаны, кафтан был преимущественно белый, с нашитым крестом св. Георгия, но встречались и другие цвета. На голове был железный шишак или железная шляпа, а чаще всего — окованная железом шапка.

Около 1445 г. Карл VII положил начало образованию регулярно французского войска. Вслед за тем, в 1448 г., было принято королевское повеление, предписывавшее каждому приходу иметь наготове по крайней мере одного искусного стрелка, вооруженного луком. Такие лучники, число которых вскоре достигло 16 тысяч, назывались вольными стрелками.

По образцу этих войск Людовиком XI была учреждена так называемая шотландская гвардия. В Англии постоянная королевская гвардия была организована Генрихом VII в 1485 г. Одна половина этой гвардии была вооружена луками, а другая аркебузами.

Несмотря на перемены и нововведения, одежда французских войск по-прежнему не была однообразна, как и английская. Постоянные отряды с самого начала были одеты более или менее одина-

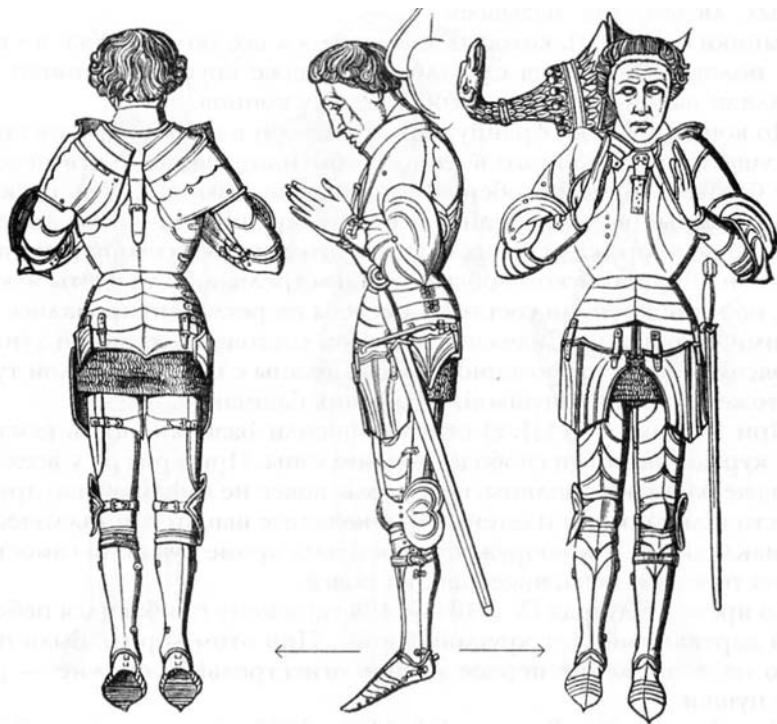

Рис. 67

Рис. 68

ково, но, судя по миниатюрам французских рукописей XV века, это сходство не определялось никакими твердо установленными правилами, по крайней мере, до самого конца столетия.

Одни воины были одеты в кольчуги, другие в куртки различного цвета; у одних на голове были шлемы, у других — шапки (рис. 71). То же мы видим и в Англии. Что же касается нерегулярных войск, в особенности наемных, которые должны были одеваться и вооружаться за собственный счет, то их одежда и вооружение отличались крайним разнообразием.

Для управления передвижениями войска в бою использовались знамена и различные известные издавна инструменты — трубы, барабаны и др. Знаменами отдельных отрядов служили или значки на копьях предводителей отрядов, или настоящие знамена на древках. Кроме того, в войске имелось общее государственное знамя с державным гербом, а иногда знамя с какой-нибудь священной эмблемой.

Первоначально национальный цвет французов был красным, а потому такого цвета было и их государственное знамя. Но когда в начале англо-французской войны англичане присвоили красный цвет себе, чтобы выразить тем свое преимущество над Францией, французские короли с той же целью приняли белый цвет английско-го знамени, который с тех пор оставался французским национальным цветом вплоть до революции.

Священническое облачение сохраняло свою однажды установленную форму и изменялось лишь в отделке, которая становилась богаче и красивей по мере развития прикладных ремесел. Кроме мавританских и по их образцу изготовленных шелковых тканей со звериными и растительными узорами, с начала XIV в. для облачения стали использовать не менее дорогие шелковые ткани с вышитыми на них изображениями из жизни Спасителя и апостолов.

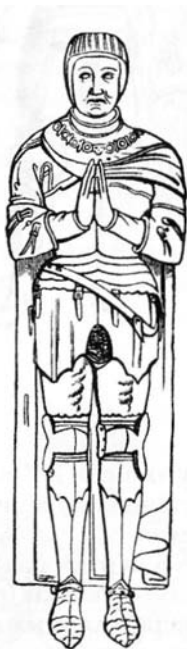

Рис. 69

Весьма популярный у знати в это время платяной узор из репейных шишек или гранатовых яблок, вышивки из жемчуга, обшивки драгоценными камнями и золотые украшения — все это было перенесено на облачение, пышностью которого духовенство старалось превзойти невероятную княжескую роскошь.

В результате главные части облачения до такой степени отягощались украшениями, что оно утрачивало всякую гибкость и не могло собираться в складки. Это послужило причиной сужения церковного облачения. Дальнейшие изменения, которым оно подверглось, состояли в следующем (рис. 73, 74).

Чулки обычно делались из легкой шелковой тафты, поэтому их носили поверх полотняных. Прежний узор на них стал чаще заменяться широкими и узкими полосами. Обувь получила форму ботинок с богато украшенной полосой, которая шла от носка вдоль подъема и разветвлялась на боковые полосы.

Эти полосы, которые на башмаках Папы имели форму креста, с XV в. вышивали жемчугом, золотом и драгоценными камнями. Отделка наплечника, как и альбы, по вороту, рукавам и подолу стала гораздо богаче. Кроме того, с середины XV в. вошло в обычай обшивать подол альбы красивой прорезной полотняной обшивкой.

Пояс постепенно сделался короче, так как им опоясывались только в один оборот, но его концы, завязанные спереди, по-прежнему доходили до колен. Кроме шелковых цветных поясов появились полотняные, с вышитыми на них серебром или золотом цветами вместо прежних изображений животных.

Стола обыкновенно делалась того же цвета и узора, что и риза, под которой ее носили. К обычным для нее украшениям в виде гео-

метрических фигур и животных присоединились вышитые золотые с эмалью бляхи, то круглые, то угловатые, а с XV в. — изображения гербов, арабески и украшения в форме листьев. Концы столы вместо привычных кистей и звоночков обшивались длинной цветной бахромой.

Со второй половины XV в. далматика стала короче и доходила только до середины икр. По краям она обшивалась густой бахромой, а спереди, по обеим сторонам ее нагрудника и посередине окаймляющей его полосы, прикреплялось по шелковому шнуру с такой же кистью.

У туницеллы вышитые каймы постепенно заменялись такой же бахромой, как у далматики, а рукава с начала XIV в. стали делаться уже рукавов далматики.

Богаче всего отделявали ризу, особенно с середины XV в., когда появились новые приемы вышивания и прочего украшения.

С этого же времени широкие нашивки, которые шли от обоих плеч и, соединяясь на спине и груди, спускались вниз и составляли главное украшение ризы, стали заменять одной, но очень широкой нашивкой на спине. Эта нашивка имела вид латинского креста с изображением распятия и группы стоящих под ним. Передняя часть ризы украшалась одной полосой с вышитыми по ней крестами, на которых иногда тоже изображали распятие.

Отделка перстня с усовершенствованием ювелирного дела стала изящней и дороже. Выпуклыми или резными украшениями покрывали не только кольцо перстня, но и сам камень, вопреки постановлению, запрещавшему всякие фигурные изображения на нем. В XV в. вошло в обычай изображать на кольце герб Папы с атрибутами Папской власти — двумя перекрещенными ключами и тиарой.

Перстень обычно носили поверх перчатки и поэтому делали его соответствующего размера. Надевая его на голую руку, под него поддевали другое кольцо, которое нередко отличалось не меньшим

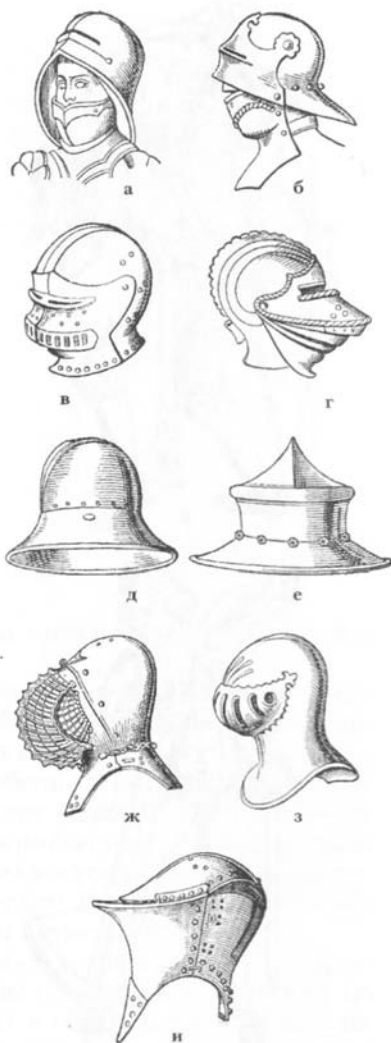

Рис. 70

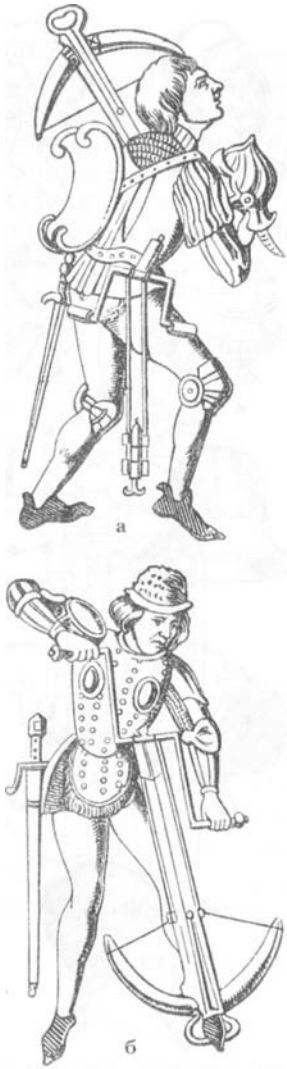

Рис. 71

изяществом. В конце столетия нередко случалось, что епископы, управлявшие несколькими диоцезами, носили столько перстней, сколько диоцезов было в их владении.

Епископская митра, становясь все богаче, постоянно увеличивалась в высоту, которая в XV в. дошла до несоразмерности. К обычным украшениям епископских митр прибавились вышитые изображения святых, гирлянды и арабески, а с XV в. лопасти митры стали отделять небольшие выпуклыми орнаментами, похожими на любимые в то время архитектурные украшения, известные под названием шипков.

Посохи из слоновой кости с резьбой встречаются все реже и наконец уступают место металлическим. В начале XIV в. вошло в обычай прикреплять к рукояти посоха платок, предназначенный для вытирания пота, который обшивался бахромой и украшался шитьем. Позднее ему придали форму открытого спереди плащика с дорогой оторочкой. Папский и архиепископский посохи имели вместо рога высокий крест.

Наплечник уменьшился в объеме, а его символические украшения были заменены декоративными вышивками. С изменением этого орнамента была введена неширокая лента, которую перекрещивали на груди и спине и прикрепляли к ризе золотыми круглыми щитками.

Нагрудное украшение с 12 драгоценными камнями было со временем заменено наперсным крестом и богато отделанной металлической пряжкой, которой застегивалась мантия. До этого наперсный крест носил только Папа, но позже Папы стали жаловать его епископам и другим духовным сановникам, которые из уважения к прежнему обычаю прятали свои кресты под одежду в присутствии Папы. Нередко в такие кресты вкладывали частички мощей, обращая их таким образом в реликвию.

Мантия, которую стали чаще употреблять в качестве парадной одежды, приобрела более богатую отделку, особенно по краям и на

спине (рис. 74). Когда в XV в. появилась техника выпуклого вышивания, то новым способом стали делать поясные и цельные фигуры святых и прочие изображения и нашивать их по краям мантии, которые, кроме того, украшали маленькими эмальированными бляшками, цветным шитьем гладью, золотыми и жемчужными вышивками. Каждый край обшивали шелковой бахромой, а иногда и золотыми колокольчиками.

Треугольный спинной щиток мантии уменьшился в объеме настолько, что к концу столетия превратился в разновидность стоячего воротника, сохранив при этом свое прежнее декоративное значение. Иногда на нем, если мантия была принесена в дар, вышивался герб дарителя. Одновременно мантии стали богаче и в отношении материи: для них выбирали тяжелые шелковые ткани и бархат, непременно узорчатые.

К концу века, в подражание общей моде, мантии снабжали такими длинными шлейфами, что при ходьбе их приходилось приподнимать или даже заставлять других нести их за собой.

Стихаль в начале XV столетия, особенно в Англии, был весьма широк и имел очень длинные и широкие рукава согласно особому распоряжению архиепископа Кентерберийского от 1322 г., предписывавшему каждому священнику использовать его во время служения. К концу XV в. эту одежду стали делать несколько короче и обшивать по подолу и на рукавах белыми кружевами.

Берет все больше приближался к своей окончательной четырехугольной форме. До начала XV в. он еще сохранял прежний вид, но с этого времени стал выше, расширяясь в верхней части. К середине века его стали сшивать из четырех кусков двойным швом, а к концу столетия ставить на плотную и твердую подкладку.

Кроме берета, который с XIV в., особенно в Англии, стал непременным атрибутом всех духовных лиц, существовал головной убор, предназначенный для зимнего времени. Он представлял собой круглую, подбитую мехом шапку с длинным, падавшим на плечи на затыльнике, по краям обшитым бахромой.

Красная шляпа и красная мантия с начала XIV в. сделались неизменным отличием кардинальского сана. Шляпа почти не изменялась, лишь в XV веке стало принято привешивать к ее завязкам по три длинных шелковых шнура, соединенных между собой на равных расстояниях тремя такими же поперечными шнурами так, что все вместе они образовывали треугольную расширяющуюся книзу

Рис. 72

сетку. Эти привески, украшавшиеся в местах перекрещивания шнурков шелковыми кистями, иногда доходили до колен, и сохранились в таком виде до тех пор, пока их не перенесли на поля шляпы.

Мантия сохранила свою прежнюю форму плаща с длинным капюшоном или пелериной. Мантии делались из шелковой материи ярко-красного цвета и нередко, особенно на зиму, подбивались горностаем и полностью закрывались спереди, не считая разреза на груди. Подобно другим плащам и мантиям того времени, они имели такой длинный шлейф, что его приходилось носить.

Установленное однажды облачение различных чинов церковной иерархии — Папы, архиепископов и т. д. — осталось неизменным. Оно постепенно упрощалось от высших иерархических степеней к низшим. Предписания относительно литургических цветов соблюдались не так строго, как прежде, так как при возрастающем количестве церквей следить за исполнением этих постановлений становилось все труднее.

Дьяконам предписывалось надевать орарь через левое плечо и завязывать его под правой рукой так, чтоб концы его свисали из-под надетой сверху далматики. Епископы, принадлежавшие к какому-

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

либо духовному ордену, носили под облачением одежду своего ордена, а уже поверх нее надевали стихарь.

Мирская одежда духовных лиц состояла из длинного кафтана и плаща. Из них только плащ сохранил прежнюю форму широкой накидки с капюшоном. Кафтаны делились на два вида — таларь и сутану: первый был широким и длинным и имел длинные и широкие рукава, последняя тоже была длинной, но узкой и застегивающейся спереди на пуговицы одеждой с узкими рукавами. Кардиналы носили сутану ярко-красного цвета, епископы и прелаты — фиолетового, сам Папа — белую шерстяную, остальное духовенство — черную. Такого же цвета был и пояс, которым ее подпоясывали.

В конце XV в. высшее духовенство стало носить шелковые, суконные или войлочные шляпы исключительно черного цвета. Эти шляпы, подобно кардинальским, украшались кистями, висевшими на длинных шнурах по обеим сторонам и своим числом обозначавшими сан носившего.

Хотя описанная одежда была обязательна для духовенства, некоторые его представители все-таки не отказывались от светской роскоши, особенно в Англии и Франции, где она постоянно возрастала.

В Англии уже при Эдуарде III (1327—1377 гг.) был издан закон против роскоши, который был возобновлен при Генрихе IV (1399—1411 гг.); во Франции ее строго осуждали синодальные уставы, обнародованные в Пуатье в 1317 г. и Парижский собор 1428 г., а некоторые ревностные проповедники даже предавали ее осмеянию — все это нисколько не мешало духовенству следовать примеру светских людей и переиначивать даже предписанную уставом одежду согласно требованиям господствовавшей моды.

Таларь теперь шили обыкновенно с длинным шлейфом, пояс богато отделявали, и даже шляпу убирала цветными лентами и прочими украшениями.

«Прежде всего запрещаем мы,— говорилось в предписании 1428 г.,— носить красные и зеленые туники, отороченные пурпуром, и туники с длинным шлейфом, а также слишком широкие отложные воротники и слишком большие разрезные рукава; запрещаем еще слишком длинные или

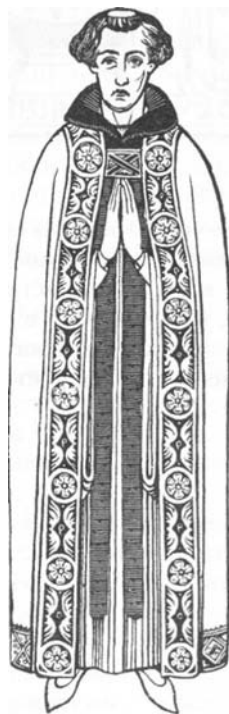

Рис. 74

слишком короткие рукава, а также те, на которых спереди и сзади сделаны разрезы, идущие выше локтя».

В Англии в XIV в. нередко случалось, что духовные лица появлялись в красных панталонах и светло-голубом узорчатом кафтани под стихарем и в разрезных нарядных башмаках.

Рис. 75

С монашествующим духовенством происходило почти то же самое. Как бы ревностно ни старался Папа Бенедикт XII (1334- 1342 гг.) исправить его нравы, запрещая монастырям отчуждать поместья, аббатам давать расточительные пиры, носить роскошную одежду и держать прислугу, а простым монахам иметь лошадей и т. п., это не только не имело никакого воздействия, но еще больше усиливало злоупотребления под влиянием смут, все более сотрясавших папство и церковь.

Хотя многочисленные монашествующие ордена были обязаны носить установленную для них одежду, а новых орденов больше не учреждалось, это не мешало развитию среди духовенства склонности к роскоши. Она распространилась не только среди представителей богатых монастырей, но коснулась даже простых монахов, которые то-

же заразились склонностью к щегольству.

При этом духовенство не отказывало себе в различных удовольствиях, и уже в XIV в., особенно в Англии, нередко случалось, что духовные лица безнаказанно предавались играм и танцам и носили, подобно мирянам, пестрые одежды и поясные ножи.

ГЕРМАНИЯ И СКАНДИНАВСКИЕ ЗЕМЛИ

о, что постепенно выработалось во Франции, не* могло быть сразу и всеми принято в Германии. НУЖНО было время, чтобы сначала отвыкнуть от старого, а затем привыкнуть к новому. В Германии старинная одежда начала уступать место новой несколькими десятилетиями позже, чем это случилось во Франции.

Коренной переворот в моде, закончившийся во Франции к 1370 г., в Германии только начинался. Французское влияние распространялось через Германию и на скандинавские земли. Существовавший в то время костюм, почти одинаковый для обоих полов, длиной и шириной все еще напоминал о своем древнеримском происхождении (рис. 76). Лишь немногие решались менять привычный покрой на более короткий и узкий, приспособленный к застегиванию на пуговицы или крючки.

В последующее десятилетие, с 1330 до 1340 г., подражание иностранным модам, в основном французским, усилилось, особенно среди молодежи. Мужчины принялись укорачивать свои туникообразные кафтаны, делать на них прорезы, нашивать пуговицы и фигурно вырезать подол и рукава. Верхушка капюшонов удлинилась и спустилась вдоль спины в виде хвоста; плащи зашивались или застегивались на левом плече (рис. 77; ср. рис. 79, б, в).

Женщины поддавались нововведениям несколько медленнее и поначалу ограничивались только тем, что делали свои платья немного уже в подоле и более открытыми на шее и плечах. Они стали носить волосы распущенными и принялись заплетать их в косы и обвивать вокруг головы (рис. 78).

Об этих переменах подробно рассказывает автор Лимбургской хроники под 1349 годом. «Старые люди,— говорит он,— носили широкую и длинную одежду без пуговиц; только на рукавах пришивали по три или по четыре пуговицы. Рукава были умеренной ширины, а кафтаны на груди в складках и с разрезом до пояса.

Рис. 76

Молодые мужчины носили короткое платье со сборками на бедрах и узкими рукавами; капюции большие, длинные, до самых ног, плащи с пуговицами и тупоносые башмаки. Некоторые носили капюции с лопастью спереди, которая висела до колен и была вырезана по краям зубчиками. Эта мода держалась не один год.

Знатные господа и рыцари, когда они были в нарядном платье, носили рукава с длинными лопастями, висевшими до земли и подбитыми мехом. Дамы и женщины наряжались в платья с узкими рукавами, а сверху надевали соркет; эта одежда была снизу с обеих сторон разрезана и подбита, зимой мехом, а летом тафтой, как кому нравилось».

Подражая иностранному примеру, дамы перенимали прежде всего то, что бросалось в глаза, как это всегда бывает в подобных случаях. Длинные висячие рукава, хвосты на капюциях и зубчатые выемки были не только заимствованы, но и преувеличены; точно так же начали удлинять носки башмаков, подражая французской моде. Не так охотно следовали ей в отношении короткого и узкого покроя одежды. Хотя эта мода нашла себе последователей, но окончательно она утвердилась только к середине века.

До этого узкое облегающее платье, давно ставшее привычным во Франции и Англии, являлось редким исключением (рис. 77; ср. рис. 6 и сл.). Принятие и распространение этого покроя знаменовало решительный переворот в costume вообще. «И сделали себе люди новое платье», — замечает упомянутый летописец под 1350 г.

Внезапное вторжение новой моды было неблагоприятно встречено консервативными людьми, а городские власти даже приняли меры, направленные на противодействие ему. Постановления, ограни-

чивавшие роскошь, появлялись и прежде. Например, в Нюрнберге в 1343 г. было принято постановление против чрезмерного пристрастия женщин к золотым украшениям.

Теперь городские власти преследовали цель не столько ограничить усиливающуюся вместе с нововведениями роскошь, сколько привести ее в соответствие с общественным положением различных сословий, чтобы сохранить разграничивающие их внешние признаки. С этой целью были изданы, сначала советом города Франкфурта, затем, около 1356 г., Шпейера и других городов, подробные уставы об одежде, аналогичные французским законам против роскоши.

Такие же уставы были составлены и в скандинавских землях, а в 1350 году они распространились даже на Исландию. Одним из них разрешалось гражданину, имеющему 80 марок серебра состояния, носить камзол из хорошего сукна, имеющему вдвое больше — поверх камзола еще кафтан; у кого было вчетверо больше, тот имел право прибавить плащ, но без меховой подкладки. Люди побогаче, ученые и духовные лица могли одеваться как хотели.

Немецкие уставы были очень подробными в мелочах и, кроме общих положений, имели специальные, касавшиеся людей разного возраста и семейного положения и тех или иных событий частной жизни.

Постановление Шпейерского городского совета от 1356 г. содержит следующие распоряжения: «Чепцы женщин впредь не должны иметь более четырех рядов оборок; ни одна женщина не имеет права носить свои косы спущенными на спину, а должна подвязывать их. Незамужняя девица может ходить с распущенными косами и носить шапель, пока не выйдет замуж.

Никакое платье, ни нижнее, ни верхнее, не следует делать узким и с пуговицами спереди или со шнуровками на боках. Висячие концы рукавов не должны быть длиннее одного локтя, начиная от локтевого сгиба. Оторочка платья или плаща, меховая или шелковая,

Рис. 77

Рис. 78

не должна быть шире, чем в два пальца, и то лишь сверху, а внизу никакой оторочки не положено. Плащи должны застегиваться сверху; на них не допускается ни серебра, ни золота, ни жемчуга.

Ворот платьев должен быть такой ширины, чтобы не слишком обнажалась шея. Полосатые и вышитые платья, украшения на них и на шляпах в виде букв, птиц и т. п., нашитые шелком, совершенно запрещаются, так же как и украшения из золота, серебра, жемчуга или цветных камней на платьях, плащах, шляпах, поясах и т. д. Мужчинам не позволено носить на шапках перья или металлические трубочки.

Кто не рыцарь, тот не может носить на себе ни золота, ни серебра, ни жемчуга и т. п. Кафтан должен быть не короче, чем по колено, если он не предназначен для верховой езды. Никому не разрешается носить бороду и пробор на голове.

Верхушка капюция не должна быть ни завита, ни разрезана и иметь длину не более полутора локтей, а спереди без всяких подвесок. Запрещается обувь с длинными носками, и никто, кроме рыцарей, не может носить обуви, которая ради шегольства изрублена и изрезана».

Несмотря на то что нарушение этих постановлений наказывалось денежным штрафом, они, как и французские законы против роскоши, не произвели ожидаемого действия. Их выслушивали и не исполняли, выплачивая, и то не всегда, назначенный штраф. Если же какой-нибудь моралист восставал против общей тенденции, то это не только не сдерживало ее, а еще более усиливало.

Короткое облегающее платье стало распространенной одеждой мужчин, которые нередко так преувеличивали все особенности этого покроя, что далеко превосходили заимствованные иностранные образцы. Если и не каждый имел такое количество пуговиц, о котором упоминает Гагециус, то все-таки подобная отделка была во вкусе времени и всем нравилась.

Во Франции короткие кафтаны шились с цельной баской и разрезом только на груди, который застегивался на пуговицы (рис. 6 — 8); в Германии на нижней части кафтана делали разрезы и обшивали их пуговицами (рис. 79). На рукавах по заднему шву тесно нашивали маленькие пуговицы, стараясь поместить их как можно больше (рис. 79, б, в).

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Рукава были очень узкие и нередко имели такую длину, что обшлага закрывали кисть руки до самых пальцев (рис. 79, а). Для украшения к ним пришивали, не подражая иностранной моде, длинные лентовидные детали различной формы, которые иногда доходили до земли (рис. 79, а).

Короткий кафтан назывался шекке, длинный — ваммс. Это название, происходящее от термина «ваммезон», означало поддевку, которую рыцари носили под броней. Во время оккупации англичанами Эльзаса (в 1365 г.) местное население переняло у них некоторые детали костюма и новые их наименования.

«Одежды их,— говорит в своей хронике Якоб Твингер фон Кенигсгофен,— были длинными и богатыми, на ногах они имели отличные металлические поножи. С этих пор и в Страсбурге стали носить длинное платье и короткие кафтаны, поножи и островерхие шапки, что до того времени было не принято».

Следуя иностранной моде, богатые щеголи спускали пояс так низко, что он почти касался нижнего края кафтана. Как правило, остальные горожане носили его немного ниже талии (рис. 79; ср. рис. 6, 7). В то же время в отделке пояса, как и в отделке сумок и ножей, которые на нем носили (рис. 79, б, в), постепенно дошли до того, что в законах против роскоши на нее было обращено особое внимание.

Остроносая обувь и так называемые гугели (название, соответствующее латинскому «клкулюс» — наголовник, капюшон) изменялись и отделявались согласно местным вкусам, независимо от влияний иностранной моды.

Рис. 79

Рис. 80

Невзирая на постановления городских властей, регламентировавшие длину носков обуви и форму головного убора, всякий носил их так, как ему нравилось. Гугель, а если он был с воротником или пелериной, то и воротник отделявали по краям насечкой, иногда в несколько рядов. Кроме того, нередко его делали так, что он мог застегиваться спереди или наглухо, или только до половины, как в Богемии, где его носили застегнутым до самых глаз. Конец или верхушку иногда удлинляли настолько, что она висела сзади хвостом, и тоже обшивали зубчиками. Гугели обычно имели очень яркие цвета.

Плащи были двух видов — открытые на правом боку и застегивавшиеся на плече (рис. 79, б, в) и закрытые, с отверстием для головы и без разреза или с застежкой спереди на пуговицах. Эта закрытая форма плаща называлась колокол.

Относительно волос и бороды у Гагечиуса находим под 1329 г. следующую заметку: «Тогда рыцари начали отращивать себе бороды, а раньше они ходили гладко выбритые; некоторые носили усы, как собаки и кошки. Другие, отрицая свой пол, приняли женский обычай и носили длинные распущенные волосы, причесывали их и мокрыми сушили на солнце.

Кое-кто, желая отличиться перед другими и казаться красивее, завивал свои волосы, и чем искуснее он умел это сделать, тем прекраснее себя считал». Хотя это замечание касается только Богемии, оно может быть распространено и на всю Германию.

С 1350 года начал изменяться и женский костюм. До сих пор женщины одевались в старинную длинную и широкую одежду, обшивая ее мехом или какими-нибудь каймами (рис. 80). Но теперь верхнее платье без рукавов вышло из употребления или было переделано в так называемые соркет.

На юбке справа и слева делались разрезы (эта мода, впрочем, существовала недолго), или все платье зауживалось, и к нему прибавлялись рукава. Подражая мужчинам, женщины тоже довели фасон костюма до нелепых преувеличений и даже превзошли в этом отношении мужчин.

Началось с того, что лифы стали делать все уже и обшивать мелкими пуговками в еще большем количестве, чем у мужчин; затем и рукава начали украшать подвесками в виде лент и шнуров, спускавшихся до земли (рис. 81, а). Рукава, в особенности у нижнего платья,

были до крайности сужены, а у верхнего делались несколько свободней и с насечкой по краям.

Вопреки запретам, все больше и больше открывали шею и плечи (рис. 81, а), делая вырез лифа настолько глубоким, что груди, и без того приподнятые узким корсажем, почти до половины обнажались. Одновременно, как бы взамен укороченного лифа, юбку верхнего платья стали удлинять в шлейф, подражая французской моде.

Поскольку длина шлейфов сначала была весьма умеренной, то городские власти не считали нужным запрещать эту моду. Привлекала особое внимание отделка поясов: она становилась все роскошней, а сами пояса все шире, порой доходя до безобразных форм (рис. 81, а).

Кроме головных уборов, заимствованных у иностранцев вместе с прической, молодые и старые женщины носили гугель, очень похожий на мужской.

Вместе с ним стали входить в моду и чепцы местного фасона, о которых упоминалось в городском постановлении Шпейера. Эти чепцы закрывали голову и плечи, а по наружному краю, обрамлявшему лицо, были обшиты в несколько рядов красиво завитыми зубчатыми оборками (рис. 81, б). Они являлись головным убором только замужних женщин, которые, вопреки постановлениям властей, увеличивали число оборок и всячески украшали чепец.

Молодые, согласно предписаниям, носили традиционные головные повязки и обручи, не считая гугеля; волосы заплетали в косы или просто распускали по плечам (рис. 80, 81). Со всеми этими головными уборами надевалось покрывало (вуаль).

С самого начала столетия широкий тапперт стал любимой одеждой мужчин. Ему отдали предпочтение из-за того, что его покроем, особенно широкие и очень длинные рукава, допускал распространенную тогда отделку зубчатой высежкой.

Расширив рукава еще больше, их стали разрезать то до половины, то во всю длину, высекая зубцами края разрезов. Сначала высежку делали в один ряд и с зубцами одинаковой формы, потом двойную, тройную и различных фасонов. Такой же высежкой украшали подол одежды, постепенно увеличивая ширину высежки снизу вверх.

Воротник и даже проймы, где вставляются рукава, тоже вырезывали зубчиками. Подобные тапперты из-за своей дороговизны были доступны лишь зажиточным горожанам. Люди с меньшим достат-

Рис. 81

Рис. 82

ком, а также те, кто не любил особых перемен, продолжали носить тапперты прежнего простого покроя, в форме широкого чехла с довольно узким отверстием для головы.

Этот покррой продержался почти до середины XV в., после чего изменился так, что, кроме отверстия для головы были прибавлены отверстия для рук, отороченные мехом так же, как и подол.

Так как тапперт любого покроя закрывал большую часть тела, тем самым скрывая от глаз узкий пестрый кафтан, когда он был надет под ним, то этот кафтан и оставался без особых перемен. Он подвергся изменениям лишь тогда, когда тапперты стали выходить из моды или превращаться в распашные «шаубе», что произошло не ранее середины XV в.

Мода на обувь с острыми и длинными носками утвердилась настолько прочно, что представители высших сословий старались перещеголять друг друга длиной носков своих башмаков. Подобным соревнованием заразились и люди победнее.

Некоторые щеголи, не ограничиваясь различием в длине носков, надевали на них по колокольчику или погремушке и носили обувь ярких цветов. Например, в Эрфурте в 1444 г. была в моде обувь из красной оленьей кожи. Чтобы облегчить ходьбу, под башмаки надевали, как во Франции и Англии, деревянные высокие подбашмачники, причем тоже с длинными носками. Эти подбашмачники прикреплялись к ноге при помощи ремня и как правило были окованы железом или медью на пятке и носке.

Из головных уборов любимой была шляпа тех фасонов, которые соответствовали моде во Франции. Меньшей популярностью пользовались распространенные там высокие воронкообразные шапки из мягкого войлока. Их носили мало, причем они были гораздо ниже и часто были украшены разноцветными лентами, вышитыми бортами и т. п.

Кроме того, был распространен англо-французский обычай обшивать шляпу или шапку длинной и широкой лентой, конец которой спускался сбоку. Она делалась из легкой шелковой ткани. Сначала, по французскому образцу, только ее концы вырезались зубчиками, но впоследствии таким же образом стали вырезать и ее долевые стороны, разнообразя при этом форму зубчиков.

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Гугель не был полностью забыт, но теперь его надевали только для защиты от холода или непогоды, как и головные уборы, которые почти не изменили своей прежней формы.

Впрочем, среди мужчин, к какому бы сословию они ни принадлежали, многие эту моду не приняли. Некоторые умышленно одевались как можно проще, чтобы этим контрастом подчеркнуть всю нелепость щегольства модников.

Женщины тоже не все гонялись за модой. Многие представительницы высших сословий уклонялись от нее, соблюдая лишь соответствующую их званию и общественному положению представительность. Поэтому художники того времени (до 1440 г.) находили образцы для своих мадонн и святых почти исключительно в среде высшего сословия (рис. 82, 83).

Но зато любительницы моды с удовольствием меняли узкий покрой на широкий и наоборот (рис. 84), отбросив всякое смущение, продолжали обнажать шею и грудь как можно больше, изо всех сил стягивая корсет и поднимая пояс под самые груди.

Хотя на платья подбирались все более ценные ткани, шлейфы постепенно увеличивались. Даже плащи постепенно превратились в одежду со шлейфом, а их верхняя часть расширилась и к ней прибавился отложной воротник (рис. 84, б). Длинные рукава, зубчики, погребушки, а также башмаки с длинными носками были распространены как среди женщин, так и среди мужчин. Они переняли от последних даже деревянные подбашмачники и включили в число своих головных уборов наряду с сетками и головными чехлами мужскую шляпу с поднятыми полями, окрашивая ее в яркие цвета и украшая различными мелочами.

Вуаль благодаря увеличившейся легкости и тонкости ткани стала длиннее и шире. Ее прикрепляли к головному убору, причем особенное внимание обращалось на красоту шпилек, которыми ее прикалывали. Применявшаяся и раньше, особенно старыми и замужними женщинами, ризе для окутывания подбородка и шеи, так же как и спloенные (уложенные складками) спереди чепцы, теперь часто чрезмерно заплывались, к тому же к ним прибавляли особый наголовник (рис. 84, в).

Прическа изменилась в сторону того, что локоны постепенно были заменены косами, причем голову украшали венками, лентами, пестрыми

Рис. 83

Рис. 84

перьями, цветами, розетками и золотыми обручами. Щегольство драгоценными вещами и дорогой отделкой платьев постоянно возрастало. Те же, кто были не в состоянии покупать себе настоящие вещи, довольствовались подделками, для изготовления которых в разных местностях довольно давно образовались особые корпорации ремесленников.

Французско-бургундская мода распространилась повсеместно. Мужчины, раньше ее не признававшие, стали носить неприлично узкую и короткую одежду.

Любимые прежде широкие и длинные тапперты сменила распашная шаубе, а затем — пестрый обтягивающий кафтан, который постепенно укорачивали и суживали до того, что около 1480 г. он превратился в чрезвычайно узкую куртку с рукавами и очень короткими фалдами, открытыми на боках (рис. 87, а), или вовсе без фалд. Такая куртка и узкие штаны в обтяжку с перенятой у французов бракетт (рис. 85), прикрепленные к куртке завязками или шнурками, настолько плотно обтягивали тело, что под ним отчетливо обозначались все формы.

Куртки стали делать более открытыми спереди, с вырезом на груди, как у женщин, и вышитым нагрудником. Рукава укорачивали, делали на них разрезы, которые подбивали буфами. Вышивками украшали края нагрудного выреза, а иногда и рукава по всей длине от плеча до локтя. Взбитые оплечья пока еще встречались редко, зато разрезы на рукавах и остальной одежде привели к тому, что в моду вошли тонкие полотняные сорочки.

Поскольку такой костюм был рассчитан на то, чтобы подчеркнуть красоту тела, всякая скрывающая его верхняя одежда казалась неуместной. Вследствие этого плащ, без которого раньше невозможно было обойтись, превратился в довольно короткую и широко распахивавшуюся накидку, которая удерживалась на груди с помощью длинных шнурков (рис. 85).

Описанный костюм и в Германии подвергся тем же изменениям, через какие он к концу столетия прошел во Франции. Вырез на груди иногда расширяли до самых плеч и спускали его на спину, нередко делая подобный вырез и на спине, закрывая его вышитым наспинником (рис. 87, а, б). Постепенно укорачивая нагрудник и наспинник, все больше обнажали шею, а укорачивая рукава, руки нередко открывали до самых локтей (рис. 86, в).

В размещении разрезов и буфов каждый руководствовался собственным вкусом, равно как и в отделке платья дорогими бордюрами и вышивками. Чаще всего вышивали символические фигуры и различные изречения, украшая ими даже штаны. Некоторые щеголи носили кафтаны без грудной выемки и в этом случае нередко высоко подбивали грудь, как это раньше уже было в моде.

Штаны носили по-прежнему в обтяжку и вскоре переняли французскую моду разделять их повыше колена и связывать обе части завязками или же надевать короткие штаны поверх штанов, обычно отличающиеся от первых по цвету и украшениям (рис. 87, а, б, в). Вместе с этим изменялся и плащ, постепенно уменьшаясь в объеме настолько, что часто напоминал четырехугольный лоскут, едва закрывавший туловище до бедер (рис. 86, в; ср. а, б). Так называемые глоки, т. е. нераспашные плащи, которые все еще использовались, тоже значительно укоротились и сузились (рис. 87, в).

Вместе с этим костюмом некоторые щеголи, а также состоятельные люди, следившие за модой, носили широкую верхнюю одежду; одни — в виде короткого подпоясанного или без пояса распашного камзола с широкими и длинными или короткими и узкими рукавами (рис. 87, г); у других этот камзол наглухо застегивался на пуговицы, часто плотно пришитые одна возле другой (рис. 88, б); у третьих он был весь в складках и напоминал блузу (рис. 89, б) или широкое короткое пальто с воротником и т. д.

Рис. 85

Рис. 86

Цвет этой одежды был чрезвычайно разнообразен и отличался пестротой. Рукава обычно делались не длиннее кисти, но нередко встречались рукава, доходившие до земли, поэтому нужно было их сначала отвернуть, чтобы потом высвободить из-под них руку (рис. 89, а, б).

Кроме того, рукава, доходившие до кисти, толсто простегивались по всей длине или только до своей верхней части, от плеча до локтя. В этом случае в них делались разрезы (рис. 87, ж; рис. 88, а, б) или пришивался отдельный разрезной рукав (рис. 88, а). Существовали также другие фасоны, на разные лады повторявшие удвоение рукавов.

Между тем наглухо закрытый тапперт стал популярным среди небогатых горожан и ремесленников. У них он сохранился, не изменяя своего покроя, до начала следующего столетия (рис. 90, а, б), тогда как высшие сословия уже в середине века заменили его роскошной шаубе (рис. 90, в; рис. 91; ср. рис. 45).

Эти одежды в свою очередь разнообразно видоизменялись: иногда они делались без рукавов, только с проймами для рук (рис. 90, в), иногда с длинными или короткими, широкими или узкими рукавами различных фасонов.

К концу столетия вместе с мешкообразными в моду вошли длинные и широкие рукава, у которых, кроме обычного отверстия на конце, делалась одна или несколько боковых пройм по длине рукава или полностью разрезные рукава с застежками.

Шаубе спереди не застегивались, а на груди отворачивались так, что отороченная часть в виде воротника окружала шею (рис. 90, в; рис. 91, б). Она делалась из материи различного качества и цвета, и ее обычно подбивали мехом или хотя бы опушали им края и отвороты (рис. 90, в; рис. 91, б).

Поскольку зажиточные горожане почти все носили шаубе не длиннее, чем до середины икр, у знати, подражавшей французской придворной моде, она закрывала всю ступню.

Некоторые знатные шеголи выдумали нечто среднее между тап-пертом и шаубе: это было подобие чехла с разрезами по бокам, продолжными складками спереди и сзади, меховой опушкой по нижнему краю и иногда с широким меховым воротником.

Было изобретено немало и других фасонов, но все они были лишь искажением, утрированием общепринятых форм, вследствие чего последние казались более странными и смешными, чем были на самом деле. Так было с полосатыми тканями, фалбалой, погремушками и длинноносой обувью — все это доводилось до крайности, переходившей в шутовство.

Прежде «ми-парти» ограничивали только панталонами (одна половина штанов была одного цвета, другая — другого), теперь же она распространилась и на остальные части одежды, а позднее — даже на головные уборы и обувь. Самым простым видом «ми-парти» была одежда, составленная из двух разноцветных половинок таким образом, что спереди и сзади она была, например, наполовину голубая, наполовину красная, одновременно с одного бока — вся красная, с другого — вся голубая.

Иногда носили только двухцветные штаны, иногда только двухцветный камзол, но гораздо чаще и то, и другое. При этом цвета располагали так, что правая половина кафтана была одного цвета с левой половиной панталон, а левая половина кафтана — с правой

Рис. 87

Рис. 88

половиной панталон. Однако такое соответствие цветов соблюдалось не всегда, бывало, что и все четыре половины делались разного цвета.

Иногда к двум цветам прибавляли третий, разделяя их цветными полосами. Так, в 1473 г. аугсбургские рыцари носили трехцветную одежду, в которой главные цвета — белый и красный — по длине были разделены полосами зеленого цвета.

Разнополосность иногда усиливали тем, что половинки одежды делались не только разного цвета, но и из разной ткани.

Другой вид половинчатости, который можно назвать разнофасонностью, не распространялся далее рукавов, по крайней мере вначале, и заключался в том, что один рукав кроился очень широкий, а другой —

в обтяжку. Только в самом конце столетия таким же образом стали разнообразить покррой коротких штанов. По поводу ссоры, возникшей в 1408 г. во Фридберге между хлебниками, башмачниками и портными из-за того, что последние начали носить разноцветную обувь (один башмак черный, другой — белый), Франкфуртский городской совет постановил, что «портные не имели никакого права носить такой обуви, но пусть носят, пока это не поведет к нарушению спокойствия».

Половинчатость и узкий покррой в обтяжку перешли и в следующее столетие, вместе с модой на фалбалу и высечку, достигшей своего пика. Длинные и висячие рукава отделявали по краям и проймам фалбалой в несколько рядов (иногда до 12), а также по всей длине обшивали ею рукавные швы, нашивали ее по всему платью, где только это было возможно, и даже на головные повязки. Этим украшением были обременены не только узкие платья, но и широкие, причем в еще большей степени.

Например, широкие наглухо закрытые накидки, так называемые глоки, и большие лежащие воротники некоторых видов верхней одежды так густо отделявали по краям фалбалой, что те и другие казались сшитыми из вырезанных городками лоскутков. Вскоре пришел конец и этой моде.

Это, конечно, произошло не сразу, а тянулось, постепенно ослабевая, почти до 1470 г. С тех пор сравнительно умеренная отделка фалбалой и высечкой стала исключительной принадлежностью ряда шутов и паяцев. В общепринятом костюме от нее остались только очень упрощенные зубчатые обшивки на нижнем крае платья, на обшлагах рукавов и на задних рукавных швах.

Погремушки обычно носили на поясе и перевязи (рис. 93). Некоторые прибавляли к ним повязку с погремушками в виде шейной ленты; погремушки пришивали к носкам обуви, к зубчатой оторочке платья или по большим праздникам (например, на призовых бегах в Нюрнберге) нашивали их вдоль панталон по наружному шву. Вместе с высечкой погремушки с 1470 г. перешли к шутам и стали отличительным признаком присвоенного им костюма, а в связи с этим и их звания.

Гораздо дольше держалась мода на длинноносую обувь (рис. 85, 86). Несмотря на все постановления, принятые против нее, она существовала в Германии и во Франции почти до конца столетия, постепенно уступив место полностью противоположному тупоносому широкому фасону.

Уже около 1460 г. постановлением городского совета в Нюрнберге была определена мера длины носков, а в 1470 г. Бернский совет запрещал под угрозой штрафа в три фунта носить носки длиннее нижнего сустава пальцев рук.

Вслед за этим (1473 г.) по особому ходатайству бамбергского епископа длинноносая обувь была окончательно запрещена в Нюрнберге. Однако, несмотря на эти меры, включая папскую буллу, появившуюся в 1480 г. и тоже запрещавшую эту моду, Регенсбургский городской совет в 1485 г. был вынужден пойти на некоторые уступки, постановив, что «носки обуви могут быть длиной в два пальцевых сустава, но не больше».

Иностранцам разрешается носить их и большей длины, но только до тех пор, пока они донашивают привезенную с собой обувь. Носки женской обуви не должны быть длиннее одного пальцевого сустава». Даже после окончательного исчезновения этой моды (ок. 1501 г.) в Штутгарте посчитали необходимым включить в школьный устав запрещение ученикам носить длинноносую обувь.

Вместе с длинноносыми башмаками были постепенно забыты и деревянные остроконечные подбашмаки (рис. 86, б; рис. 90, а), замененные подвязными подошвами из твердой кожи.

Головных уборов различных фасонов стало значительно больше. Шляпы делали по личному желанию то выше, то ниже, но всегда с полями, которые иногда заворачивали вверх с той или другой стороны (рис. 86, б, в; рис. 90, б).

Шапкам часто придавали самые странные формы: были простые, плотно охватывающие голову высокие и низкие цилиндрические

Рис. 89

Рис. 90

колпаки (рис. 85; рис. 87, в—е), шапки с чалмообразной верхушкой (рис. 87, а, б; рис. 91, б), плоские, окруженные валиком береты (рис. 87, г).

Также носили высокие круглые шапки с широким околышем, разрезанным на боках так, что его можно было опускать или весь, или только переднюю половину или заднюю (рис. 90, в).

Дополнением к этим головным уборам служила зендельбинде в виде повязки или покрывала, остававшаяся в моде до начала следующего столетия, вплоть до того, как плоский берет стал почти везде любимым головным убором. Разнообразие головных уборов, к которому следует прибавить не забытый до сих пор гугель (рис. 91, а), еще сильнее увеличивалось их отделкой.

Шапки и даже шляпы иногда делали полосатыми или половинчатыми из тканей различного цвета (рис. 87, в, е), обвешивали разноцветными шнурками, обкладывали галуном, вышитыми каймами, бахромой или кистями (рис. 85), а в конце столетия украшали пучком пестрых перьев (рис. 86, а; рис. 91, б), по французской моде. Щеголи носили на голове золотые обручи, венки и пр., очень часто украшенные цветными перьями (рис. 86; рис. 93).

Модной прической в это время считались длинные волосы, распущенные по плечам. Щеголи и в этом, как и во всем прочем, дошли до крайности (рис. 85, 86), пользуясь при недостатке собственных волос фальшивыми.

Некоторые носили не очень длинные волосы, которые завивали, припекали и умащивали маслами. Степенные люди тоже носили волосы распущенными, но у них они были умеренной длины, чаще всего подстриженные на лбу прямой скобой. Бороду брили все, за очень редким исключением.

Под влиянием бургундско-французской моды стали популярны кожаные и шелковые перчатки с вышивками, обшивками и прочей

отделкой. Поясные сумки и поясные ножи по-прежнему носили те, кому это было разрешено (рис. 86, а, б; рис. 90, а; рис. 91, а).

Знатные дамы, которым пришлось многое, не удовлетворились дозволенными им в 1482 г. Эрнстом и Георгом Саксонским шлейфами в два локтя длины, а носили верхнюю одежду со шлейфом в четыре локтя и длиннее.

Такие шлейфы, разумеется, затрудняли ходьбу, и потому их несли за ними (рис. 94—97). При меньшей длине достаточно было приподнять платье с одной стороны (рис. 95, а).

В том и другом случае было видно нижнее платье, потому его стали отделявать как можно наряднее: то широкой обшивкой из бархата или другой дорогой ткани, то вышивками и пр. (рис. 94; рис. 95, а, б).

Появившаяся позже подобная отделка верхнего платья делалась все богаче и иногда доходила до крайности. Дальнейшее сужение обеих одежд в талии и вокруг бедер сделало пояс совершенно бесполезным. Его или не носили вовсе, или надевали только в качестве украшения.

Такие пояса были, как правило, металлическими и имели богатую отделку (ср. рис. 95 и сл.).

Дошедшее до крайности обнажение шеи и груди продолжалось и усиливалось. Не ограничиваясь существовавшим прежде значительным вырезом на груди, его еще больше стали расширять спереди, сзади и от середины к плечам, вырезая глубоким четырехугольником, порой оставляя плечи полностью обнаженными (рис. 95, б; рис. 97, в).

Обычно перед лифа, доходивший несколько ниже талии, с середины груди собирали несколькими продольными складками (рис. 95, б, в) или делали на нем широкий и глубокий вырез, стянутый шнурами соответствующей длины (рис. 97, в).

Почти одновременно с таким обнажением груди и плеч эти части стали прикрывать кусками очень тонкой и прозрачной материи, которым

Рис. 91

Рис. 92

придавали форму простого воротника или нагрудника, отделанного шитьем.

Рубашки были особого покроя, поддерживающего грудь. Пояса носили по-прежнему, т. е. как можно выше (рис. 94; рис. 96). Только к концу столетия начали, как и во Франции, отделять лиф от юбки и считать их самостоятельными частями костюма.

Одновременно стала распространяться верхняя одежда с коротким воротником, спереди закрывающаяся доверху. Эта одежда существовала и раньше, а в почтенных бюргерских семействах носилась постоянно как протест против неприличия господствовавшей моды. Ее носили то с поясом, то без (рис. 96, а, б). Такая же верхняя одежда, только распашная во всю длину, использовалась как накидка или плащ (рис. 95, в).

Из различных фасонов рукавов предпочтение отдавалось узким. В общем же фасон рукавов менялся беспрестанно. Их пришивали то лишь к одной из двух одежд — верхней или нижней, то к обеим. В этом случае они были различных фасонов.

У верхнего платья рукава кроились преимущественно длинные и узкие (рис. 94; рис. 95, б, в; рис. 97, в), а иногда — широкие висячие (рис. 95, а; рис. 96, б; рис. 98, а, б).

То же самое можно сказать и о нижнем платье. Если оно имело рукава, то верхнее платье оставляли или совсем без рукавов (рис. 95, а), или же пришивали к нему, в зависимости от длины нижних рукавов, то широкие, то узкие, то длинные, то короткие, глухие или разрезные рукава.

Узкие рукава, какому бы платью они ни принадлежали, иногда стали разрезать по всей задней стороне, у локтя и т. д., и подбивать буфами (рис. 95, б; рис. 97, б). Широкие висячие рукава, цельные или разрезные спереди, в основном последние, делали такой не-

померной ширины и длины, что они волочились по земле. Иногда их края отделявали глубокими вырезками (рис. 96, в; рис. 97, б; рис. 98, б).

Цельные рукава тоже носили такой длины, что они спускались гораздо ниже кистей рук (рис. 98, а). Благодаря разрезным рукавам нижнего платья у тщеславных молодых и кокетливых женщин к концу столетия вошло в моду обнажать руки, начиная от локтя. Это привело к тому, что руки стали украшать различными драгоценностями.

В связи с широким распространением роскошно отделанных двойных платьев и распашных верхних одежд плащ практически вышел из употребления (рис. 95, в). Его надевали только для защиты от холода или плохой погоды, поэтому его отделка была довольно простой.

К существовавшим прежде фасонам в это время присоединился новый, в форме сплошной в продольные прошитые складки негнушейся накидки с широким или узким твердым воротником. Плащи чаще всего носили замужние женщины среднего сословия, реже — девушки. В знатных сословиях, особенно при дворе, богато отделанный старомодный спинной плащ по-прежнему оставался принадлежностью парадного костюма.

Такие украшения, как зубчики и бубенчики применялись в женском костюме, а затем исчезли из него также постепенно, как и из мужского. Особенно любимы были зубчики, которыми порой излишне обшивали рукава, воротники и головные платки.

Женщины реже, чем мужчины, украшали себя бубенчиками, причем носили их не только на поясе, но и на ворота платья и даже на рукавах (рис. 98). Перевязь с бубенчиками, какую носили мужчины (ср. рис. 93), женщины надевали только на маскарадах. Они продолжали носить башмаки уже не с длинными, но все-таки острыми носками. Такая обувь, по их мнению, считалась наиболее приличной (рис. 95, 96, в).

Разнообразие головных уборов значительно возросло. К существовавшему изобилию постепенно присоединились бургундско-французские наколки странного вида, высокие конические «эннены», широкие крылообразные наколки и многие другие фасоны, часто собственного изобретения.

Помимо зачастую странных иностранных фасонов, которые оставались почти без изменения (рис. 94; рис. 97, а, в), именно фасоны собственного изобретения вели к усилению неразберихи, господствовавшей в головных уборах.

Сначала появились разнообразные головные повязки. Обычно они делались из кусков любой подходящей для этого белой или цветной ткани и нередко украшались вышивками, шитьем и пр.

В зависимости от того, как их располагали на голове, они приобрели форму плотно охватывавшего голову чехла (рис. 95, в; рис. 97, б), тюрбана в мелких складках (рис. 95, а) или просто форму широких или узких рулонов, свитых спирально (рис. 96, в).

При этом один конец повязки оставляли висющим или закидывали его назад вокруг шеи, или обводили вокруг подбородка и снова прикрепляли к повязке. Концы роскошно отделывали или украшали зубчатыми вырезами, похожими на украшение мужских тафтяных повязок.

Потом появились различные чепцы и сетки. Богато украшенные сетки, надевавшиеся отдельно или поверх чепцов, почти всегда были сделаны из разноцветных шелковых шнурков, перевитых золотыми и серебряными нитями. Чепцы, как правило, имели форму несколько сдвинутого шара с плоско прилегающим широким краем вокруг лба.

Некоторые из них были совершенно круглые, как шар, другие, напротив, продолговатые. Иногда они имели углубление посередине над теменем и были похожи на тыквы различных видов (рис. 95, б). Иногда середина чепца углублялась настолько, что он казался состоящим из двух полушарий. Делали чепцы из различных тканей, иногда даже из цветного бархата.

К концу столетия к чепцам (преимущественно для замужних женщин) прибавили широкую ленту, которая шла от затылка, закрывая всю нижнюю часть лица почти до самого носа (ср. рис. 97, а).

Большим изменениям подверглись шапки и шляпы. Шапки теперь носили совсем без полей, с ободком, который иногда прорезывали с одного бока или в форме, средней между шапкой и шляпой. Чаше всего они делались из твердой или туго накрахмаленной материи и украшались широкими цветными лентами, вуалями, обшивками и перьями (рис. 98, б).

Шляпы в основном напоминали мужские, отличаясь от них тем, что их тулью, обычно цилиндрическую,

Рис. 94

Рис. 95

делали узкой то посредине, то внизу, а поля заменяли длинными или короткими козырьками, сделанными из какой-нибудь прокрахмаленной ткани (рис. 96, а).

Не были забыты и ранее любимые женщинами богатые шитые налобники, украшенные камнями металлические головные ободки, искусственные венки и прочие уборы, к которым прибавились дорогие жемчужные нитки (рис. 96, б; рис. 98, б). Покрывало, называемое теперь фриндер (блестка), стало отличаться тканью и отделкой.

С разнообразием головных уборов прическа отступила на задний план. Большинство этих уборов скрывало волосы или полностью, или их большую часть (рис. 94, 95; рис. 96, а).

При других уборах, из-под которых волосы были видны, их заплетали в косы, которые или оставляли свободно висящими (рис. 96, в), или же укладывали вокруг ушей улиткообразными широкими валиками (рис. 96, б; рис. 98) и накрывали красивыми сетками, что было издавна принято в Англии.

Кожаные и шелковые перчатки, богато украшенные обшивками, шитьем и даже меховой опушкой, стали неперменной принадлежностью туалета богатых и знатных женщин. Как и мужчины, они сохранили старинный обычай носить изящные поясные сумочки. Женщины подвешивали их к поясу на ремешке с серебряной отделкой или на цепочке вместе со связкой ключей, прибором для шитья и четками (рис. 96, в; рис. 97, б).

Каждая местная власть должна была установить, как должны одеваться ремесленники при выполнении своей работы, их работники и слуги, и представить на дальнейшее обсуждение в следующем собрании. Граждане в городах, не принадлежащие к дворянству или

Рис. 96

рыцарству, не должны носить золота, жемчуга, бархата, шелка, собольей или горностаевой подпушки. Они могут использовать бархат или шелк только на камзолы, а камлот на платье.

Таким же образом их жены и дети могут обшивать или выкладывать бархатом или шелком свое платье, но только не золотыми или серебряными украшениями. Дворяне не из рыцарей не должны открыто носить золота или жемчуга. Они могут украшать свою одежду только так, как будет разрешено государем владений.

Дворяне, имеющие звание рыцаря, тоже не должны носить золотых нашивок, но им не запрещается носить их на камзолах. Пусть каждый государь обсудит вместе со своим рыцарством то, какую одежду выбрать для своих жен и детей, чтобы рыцарству это было не накладно. Их решение должно быть рассмотрено на будущем собрании.

Каждый короткий кафтан или плащ должен быть настолько длинным, чтобы он мог достаточно прикрывать тело спереди и сзади. Все архиепископы, епископы и прелаты должны заставлять подведомственное им духовенство одеваться скромно, как полагается их сану.

✂ # *

Насколько была разработана форма церемониального наряда других властителей и ленных владетелей, королей, герцогов и т. д., остается неразрешенным вопросом.

По некоторым памятникам можно заключить, что короли и высшие имперские чины имели особый наряд, предназначенный для

церемоний. К таким памятникам древнейшей эпохи принадлежит надгробное изображение архиепископа Петра из Аспельта, умершего в 1320 году. Это изображение размещено на колонне собора в Майнце. Архиепископ представлен с Тремя коронованными им немецкими королями: Генрихом VII, Людвигом Баварским и Иоанном Богемским в полном орнаменте (рис. 99).;

Короли изображены в совершенно одинаковой одежде, сходной с одеждой знатных сословий того времени, которая отличается от нее, кроме корон, скипетров и держав, некоторыми особенностями, например, меховыми воротниками, украшенными гербами. Одежда состоит из умеренно широкого камзола с длинными в обтяжку рукавами и широкой мантии, раскрытой с правой стороны. На плечах и спереди она закрыта до шеи. Над ней имеется меховой воротник, сделанный капюшоном. Этот воротник, как и подбой капюшона, надо предполагать, сшиты из горностая. Цвет одежды, особенно мантии, был кармазинно-красным.

Так как курфюрсты, или князья-избиратели, приравнивались к королевскому сану, то и они пользовались описанным одеянием, заменив корону, которой у них не было (как и державы и скипетра), другим головным убором.

" Г

Сначала он состоял лишь из простой круглой шапочки красного или желтого цвета. Такие шапочки тогда носили довольно часто. Это видно по миниатюрам великолепной рукописи, которую Балдуин, архиепископ трирский, приказал изготовить около 1353 г. в память о своей деятельности и подвигах своего брата, императора Генриха VII.

Рис. 97

Рис. 98

На них впервые курфюрсты представлены в своем орнате, напоминающем королевский (рис. 99).

Впоследствии его покррой изменялся соответственно новой моде, хотя сведений об этом, датированных XIV веком, нет. В первой половине XV в. мантия курфюрстов, в отличие от королевской, доходила только до колен. Затем она была значительно удлинена, а к концу столетия преобразована в распашной круглополый кафтан, сначала безрукавный, а после — с длинными и широкими рукавами с горностаевой опушкой.

Широкий горностаевый воротник с капюшоном сохранился без изменения, но простая круглая шапочка была заменена (время определить с достоверностью нельзя) довольно широким и высоким беретом с околышем из горностаея. Красную шелковую ткань сменил красный узорчатый брокат.

Относительно четырех высших сановников государства — маршала, или сенешаля, камерария, стольника и виночерпия — нельзя определить достоверно, имели ли они какие-нибудь присвоенные их должностям особые отличия или нет. Если они и существовали, например, в начале XIII в., когда стольники появлялись с блюдом, а виночерпии с кубком, настоящими или только вышитыми на их одежде, то эти отличия не определялись никаким церемониальным уставом.

На миниатюрах упомянутой рукописи Балдуина названные сановники изображены с их должностными знаками, например, стольник с блюдом и верхом на коне, в общепринятой тогда одежде знатных людей.

В целом же, как во Франции и Англии, только сословие ученых осталось верным изначально существовавшему у них костюму. В Германии, как и в названных странах, он состоял из длинного кафтана до пят, наглухо закрытого, с разрезом у ворота, позднее распашного, с длинными полуширокими рукавами, поясом и иногда меховым воротником или меховой опушкой по вороту.

Высокая шапка носилась на очень коротко остриженных волосах. По старинному обычаю, судьи и врачи одевались в красное, а другие ученые, согласно их специальности, или в черное, или в лиловое.

Ремесленники и рабочие не отличались никакими особенностями платья, что видно из постановлений об одежде. Зато в них указываются отличия в одежде евреев и публичных женщин.

Для первых эти отличия предписывались церковной властью и были почти везде одинаковы. Относительно последних для примера упомянем о распоряжении Берлинского городского совета от 1486 г., предписывавшего публичным женщинам для отличия от честных женщин носить накидки.

Что касается арлекинов и шутов, то они с середины XV в. присвоили себе пестрый наряд с длинными мешкообразными висячими рукавами, который был часто обшит ВНИЗУ бубенчиками, шапку с бубенчиками, петушиным гребешком или ослиными ушами и т. п. и дурацкую палку.

Дальнейшее развитие вооружения и его отдельных частей шло так же, как и во Франции и Англии, но с некоторым опозданием. Французские рыцари как преемники основателей рыцарства остались верны его духу. Хотя позже вследствие разных причин они уклонялись от соблюдения предписываемых этим духом добродетелей, но они строго хранили благородную представительность, которая была завешана рыцарскими традициями, и этим служили примером рыцарству других стран.

Рис. 99

Рис. 100

волоку любой толщины и крепости, что дало возможность изготовлять кольчуги намного быстрее и дешевле, чем прежде, когда проволока выковывалась.

Изобретение проволоочной кольчуги было особенно выгодно для небогатых рыцарей. Но не только у них, а и у знатных рыцарей броня покрывалась только узкими металлическими полосами на руках и ногах, иногда с прибавлением налокотников, наколенников или небольшим количеством круглых блях, редко покрывавших всю броню.

Даже такое вооружение, особенно, если оно было тщательно изготовлено, являлось в то время редкостью и встречалось только у немногих из знатных рыцарей, которые использовали его не столько как боевое вооружение, сколько как турнирный наряд, вместе с богатым кафтаном, шлемом и другими принадлежностями. Образец такого вооружения представлен на надгробном изображении противника Карла IV Гюнтера Шварцбургского (1349 г.) (рис. 100).

Эти камзолы, как видно из их описания в Лимбургской хронике за 1370 г., соответствовали кафтанам (туникам), которые надевались

Таким же было и английское рыцарство. Немецкое же рыцарство, изолированно обитавшее в своих укрепленных замках, коснело в добровольной грубости вплоть до самого упадка. Мало склонное к переменам, оно очень неохотно и медленно принимало нововведения, тем более в вооружении, от которого оно требовало надежности, а не красоты, между тем как французы и англичане ценили в нем именно это качество.

На этом различии требований и основывалась главная разница между франко-английским и немецким вооружением, постепенно исчезнувшая только к концу XIV в.

Между тем как во Франции и Англии с успехом распространялось применение накладок из твердой кожи и металлических блях для увеличения прочности брони, в Германии оставались верны старинной кольчуге с небольшим количеством накладок.

Этому содействовало изобретение, сделанное около 1350 г. в Нюрнберге гражданином этого города Рудольфом, который нашел способ вытягивать круглую и ровную про-

французами и англичанами поверх брони и, плотно охватывая грудь, стягивались на спине шнуровкой. Они не имели рукавов и доходили только до середины бедер (рис. 65). Они шились из какой-нибудь очень прочной материи, обычно из твердой кожи.

Для большей прочности на них нашивались небольшие круглые бляхи, иногда — железные нагрудники (рис. 101). Эта неуклюжая одежда применялась почти до конца столетия, по крайней мере у небогатых рыцарей. Богатые и знатные уже начали перенимать многое от французских и английских рыцарей, иногда даже стараясь превзойти их богатством вооружения (рис. 102).

Некоторые особенности последнего, например прикрепление меча и кинжала цепями к нагруднику (рис. 101, 102), они сохранили наравне со всеми немецкими рыцарями вплоть до начала XV века. Немецкие рыцари не упустили возможности перенести на вооружение отделку бубенчиками и колокольчиками.

Рис. 101

Кафтан, который носили то поверх брони, то под ней, делался с длинными висячими рукавами с высечкой. Обувь носили длинноносую, но все это продолжалось до тех пор, пока было в моде (рис. 103). Упомянем еще о том, что император Максимилиан I очень заботился об усовершенствовании доспехов и даже принимал в этом личное участие. У него был личный, очень искусный оружейник, Лоренц Платнер из Аугсбурга (1470 г.), которым в Инсбруке был устроен большой пресс и изобретен способ изготавливать одновременно до тридцати нагрудников и наспинников.

Этот же государь первый учредил в Германии, когда шел войной на Венгрию около 1490 г., что-то вроде постоянного наемного войска. Для этого он приказал собирать бродяг по всему государству и из них составил армию так называемых копейщиков (ландов или ландскнехтов) под именем «черной гвардии» — правильно организованную пехоту, хотя и не всю одинаково обмундированную, но практически с одинаковым вооружением.

Вооружение преимущественно заключалось в нагрудниках и наспинниках, простых железных шапках, мечах, алебардах, саблях,

Рис. 102

релах и тяжелом ручном огнестрельном оружии. Несмотря на распространение последнего, самострел использовался еще долго, хотя и утрачивал постепенно то значение, которое придавалось ему в XIV веке (император Карл IV в 1355 году наделил изготовителей самострелов особыми привилегиями).

До формирования упомянутых полков состав германского войска был таким же, как во Франции и Англии до организации там таких же постоянных войск. Императорские военные силы состояли из конного имперского рыцарства с его вассалами, а также конными служилыми людьми.

В XIV веке появились наемные ратники, которыми с тех пор усиливали войско, по крайней мере в военное время. В германских землях эти наемники нашли радушный прием не только у отдельных владетелей, но и у городских общин, которые усиливали ими свои войска.

Начиная с 1368 года город Аугсбург, а за ним и другие города, такие как Нюрнберг, Франкфурт и пр., очень часто брали себе на службу наемные отряды, что оформлялось через обязательства, даваемые обеими сторонами.

Если несколько рыцарей со своими вассалами объединялись для общей цели, то каждый вооружался по своему усмотрению. Рыцари, составлявшие отдельные общества или товарищества, для каждого такого общества выбирали какой-нибудь отличительный знак.

Например, во время войны между вюртембергским дворянством и швабскими городами в 1374 г. в Кенигсгофенской хронике об этом говорилось следующее: «...в Швабии и на Рейне владетели, рыцари и вассалы образовали много союзов и обществ. Одни назвались обществом святого Георгия, другие — обществом святого Вильгельма, третьи — обществом Пантеры или Льва.

Каждый общинник носил на своей одежде серебряную или золотую пантеру, или льва, или другой знак, избранный обществом, к которому он принадлежал».

Не всякому гражданину предоставлялось право постоянно носить при себе оружие. Хотя вследствие постоянных притеснений,

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

испытываемых городами со стороны дворянства, обычай носить оружие стал общим, частые злоупотребления, возникавшие из-за этого, вызвали необходимость ограничить это право законным постановлением.

Во многих больших городах уже в первой половине XIV в. местным гражданам запрещалось носить оружие в мирное время. Это запрещение касалось кинжалов, карманных ножей, как и другого оружия.

В 1328 г. архиепископ Фридрих III Зальцбургский объявил, что «если узнают, что кто-то носит нож или другое оружие, то он лишается милости и должен быть задержан как опасный человек». Такое же запрещение было обнародовано Магнусом Эриком в Швеции в 1347 г. В нем простому народу запрещалось ношение любого оружия, кроме хлебного ножа, и только мастерам разрешалось пользоваться мечом, щитом, шлемом и панцирем.

Запрещены были кинжалы, лук, стрелы, пики и короткие кинжалообразные поясные ножи. В 1483 г. король Иоанн издал указ, по которому в Копенгагене никто не должен был ходить или ездить верхом со взведенным самострелом в руках.

Но в XV в. в этом отношении стали снисходительнее, как и в отношении одежды. Постепенно было допущено столько исключений, что надзор за пунктами, не подходившими под них, стал очень затруднителен. Еще в 1446 г. в Ульме и почти одновременно в Аугсбурге право носить мечи и длинные ножи было оставлено только за ратсгерами и их служителями.

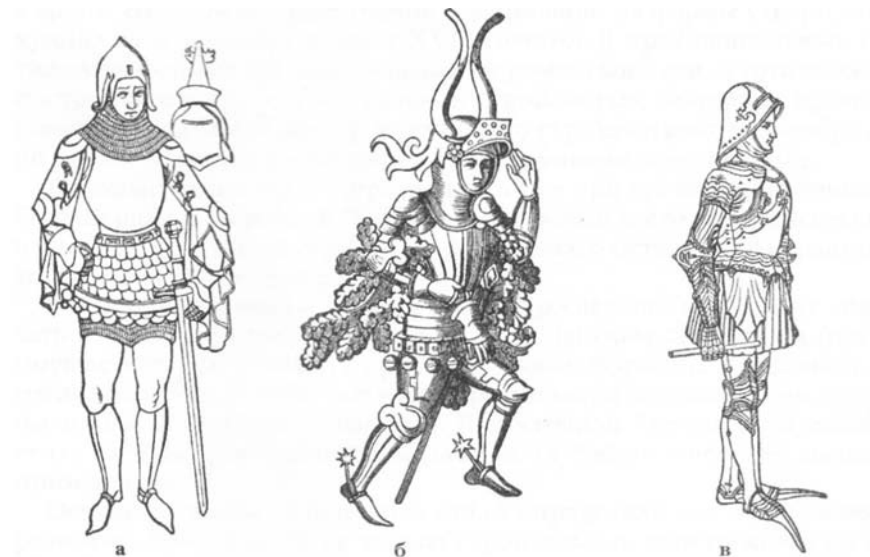

Рис. 103

В конце столетия Ульмский магистрат разрешил носить ножи «судьям и городовому секретарю, управляющему податными сборами, служителям думы, служителям бургомистров, служащим дворянам и их слугам, конным городским служителям, гробовщикам, мерильщикам зернового хлеба, киповязам (во время работы), дворецким, главным конюшим, привратникам, извозчикам, обозникам и даже содержателям домов терпимости»,

* * *

Одежда духовенства придерживалась границ, предписанных общими литургическими постановлениями римской церкви. Любое отступление от них не только строго запрещалось, но даже судилось церковным судом почти наравне со своевольным изменением порядка богослужения. Так же строго преследовалось нарушение предписаний относительно монашествующего духовенства и внеслужебного поведения священников, что, впрочем, не мешало низшему духовенству, многочисленному в Германии, многое позволять себе в отношении одежды, не уступая своим собратьям в Англии и во Франции.

В остальном же установленный церковный порядок строго соблюдался до тех пор, пока не пошатнулся под влиянием постоянно усиливавшегося реформационного движения. В тех странах, где это движение восторжествовало вместе с коренным преобразованием внутреннего состояния церкви, ее представителям все же было оставлено их прежнее пышное облачение. Но это состоялось только в первой половине следующего столетия.

УТВАРЬ

о наших дней дошли некоторые предметы утвари конца XV столетия. Это ценные металлические предметы, почти исключительно церковные. Утварь, сделанная из менее прочных материалов, в особенности утварь нецерковная, не сохранилась, так что о ней мы можем судить только по описаниям и изображениям. Подробные описания содержатся в инвентарных описях некоторых государей XIV и XV столетий, но по ним трудно составить представление о формах утвари. Об изменении этих форм можно догадаться по изменениям архитектурного стиля.

Готический стиль, возникший в конце XII в. в Северной Франции, в течение следующего столетия распространился почти по всей Европе. Этот стиль, существенно повлиявший на формы утвари, сохранил свое значение и после XVI столетия. В противоположность тяжелым формам предшествовавшего романского стиля готические постройки отличались легкостью и стройностью, благодаря применению остродужной арки в сочетании со стрельчатыми, разнообразно расчлененными колоннами и растительными орнаментами.

Видоизменения стиля определились уже при его возникновении. Появившись в Северной Франции, он прежде всего был перенесен в Англию, но в обеих странах довольно долго оставался на сравнительно низкой ступени развития.

В Южной Франции и Италии оно задерживалось попытками связать его с господствовавшим до этого романским стилем или (преимущественно в Италии) с древнеримскими формами. В Испании в готику пытались ввести элементы древнемавританского стиля, хотя бы только в качестве орнамента. В Восточной Европе готический стиль распространялся очень медленно, а в России и вовсе не нашел применения.

Основные черты готического стиля определили его дальнейшее развитие. Это касается не только строительных конструкций, но и обработки орнамента, его форм и распределения. До начала XIV в. все ограничивалось повторением наиболее простых элементов сти-

ля или их видоизменений. Но уже к концу XIV в. вместе с пробуждением индивидуального самосознания начинает развиваться свободное, самостоятельное творчество. Обработка материалов стала более художественной.

Возникали новые формы, а старые совершенствовались. Особое значение приобретает орнамент, который становится гораздо свободнее и разнообразнее. Это относилось как к растительному орнаменту, в котором преобладали листовые сплетения, так и к орнаменту из геометрических фигур, соединенных в сложные узоры. К этим двум разновидностям орнамента стали присоединять различные фигуры, нередко очень причудливые, возникшие в воображении художника, и, кроме того, фигуры людей и животных, отдельно и группами.

Рис. 104

Успехам ремесел способствовало и развитие общественной жизни, которая с начала XIV в. становится все сложнее. Постоянное увеличение городского населения, рост его благосостояния совершенно изменили строй городской жизни, сделав отношения горожан намного разнообразнее. Рост городов происходит также за счет землевладельцев, покидавших свои усадьбы и замки. Даже правители со своими дворами стали переселяться в крупные города на постоянное жительство.

Жизнь все больше сосредоточивалась в городе и доме, вырабатывался новый взгляд на дом, семью, быт. Прежняя простота образа жизни, созданная и поддерживаемая старинным обычаем вести активную жизнь вне дома, постепенно заменилась стремлением к удобной и приятной домашней обстановке.

Особую художественную ценность представляли изделия золотых дел мастеров. Так было в Италии и Испании, в Англии и Германии, а особенно во Франции, где золотых дел мастера играли важную роль уже в XIII веке, когда после смерти Людовика Святого роскошь начала быстро усиливаться.

Во второй половине XIV в. золотых дел мастера достигли такого совершенства в изобретении новых форм и изящной отделке вещей (в том числе драгоценными камнями), что почти не имели соперников, кроме итальянских мастеров, которые заботились преимущественно о чистоте форм и художественности исполнения, применяя давно известную в Италии финифтяную живопись.

Во Фландрии славились Брюгге и Гент, в Германии — Нюрнберг, Аугсбург и Ульм, к которым скоро присоединились Вена и Прага, благодаря поддержке императора Карла IV большого любителя драгоценной церковной утвари. В Испании золотые и серебряные вещи производились главным образом в Толедо, Мадриде, Севилье и Гранаде, но эти произведения до середины XV в. носили сильный

отпечаток древнемавританского вкуса. В Англии это ремесло, перенесенное, вероятно, из Франции, приживалось очень слабо и процветало только в Лондоне.

В тесной связи с золотых дел мастерством совершенствовалась финифтяная живопись, преимущественно в Италии. К известным уже техническим приемам, перенесенным туда с Востока в IX в., в середине XIV в. прибавился новый, вскоре тоже ставший всеобщим. Старинный способ состоял в том, что на металлической поверхности, на которой предполагалось воспроизвести финифтяный рисунок, его контуры выкладывались узкими металлическими полосками, поставленными ребром, или глубоко вырезались, а образовавшиеся углубления затем заливались цветным стекольным сплавом (непрозрачным).

С таким же успехом развивается производство стеклянных изделий, в основном в Италии. Оно было перенесено сюда с Востока переселившимися греками. Главным местом стекольного производства была Венеция, откуда после пожара, случившегося в конце столетия, оно было переведено на остров Мурано и там получило дальнейшее развитие.

Резьба по слоновой кости, служившая до сих пор главным образом для украшения церковной утвари и потому воспроизводившая лишь орнаменты и священные предметы, стала теперь все чаще применяться для воссоздания светских сюжетов, преимущественно любовных сцен или подвигов какого-нибудь сказочного героя.

Особое развитие получили в это время всякого рода деревянные работы, начиная с ваяния и резьбы и до изготовления предметов домашнего обихода — мебели и утвари. Между этими работами почти не было различия, они так тесно соприкасались между собой, что взаимно дополняли друг друга.

В работах другого разряда — столярных, форма которых определялась их назначением, изобретательность и художественные стремления могли проявляться только в украшениях. Но именно в этом мастера и стремились превзойти друг друга. Формы для украшений заимствовали главным образом из архитектуры, однако образцам не подражали, а самостоятельно перерабатывали их и связывали в одно законченное целое.

В это же время был изобретен новый способ скрепления отдельных частей изготавливаемой мебели, отличающийся особенной прочностью. До сих пор в вещах больших размеров, например, шкафах, сундуках и

Рис. 105

Рис. 106

т. п., доски скрепляли вместе, накладывая на швы между ними желобчатые полосы, а сзади поперечины, и затем обклеивали сверху полотном или пергаментом. Это не избавляло от трещин, как бы хорошо дерево ни было высушено.

Кузнечное, медное и литейное мастерство тоже шло вперед, постоянно обогащаясь новыми изобретениями. Были усовершенствованы мехи, увеличен рабочий снаряд и обеспечено дальнейшее развитие формования благодаря изобретению новых способов снятия, закрепления и повторения форм.

Медники продолжали заниматься изготовлени-

ем сосудов, стараясь придавать им, как и другим изделиям, все более сложные и, по возможности, красивые формы. Даже простая обиходная медная посуда украшалась каким-нибудь орнаментом, хотя и грубым. Только небольшие бронзовые сосуды в виде различных фантастических животных, уже с XII в. изготавливавшиеся преимущественно в Германии, сохранили усвоенную ими форму.

Литейные мастера расширили свои возможности тем, что, кроме надгробий, большей частью с углубленными орнаментами и фигурами, и различной церковной утвари, стали изготавливать в постоянно возраставшем количестве и нецерковную утварь, даже комнатную мебель, в особенности разных фасонов стулья.

Оловянные изделия изготавливались преимущественно в Германии, в особенности в Аугсбурге и Нюрнберге, которые были главными центрами этой промышленности (рис. 106, оловянная кружка работы Каспара Эндтерлейна). Известность здешних оловянных мастеров постоянно возрастала благодаря их умению придать олову твердость за счет добавления к нему других металлов и способности вытачивать круглую посуду на особых, для этой цели устроенных станках. Даже кузнечное мастерство усовершенствовалось некоторыми новыми приемами.

В тканье ковров приобрели всемирную известность большие фландрские города — Валансьен, Турн, Брюссель и Аррас, по имени которого с середины XIV в. и ковры стали называться арацца. Выши-

вание процветало преимущественно в Англии, а производство кожаных изделий — во Франции, Германии, Италии и Испании.

До самого конца XIV в. церковная утварь продолжала занимать первое место по своему богатству и художественному исполнению. Изготовление этой утвари оказалось как бы высшей точкой в развитии разного типа ремесел. Это обстоятельство имело влияние и на формы нецерковной утвари.

Священные сосуды оставались и впредь главным предметом, на котором золотых дел мастера совершенствовались в изобретательности и искусстве. Между мастерами началось как бы соперничество, которое привело к блестящим результатам, так как их усилия поощрялись не только духовенством, но и некоторыми правителями, как, например, в Германии императором Карлом IV

Основные формы священных сосудов почти не допускали изменений. Тем тщательней заботились мастера об отделке сосудов украшениями и, не отступая от господствующего вкуса, достигали в ней все большей свободы. Образцы украшений они еще более активно заимствовали в архитектуре и все с большей самостоятельностью перерабатывали их в разнообразные сочетания с данной основной формой.

Сосуды, по назначению своему не допускавшие архитектурных украшений, например, патена (плоское блюдо для облаток), фистула или сифон (трубочка или рожок для принятия освященного вина) и др., сохранили традиционную отделку. Патена, уменьшенная до того, что она делалась немного шире устья чаши, которую ею накрывали, обыкновенно не имела никаких украшений, кроме креста, выгравированного посредине.

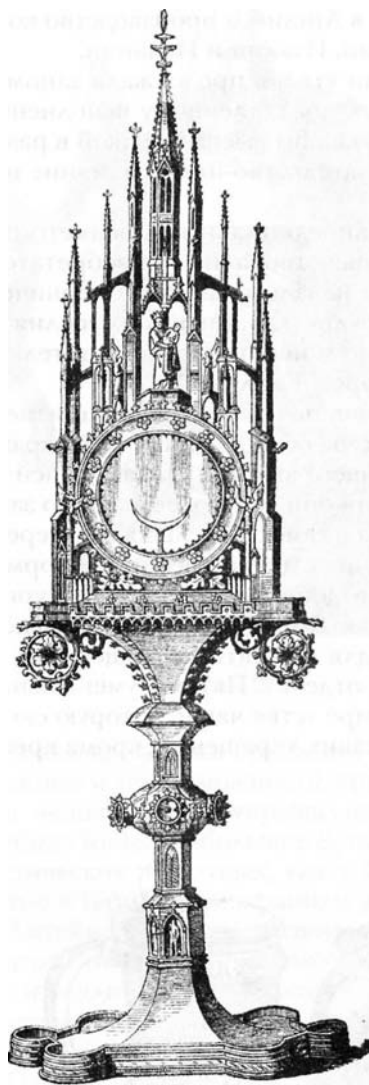

Рис. 108

Другие блюда и поддоны получили более изящную форму и более богатую отделку, преимущественно листовыми орнаментами и арабесками, иногда с добавлением человеческих и звериных фигур.

Сифоны стали тоже красивее: горло делалось круглым или многогранным, ручкам обычно придавали форму ящериц или форму слегка выгнутых валиков. Разного рода кувшины и кружки пока сохраняли свои прежние формы, но отдельные их части (ручки, горло) стали разнообразнее и изысканнее (рис. 104, 105), а подставкам придавали форму круглых розеток.

Чашам для святых даров стали придавать яйцевидную, заостренную книзу форму, так что в сравнении с прежними они стали глубже и уже. Стенки их оставляли без украшений, но подножка представляла произведение искусства.

Особенно богатые чаши украшали эмалью, филигранью и драгоценными камнями.

Из существующих форм кадила — прорезного шара с фигурными украшениями или какого-нибудь здания — стали предпочитать последнюю, соотнося ее с господствующим архитектурным стилем. Особенно богатым кадилам чаще всего придавали форму башни, окруженной небольшими угловыми башенками, и украшали нишами, розетками, небольшими фигурками и красивой резьбой.

Простые кадила отделявали в виде восьмисторонних фонариков с фронтонами и остродужными арками, между которыми размещались дымовые отверстия.

Дарохранительницы, впервые введенные около 1330 г., получали преимущественно архитектурную отделку. Их делали из стекла или хрусталя и придавали чечевицеобразную или цилиндрическую форму, окружая рядом возвышающихся над ними стрельчатых столбиков и башенок, соединенных между собой перемычками.

Верхняя часть дарохранительницы украшалась различными листовными орнаментами, розетками и круглыми фигурками (рис. 108). Нижняя ее часть и подножка отделялись также, как и подножка чаш. Описанная форма не исключала, конечно, и других, но была самой любимой, а в отношении отделки — образцовой для другой священной утвари, преимущественно креста.

Реликварии, для которых и прежде существовали различные формы, стали теперь еще разнообразнее. Впрочем, это разнообразие касалось только украшений и отделки реликварии, которые сами по себе имели очень простую форму, в особенности, если были стеклянные или хрустальные. В этом случае им придавали форму шара, цилиндра или чаши. Впрочем, иногда хрустальные реликварии делали в виде кресла или птицы, обычно голубя, причем стеклянная часть составляла туловище животного.

Кресты делались с ножкой, как у чаши. Чаше всего хрустальные реликварии вставлялись в металлическую оправу, прорезную и архитектурно расчлененную, сделанную наподобие ковчега, укрепленного на столбиках или поддерживаемого фигурками. Реликварии в форме тех реликвий, которые в них предполагалось хранить, делались и теперь, но все реже и реже.

Наиболее характерной для хрустальных реликвариев была форма чаши на высокой подножке и с крышкой, которая отделялась всегда архитектурно в виде группы островерхих башенок с расставленными между ними фигурками и с фигурой святого или распятием на вершине средней башенки.

Такие реликварии были очень похожи на описанные выше дарохранительницы (ср. рис. 108). Делали также реликварии в виде отдельных круглых или многосторонних башен, с нишами и фигурками, в виде различных частей зданий, например, колонн, связанных между собой архитравом, и, наконец, в виде целого здания, например, церкви и т. п. Башнеподобные реликварии укреплялись обычно на высокой ножке, а остальные — на плоском поддоне. Нередко реликвариям придавали форму ковчегов или гробиков с архитектурной отделкой нишами, колонками, розетками и т. п.

У разного рода церковных сидений — епископских, клиросных и скамей — орнаментами украшались главным образом спинки (прилоны), а у аналоев и лекториев — их нижняя часть.

Иногда вокруг спинки шел орнамент из листьев, цветов и завитков, чередующийся с человеческими фигурками, нередко фантасти-

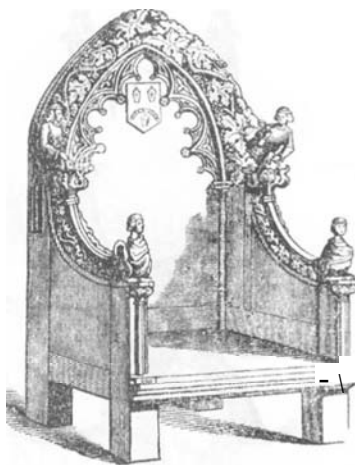

Рис. 109

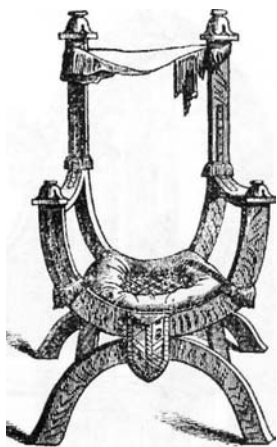

Рис. 110

ческими. Спинки сидений делались всегда выше ручек. Теперь, когда клиросные и епископские сидения стали завершаться похожими на балдахин навесами, их спинки стали гораздо выше. В этом же стиле отделялась и нижняя часть сидений — ножки или четырехсторонние закрытые тумбы (рис. 109, 110).

Церковные сиденья изготавливали не только из дерева, но также из камня и металла, украшали их резьбой, живописью, позолотой и (преимущественно в Италии) инкрустацией. Кроме описанных, в церквях имелись сидения меньших размеров и часто без всякой архитектурной

отделки, сделанные на манер старинных складных стульев — с выгнутыми спинками и поручнями. Несколько таких стульев дошло до нас. Несмотря на следы позднейшей переделки, они могут быть отнесены к концу описываемого периода или к началу следующего (рис. 109, ПО); принадлежали ли они к церковной утвари, неизвестно.

Шкафы и сундуки, служившие для хранения церковных сосудов, облачений и других ценных вещей, сохранили свои обычные простые формы до самого конца этого периода, а в отдельных случаях и до середины XVI в. (рис. 111). Шкафы продолжали делать с несколькими дверцами, расположенными в один или два яруса, на низких ножках или без них.

Сундуки делались на ножках или без них, с плоской, выгнутой или многогранной крышкой. Отделявали их так же, как и шкафы.

Осветительные приспособления — паникадила и подсвечники — сохранили свои прежние формы, но отделка их стала богаче и художественнее. Большие паникадила (которым придавали символическое значение изображений небесного Иерусалима) устраивались главным образом в виде кольца или обруча, от которого шли вокруг светильники искусной резной работы, украшенные фигурками и другими орнаментами.

Столовая посуда, как и прочие предметы столовой утвари, отличалась изящной отделкой (рис. 112, Жан Пенико. Кувшин). Во Франции она была разнообразнее, чем где-либо. К ней принадлежали так называемые нефы (судки), солонки и треножники — крупные, богато отделанные посудины, служившие главным образом для убранства стола, а также чаши и блюда, в которых подавалось кушанье.

Солонки занимали самое видное место в убранстве стола. Обычно у каждого хозяина их было несколько, а у богатых людей даже по 20 и более. Хотя солонки предназначались только для соли, их размеры иногда бывали весьма значительными. Из тех форм, которые

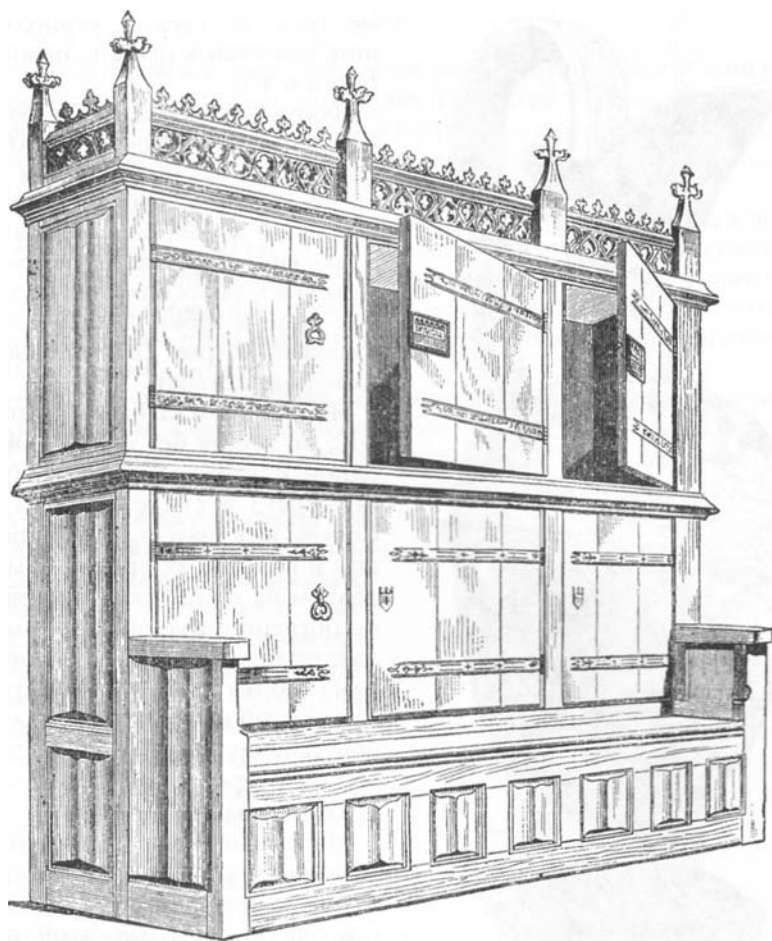

Рис. III

им придавали, любимой была форма богато орнаментированного корабля с разными фигурными украшениями.

Солонкам придавали форму бокалов на короткой ножке, с крыш-кой, а также форму чаш, раковин и т. п. Сам бокал или чаша делались из хрусталя, а металлическая подножка имела вид какого-нибудь животного, обычно змеи, дерущейся с какой-нибудь фантастической птицей, или нескольких змей, которые, обвиваясь вокруг чаши, приподнимали головы над ее краями. Были солонки на плоских поддонах, уставленных фигурками воинов, играющих музыкантов и т. п. В 1363 г. описывается солонка из хрусталя и золота, сделанная в виде закрытого бокала, поддерживаемого тремя дамами.

Питейные сосуды делали из различных, большей частью дорогих материалов: золота, серебра, слоновой кости, редкого дерева и, кро-

Рис. 112

ме того, из стекла, страусовых яиц, кокосовых орехов, раковин, рогов и т. п.

Формы этих сосудов, обусловленные их назначением, были очень разнообразны. Одни имели вид чаши, другие — кубка, третьи — бочонка. У одних были крышки и подножки, а другие их не имели. Крышки у таких больших сосудов, как чаши и кубки, делали закрывающимися (рис. 107, германские каменные кружки).

Чашки иногда были с крышкой, но всегда без подножки и с одной или двумя ручками (рис. 113, сосуд в стиле Генриха II). Сосуды из страусовых яиц, раковин и кокосовых орехов обычно делали на подножках и украшали богатой оправой; рога имели две подножки в виде львиных или орлиных лап, а их верхушку или острый конец украшали львиной или орлиной головой, золотой или серебряной, с эмалью и драгоценными камнями.

Не только дорогая посуда играла важную роль в убранстве стола, но и некоторые блюда, которые специально для этой цели готовились и убирались различными украшениями, порой даже золотыми и серебряными. Такими блюдами были в основном печенья и разнообразные паштеты. Иногда

они достигали очень больших размеров. Их делали то в виде замков, осаждаемых и защищаемых многочисленными воинами, то в виде оснащенных и вооруженных кораблей, то в виде отдельных животных или их групп.

Но такое роскошное убранство встречалось лишь на княжеских столах и у знати, да и то в особенных случаях. У незнатных людей ежедневная столовая посуда была очень проста: у зажиточных она была оловянная, у небогатых — большей частью глиняная и деревянная. Кухонная посуда была луженой медной, железной или глиняной. Стеклоянная посуда была пока редкостью, и даже богачи имели ее в небольшом количестве.

Мебель и прочая комнатная утварь тоже постепенно становились разнообразнее и красивее по форме и отделке. Усовершенствование мебели шло параллельно с расширением и улучшением жилых помещений, сначала домов богатых дворян, а затем и домов зажиточных горожан.

Во второй половине XIII в. сначала в Италии и Испании, а вскоре и во Франции началась перестройка существовавших зданий и строительство новых в соответствии с развившимися потребностями. Теперь оказалось недостаточно одной комнаты, которая служила бы и гостиной, и спальней, и кабинетом, а потребовались отдельные помещения для различных нужд.

Мебель и другая комнатная утварь изготавливались преимущественно из дерева, а также из бронзы, железа, кости и других материалов; для украшения использовались резьба, роспись красками, наборная работа, фигурная металлическая обивка и т. п.

Из описываемого периода до нас дошло лишь несколько сун-

дучков, несколько металлических подсвечников очень странных форм и небольшое количество мелких металлических вещей: ключей, оковок и т. п. Сундучки эти различной величины, продолговато-прямоугольные, с плоской, двускатной или полукруглой крышкой, сделаны из кости либо из дерева.

Сундучки из кости снаружи украшены резьбой, деревянные обтянуты бархатом или расписаны красками по пергаменту или коже (рис. 114, 115); подсвечники большей частью состоят из четырехсторонней или многогранной подставки, цельной или прорезной, с острием посредине, на которое и насаживалась свеча.

Из сидений самой роскошной отделкой отличались, несомненно, троны и почетные кресла, которые при торжественных церемониях и празднествах предлагались высокопоставленным лицам в знак особого почта.

Троны и тронные кресла в большинстве случаев изготавливались по старинным образцам, т. е. в виде прямоугольного сиденья с высоким вертикальным прислоном из двух столбиков, соединенных перекладиной или без перекладины, в виде стула на перекрещиваю-

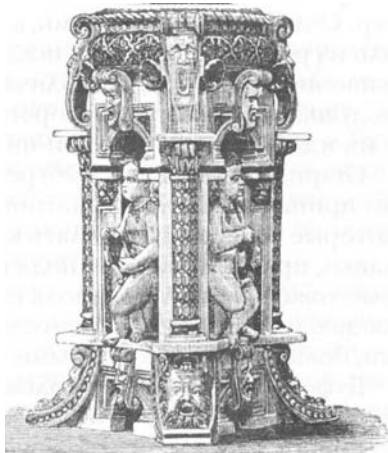

Рис. 113

Рис. 114

шихся ножек, которые теперь делались не прямыми, а выгнутыми. Сами стулья были по-прежнему не складными, а неподвижными и имели выгнутые ручки. Над тронными креслами устраивали балдахины в виде вертикальной стенки, которая поднималась позади кресла или составляла продолжение его прислона и завершалась горизонтальным навесом.

Почетные кресла устройством напоминали тронные, но были не так роскошно отделаны и не имели упомянутых символических фигур. Они были деревянными, а их украшение главным образом состояло из резьбы, но не были исключением и другие способы отделки — живопись, позолота, металлические орнаменты. Сиденья покрывали подушками, обтянутыми дорогой шелковой материей или бархатом, а иногда завешивали какой-нибудь тканью.

Старинные складные табуреты без спинок по-прежнему составляли принадлежность комнатной мебели, так же как скамьи и лавки, которые теперь стали делать красивее и удобнее. Длинные тяжелые лавки, прежде стоявшие под стенами, сменились небольшими, которые тоже расставляли вдоль стен одну подле другой. Эти лавки делались на довольно высоких ножках, с высокой спинкой и боковыми, большей частью прямыми спинками или ручками.

Буфеты имели форму больших прямоугольных или круглых столов также на четырех или шести ножках. На буфете расставлялись пряности, фрукты, печенье и конфеты, а иногда и дорогие золотые и серебряные сосуды, для чего на верхней доске буфета устраивали своеобразную этажерку из двух или трех полок.

Кровати стали делать ниже, чем прежде, с высокой прямой спинкой в головах. Вместо одного матраца клали два — один на другой, а поверх изголовья укладывали особую подушку. Ширина одеял тоже увеличилась, в особенности верхнего покрывала, которое теперь закрывало всю постель вместе с кроватью.

Балдахин над кроватью тоже стал шире и длиннее; он уже не спускался с потолка как занавес, а натягивался на прямоугольную раму, укрепленную на четырех столбиках по углам кровати, и задергивался со всех сторон на кольцах, двигавшихся по железным прутьям. Впрочем, кровати по-прежнему оставались самой заметной частью мебелировки. Если отделка деревянных частей, незаметных из-под покрывала, стала теперь проще, то она с избытком восполнялась бо-

гатством покрывал и занавесей, которые делались из шелковой материи, бархата и даже парчи. У богатых людей наволочки матрацев и подушек были шелковые, так же как и одеяла, которые иногда подбивали дорогими мехами. Края занавесок и покрывал обшивались богатой каймой или бордюром с бахромой и кистями.

Еще роскошнее отделялись так называемые парадные постели для свадеб в знатных домах. Детские кроватки-качалки имели вид плоского ящика, положенного на выгнутые поперечины. Иногда к ящику приделывались ножки с такими поперечинами; порой в головах и ногах кроватки приделывались круглые колки, на которых кроватка подвешивалась на особом станке так, что ее легко можно было раскачивать. Эти три формы люлек, особенно две последние, сохранились до наших дней.

Стены комнат по-прежнему продолжали обвешивать коврами. Для защиты от сквозняков при открытых окнах и занавешенных портьерами дверях были заведены большие щиты, состоявшие из деревянной рамы, обтянутой плотной материей, или сплошь деревянные; этими щитами закрывали окна и двери, а также ставили их перед каминами как экран. Отделка таких щитов соответствовала всей прочей обстановке.

Насколько роскошным было внутреннее убранство в королевских дворцах и в рыцарских замках, настолько простым оно было у людей среднего сословия. У них было немного мебели, да и та не отличалась богатой отделкой. В среде этого сословия, особенно в Германии, расчетливость считалась добродетелью, поэтому даже зажиточные люди предпочитали лучше обзавестись серебряной посудой, чем красивой и дорогой мебелью, так как посуда несколько не теряла своей ценности от того, что ее выставят напоказ гостям.

Впрочем, благодаря успехам ремесел и развитию вкуса даже простая утварь изготавливалась не так уж грубо и не без украшений, хотя и очень скромных, но все-таки соответствовавших общему направлению стиля. В мещанских домах вся меблировка состояла из старинных тяжелых скамей, стоявших вдоль стен, нескольких ящиков, столов и кроватей. Скамьи и сундуки заменяли здесь стулья и шкафы, а сундуки — столы. В бедных семьях вся мебель состояла из сундука и кровати.

Рис. 115

В XV в. ремесла достигли высокого уровня развития. Изобретались все новые способы для поддержания постоянно возраставшей тяги к роскоши. Образовывались новые цехи, а в уже существовавших появились новые подразделения.

Отделка утвари стала значительно богаче и разнообразнее. Вещи, которые предназначались преимущественно напоказ, до такой степени обременялись украшениями, что под ними исчезала сама вещь. Эта неумеренность в украшательстве, постепенно усиливаясь, перешла все границы, после чего бросились в другую крайность — простоту, которая на поверку оказалась бессодержательной холодной пустотой. Между этими двумя крайностями ремесленники продолжали балансировать до конца столетия, то причудливо соединяя холодные голые поверхности с густыми массами разнообразных орнаментов, то ограничиваясь только последними.

Рис. 116

Из новоизобретенных украшений, кроме фантастических звериных и человеческих фигур, чаще всего употреблялись архитектурные, в их новой роскошной обработке: увитые кудрявыми гирляндами и разнообразно расчлененные столбики и колонки, сквозные и прорезные верхушки, удлиненные или плоские остроугольные арки, различно отделанные плоскости и т. д.

Прежде всего эти украшения были использованы в церковной утвари, по крайней мере в тех ее принадлежностях, форма которых допускала такое применение. К их числу принадлежали и чаши, хотя их орнаментация грешила скорее излишеством, чем недостаточностью.

Подставку чаш нередко стали делать в виде группы столбиков, связанных между собой сквозными нишами и островерхими арками, или в виде опрокинутой цветочной чашечки с красиво выгнутыми и разнообразно пересекающимися лепестками (рис. 116). Саму чашу украшали растительными орнаментами или выгравированными изображениями, преимущественно на евангельские темы. Иногда вся чаша вместе с подножкой отделялась мелкой филигранью (рис. 117).

В том же стиле отделявали и более крупную утварь, например, купели (рис. 119), паникадила и подсвечники. Для паникадил появилась новая форма — шарообразного или овального яблока с выходящими из него подсвечниками. На яблоко иногда ставилась округлая фигурка, которая вместе с яблоком окружалась легкой решеткой из красиво пересекающихся столбиков, обвитых украшениями в виде листьев и т. п.

Отделка подсвечников, сохраняя традиционные основные формы, стала гораздо роскошнее, доходя порой до излишества.

На деревянной церковной утвари — алтарях, кафедрах, сиденьях, шкафах и т. д. — новое направление отразилось, кроме увеличения орнаментации, возросшим применением инкрустации. Это было особенно характерно для Италии, где такой способ украшения вместе с искусством резьбы по дереву был доведен до совершенства руками отличных мастеров. Инкрустацией делали не только различные орнаменты, но и целые фигурные композиции в виде зданий, цветов, плодов и пр., сохраняя при этом нежность тонов и красоту форм. Инкрустация употреблялась для украшения таких плоскостей, которые по своему назначению не допускали выпуклости орнаментов, например, высокие спинки кресел и т. п.

Превосходный образец инкрустации представляют клиросные сидения в соборе в Орвието работы Пьетро ди Манелла (рис. 120). Изобилие украшений, которыми обременяли подобную утварь, доходило до того, что они подавляли ее основные формы. Это видно на большей части епископских сидений и клиросных скамей богатых церквей, преимущественно в Средней и Северной Европе.

Клиросные сидения располагались непрерывными рядами вдоль клиросных стен так, что совершенно закрывали их собой, составляя существенную часть внутреннего убранства храма. К наиболее простым, но довольно богато отделанным принадлежат клиросные сидения в госпитальной церкви в Штутгарте, относящиеся к 1490 г. (рис. 121). Самыми замечательными как по роскошной отделке, так и по художественному исполнению считаются клиросные сидения в Ульмском соборе, изготовленные между 1469 и 1471 гг. Георгом Сюрлином.

Епископские и прочие церковные кресла (рис. 122, 123), так же как и скамьи (рис. 124) и кафедры того времени, были весьма разнообразны. Кафедры получили особенное значение благодаря немалому количеству превосходных проповедников, появлявшихся на них. Даже сама форма кафедр стала изящнее.

Прежде они представляли собой круглое или прямоугольное возвышение, закрытое со всех сторон, или установленную на нескольких опорах огороженную площадку. Теперь же площадка кафедры ставилась на одной колонне и оформлялась так, что вся кафедра походила на сосуд (рис. 125). Как колонна, так и верхняя часть вместе с лестни-

Рис. 117

Рис. 118

цеи и доской для отражения звука обильно покрывались украшениями. В таком же стиле отделывали шкафы, сундуки и другую подобную утварь.

Еще больше разнообразие форм проявилось в изготовлении мирской, домашней утвари. Многие ее предметы сохранились без изменений, вновь изобретенные не упразднили уже существовавших.

Изготовлением сосудов и прочей столовой посуды занимались производители металлических изделий, в том числе золотых дел мастера и серебряники, если дело касалось дорогой утвари. Поскольку стеклянная посуда за пределами Италии распространилась лишь в конце XV в., а глазурованная и расписная дорогая глиняная посуда впервые появилась в это же время опять-таки в

Италии, ее применение в домашнем обиходе было весьма ограничено. Ни эта глиняная посуда, ни дорогие стеклянные сосуды, производство которых только начинало развиваться в Италии и которые, как миллефори и прочие, составляли каждый сам по себе драгоценность, не могли сразу же стать предметом торговли.

Вне Италии все еще производилась посуда из простого неокрашенного или одноцветного стекла. Чтобы сосуд из такого стекла превратить в дорогую вещь, имеющую художественное значение, его отделывали изящной золотой оправой искусной работы.

Обычная глиняная посуда да еще и без разноцветной окраски не могла показаться ценной глазу, привыкшему к серебряным и золотым сосудам. Повысить ее привлекательность можно было только красотой формы и оригинальной раскраской.

В этом направлении до конца столетия мало что изменилось к лучшему, хотя сделанное отличалось художественностью. Основное внимание обращали на максимально четкую выработку формы сосуда, стараясь при этом расчлнить и разграничить его части разноцветной глазурью, располагая при этом рисунки в основном по краю сосуда и на его дне. К тому же эта посуда не отличалась разнообразием форм и состояла из блюд различной величины и глубины, больших сосудов для воды и кружек и кувшинов незамысловатых форм.

При изготовлении золотых и серебряных сосудов опирались на прежние образцы. О большей свободе в деталях оформления свидетельствуют дворцовые инвентарные описи того времени. Они становятся подробнее, порой до мелочности, однако желание описать вещи с максимальной точностью нередко бывает трудно исполнить

из-за их сложности, вычурности и чрезмерного обилия украшений. Не давая четкого описания вещей, описи все-таки позволяют представить, какой степени достигала роскошь и какое впечатление она должна была производить на зрителя.

Фонтаны, треножники, судки и прочие крупные вещи, служившие для украшения стола, не изменили своих основных форм, но приобрели необыкновенно богатую отделку. Фонтанам иногда придавали форму миниатюрных зданий, большей частью башен, замков, крепостей и т. п. Здания часто обставляли фигурками, составляя иногда целые пейзажные композиции. Крепости ставили на скалы, по скалам располагали башенки, деревья, человеческие фигурки, чаще всего нападающих и защищающихся пеших и конных воинов. Составляли также пейзажи мирного характера с группами животных и т. д. Иногда это были изображения замков любви, защищающих женщин и влюбленных рыцарей. Для усиления эффекта предметы расцвечивались цветной эмалью.

Из собственно столовой посуды по-прежнему самой ценной и красивой вещью оставались солонки. На них оттачивали свое искусство мастера. При их изготовлении часто использовались новые, иногда весьма замысловатые комбинации всевозможных орнаментов и разнородные материалы, из которых делались их отдельные части. Сам сосуд изготовлялся из хрусталя, яшмы, агата, серпентина и других камней и заключался в золотую оправу. Солонки в виде корабликов окружали раковинами, растениями и фантастическими морскими животными.

Солонки в форме раковин, чаш, корзиночек и т. п. обставляли растениями, животными, человеческими и другими фигурками. Если солонка была на подножке, то последняя обычно имела форму какого-нибудь животного, женщины, рыцаря или сарацина в богатом восточном костюме. Были также солонки на трех или четырех архитектурно отделанных ножках. Если подножка представляла собой человеческую фигуру, то чаша устанавливалась на голову фигуры и поддерживалась ее поднятыми вверх руками. Богато отделялись и крышки солонок. Важную деталь украшения составляли драгоценные камни, жемчуг, цветная эмаль. По принятому обычаю солонка всегда ставилась в центре обеденного стола.

Большим разнообразием и причудливостью форм отличались сосуды, в которых подавали напитки и из которых их пили. Кувшины и кружки были круглые, многогранные, узкие и широкие, гладкие и с фигурным профилем. Их украшения состояли из цветочных, архитектурных и фигурных орнаментов, плоских и выпуклых. Крышки,

Рис. 119

Рис. 120

ручки и устья делались в форме фантастических и реальных животных, растений, а иногда и архитектурных деталей. Крышкам и устьям часто придавали вид головы животного с раскрытой пастью. Если носик кувшина поднимали в виде выгнутой трубки из нижней части сосуда, то ему придавали форму змеи.

Ручки также делали в виде извивающейся крылатой змеи или вытянувшегося животного. Кроме того, встречались кружки в форме круглой или четырехугольной башни, обвитого плющом древесного пня, какого-нибудь животного или человеческой фигуры, преимущественно женской, в длинной одежде, или дамы верхом на коне, с добавлением разных украшений — рельефных, гравированных, инкрустаций и т. д.

Что касается сосудов, из которых пили, то наибольшего разнообразия они достигли в Германии. По мере того как множились их формы, увеличивалось и число их названий, которых больше всего было у немцев. Они различались по вместимости, форме и материалу. В это время появились кубки, двигавшиеся при помощи заключенного в них механизма как бы сами собой, и двойные кубки, соединенные между собой шарниром так, что один кубок служил другому

крышкой. Подобные сосуды делались из самых различных материалов: редких пород деревьев, из капа, стекла, хрусталя, слоновой кости, рога, черепахи, страусовых яиц, кокосовых орехов, тыквы, раковин, перламутра и различных камней (халцедона, агата и т. п.). Все они непременно оправлялись в серебро или золото (рис. 118). Затем появились красивые итальянские разноцветные стеклянные сосуды в дорогой металлической оправе. Два таких сосуда конца XV в. находятся в Берлинском музее. Оба они небольшие, один синего, другой темно-зеленого цвета. На синем изображены сюжеты из мифологии, на зеленом — орнаменты, сфинксы и гении.

Богатством форм и украшений отличались и другие столовые и туалетные принадлежности: конфетницы (дражуары), ложки, вилки, умывальники, несессеры для мелких вещей (например, гребешков и т. п.), а также приборы для освещения: подсвечники, висячие лампы

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

(рис. 126), ночники и многое другое. У Филиппа Доброго и Карла Смелого были две конфетницы, которые, судя по их подробному описанию в инвентарных перечнях, были очень дорогими и высокохудожественными вещами.

Среди драгоценной утвари, оставшейся после Марио Сфорца (1476 г.), находился полный золотой столовый сервиз на 12 персон. Когда кардинал Пиетро Риарио принимал в своем римском дворце (около 1473 г.) Элинор Арагонскую, проезжавшую через Рим в качестве невесты герцога Феррарского, он велел поставить в приготовленных для нее покоях, кроме прочей утвари, четыре золотых подсвечника с фигурами ангелов, серебряный позолоченный молитвенный стул с ножками в виде львиных лап, полный каминный прибор из серебра и даже серебряный ночной стул с золотым сосудом внутри.

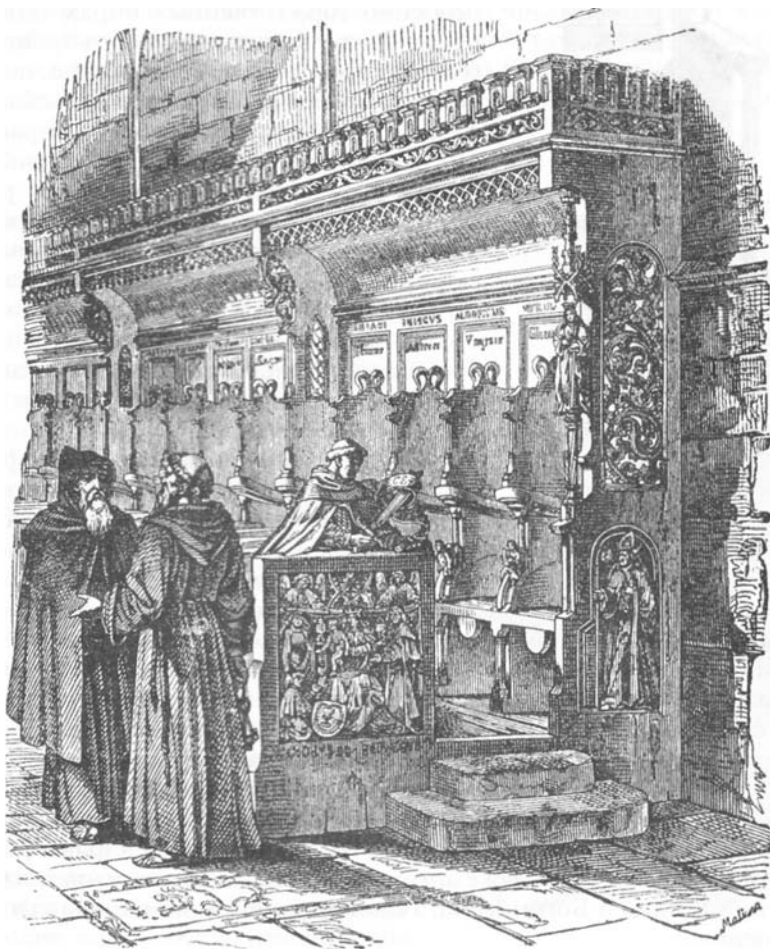

Рис. 121

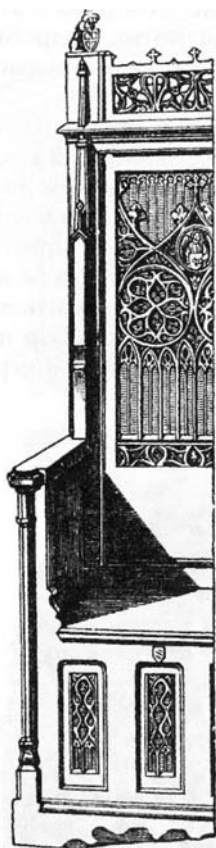

Рис. 122

В столовой был поставлен большой буфет с дюжиной полок, заполненный золотыми и серебряными сосудами, усыпанными драгоценными камнями. Столовая посуда вся была серебряной и переменилась после каждого кушанья. При этом, особенно в Италии, было принято, чтобы предметы дорогой утвари, хотя бы и одинакового назначения, были как можно разнообразнее по форме и по материалу.

Чем роскошнее делалась сервировка стола, тем изысканнее становилось приготовление и украшение кушаний. На особенно торжественных пирах теперь подавались, кроме красиво убранных блюд, например, в виде павлинов, целиком изжаренные быки, ягнята, кабаны, олени, большие рыбы и т. п., их украшали позолотой и разным затейливым оформлением; паштеты огромных размеров подавали в виде пестро раскрашенных зданий, со всякими забавными сюрпризами. Даже приправы к кушаньям (зелень, фрукты и т. п.) подавали на стол в таком необычном виде, что они больше напоминали какое-нибудь диковинное произведение природы или искусства, чем кушанье.

Между тем люди небогатые и представители среднего сословия по-прежнему продолжали употреблять медную, оловянную, жестяную, глиняную и деревянную посуду с очень скромной отделкой или без всяких украшений. Употребление новой фаянсовой посуды, преимущественно кувшинов и кружек, украшенных живописью и цветной глазурью, как и посуды из белого или зеленого стекла, постоянно возрастало. Вначале такая посуда стала популярной среди зажиточных людей, которые чаще прежнего стали обзаводиться и дорогими металлическими сосудами.

В парадной мебели, такой как тронные и почетные кресла, шкафы, сундуки, наблюдается постоянно возрастающее использование элементов церковной утвари. В орнаментацию вводятся наряду с декоративными украшениями сюжеты религиозного характера — христианские символы, даже ангелы и святые, за исключением изображения Христа и Богоматери, а сама орнаментация становится все роскошнее.

Появились новые стулья с поворачивающимся сидением (рис. 127) и стулья на колесах или катках. Во время болезни супруги Карла VI,

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

Изабеллы Баварской, мастером Майе в Париже (1415 г.) было сделано для нее кресло из орехового дерева, поставленное на четыре колеса и приспособленное для переноски.

Пюпитры для чтения, сделавшиеся необходимой принадлежностью каждого зажиточного образованного семейства, стали теперь гораздо удобнее прежних. Верхняя их часть (покатая доска) была увеличена, а нижняя делалась в виде шкафика с полками для книг, открытого или с дверцами.

Небольшие пюпитры для письма, которые ставились на стол или прикреплялись к ручке кресла, по-прежнему делались прямоугольными, на низенькой подставке, иногда на короткой ножке, которая поворачивалась. В числе сокровищ герцогов Бургундских упоминается (в 1467 г.) такой пюпитр, сделанный из чистого серебра и состоявший из семи частей.

Шкафы, вошедшие с середины века в число комнатной мебели, сохранили свою прежнюю архитектурную отделку как наиболее соответствующую их формам и назначению. Сундуки, по-прежнему самая заметная комнатная мебель, в большинстве случаев сплошь покрывались орнаментами резной работы (рис. 128).

Так как сундуки все еще продолжали в некоторых случаях заменять сиденья, то на их крышке выпуклые резные украшения заменялись живописью или инкрустацией. Этими способами украшали и другие части сундуков — узкие бока, карнизы и углы, которые обивали красивыми металлическими скобками, нередко вызолоченными.

В описи вещей королевы Анны Бретанской (1498 г.) упоминается небольшой роскошный сундучок. Он был отделан деревом и слоной костью наподобие мозаики, украшен рельефными орнаментами, расписан и позолочен; его шесть ножек изображали драконьи головы.

Обычные СУНДУКИ для обиходного употребления украшали по бокам изображениями пергаментных свитков и обивали по углам простыми металлическими скобами.

Массивные и высокие переносные шкафы стали больше, на них стало больше места для украшений; не только сами ящики шкафа, но и рамы вокруг дверей, верхние

Рис. 123

и нижние карнизы и даже ножки расширились и удлинились (рис. 129). Рамки вокруг дверей переносных шкафов сплошь или местами отделывали резьбой, верхний карниз украшали резным архитектурным орнаментом, дверцы обычно оставляли без украшений, но иногда отделывали резьбой и инкрустацией (рис. 132).

Особенным украшением массивных и высоких переносных шкафов были замки, скобки и другие металлические накладки, которые своей формой соответствовали остальным украшениям.

Очень популярны стали в это время небольшие стенные шкафчики такой величины, что их было удобно вешать на стену. Отделка их в целом походила на отделку больших шкафов, но, благодаря их небольшим размерам, была еще изящнее. Чаще всего их украшали металлической прорезью в виде арабесок по цветному фону из кожи или бархата (рис. 130). Подобные прорези, сделанные из железа, нередко употреблялись для украшения поверхностей крупных размеров, например двери ризницы в приходской церкви города Брукана-Мурре (рис. 131).

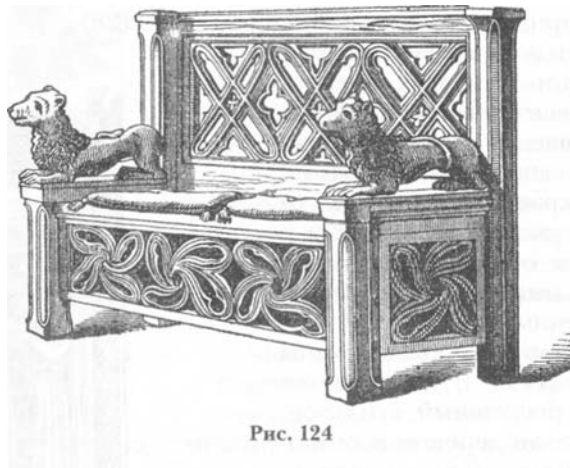

Рис. 124

Стол, поставцы, буфеты, горки для посуды, кровати, колыбели и разная мелкая утварь (сундучки для дорогих вещей, письменные столы и т. п.) сохранили прежние формы, но в соответствии с модой их декоративная отделка становилась богаче и разнообразнее.

Из многочисленных видов столов все больше входили в употребление небольшие столики на одной ножке, круглые или прямоугольные, а также складные на шарнире (рис. 134); теперь их ставили по несколько в одной комнате. Орнаментация затрагивала все части стола, даже перекладины между ножками.

Поставцы, употреблявшиеся в церквях (рис. 133), горки и буфеты теперь делались выше и шире по сравнению с прежними. Например, прежние горки делались не выше четырех уступов, а теперь их стали делать из 12 и больше. В комнате супруги Карла Смелого, Изабеллы, стояла (в 1485 г.) горка из четырех уступов, которые были по-

крыты дорогими тканями и заставлены золотыми и хрустальными сосудами, оправленными в золото. Среди них были три золотые, усыпанные драгоценными камнями конфетницы, из которых одна оценивалась в 40 тысяч, а две другие — по 30 тысяч талеров.

Иногда горки делали в виде буфетов, т. е. так, чтобы они были доступны со всех сторон. Для этого их ставили посредине комнаты, а не у стены. Подобные горки и буфеты часто делались в виде замков с башнями и другими принадлежностями. Горка из 12 уступов в виде круглого замка была изготовлена в 1561 г. по заказу герцога Бургундского для большого зала замка Артуа.

Размеры кроватей значительно увеличились и достигали теперь семи футов в длину и шести в ширину. Одновременно увеличилось количество подушек, а также толщина матрасов. К концу века было принято ставить кровать в УГОЛ и, за исключением передней стороны, которая задерживалась занавесом, окружать резными деревянными панелями, которые смыкались с панелями, закрывавшими стены комнаты.

От этого периода сохранилось несколько детских люлек. Одна из них была сделана из меди с позолотой, на высоких ножках с выгнутыми поперечинами или полозьями; продольные стороны отделаны прорезью, поперечные расчленены остродужными и полукруглыми арками; четыре угловых столбика граненые, с шишками в виде цветочной чашечки.

Различная мелкая утварь (каминные щипцы, мешалки и пр.) не уступала крупной ни в разнообразии, ни в богатстве отделки. В качестве примера упомянем письменный прибор, принадлежавший одному из герцогов Беррийских (около 1510 г.). Он имел форму доски из золоченого серебра, покрытой сверху гравированными украшениями, и состоял из небольшого ножика с серебряным эмалированным черенком, небольшой серебряной линейки, серебряных ножиц, маленьких серебряных весов и коробочки с гирями, пера и оправленного в серебро огнива.

В последнюю четверть века в качестве украшения интерьера стали входить в моду писанные на дереве картины различного содер-

Рис. 125

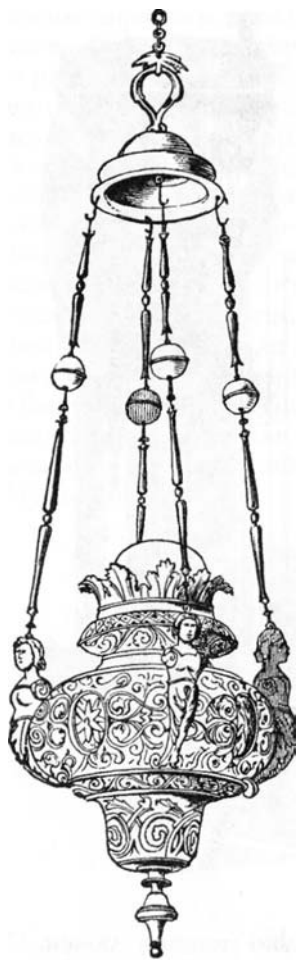

Рис. 126

жания (портреты и пр.). Их вставляли в резные золоченые и иным образом отделанные рамки и развешивали по стенам, закрытым вышитыми и ткаными дорогими коврами.

Домашнюю утварь средних классов можно назвать простой и даже скудной. Но и у них убранство комнат стало полнее, удобнее и красивее, чем прежде. Стремление во всем подражать знати усиливалось и распространялось все шире.

Прежняя простота быта исчезла, а то, что недавно считалось расточительным излишеством, теперь стало не только желательным, но привычным и необходимым. Увеличилось количество мебели в домах, и сама она стала гораздо красивее. В конце века даже домашняя обстановка небогатых граждан производила впечатление достатка (рис. 134).

Земледельческие орудия, охотничьи и рыболовные снасти, а также повозки для перевозки людей и тяжестей сохранили свое прежнее устройство. Экипажи не подверглись усовершенствованию из-за их очень ограниченного использования. До самого XVI в. любые поездки, включая продолжительные путешествия, осуществляли верхом или в носилках, запряженных лошадьми.

В торжественных случаях мужчины, даже самые знатные, предпочитали являться верхом, а дамы — в носилках. Королева Изабелла Баварская при въезде в Париж сидела в носилках, а дамы ее свиты — в крытых экипажах. Германский император Фридрих III первым совершил свой торжественный въезд во Франкфурт (в 1474 г.) в экипаже. Это обстоятельство показалось настолько странным, что вызвало осуждение, особенно из-за того, что граждане города лишились своего старинного почетного права нести над императором балдахин.

На основании указа Филиппа Красивого (1294 г.) право езды в экипажах было предоставлено исключительно женщинам княжеского происхождения и их ближайшему женскому окружению. Если кто-

либо из зажиточных горожан позволял себе обзавестись экипажем и ездить в нем, то это было крайне редким явлением даже в конце XV в., которому старались противодействовать как неподобающей роскоши.

В 1457 г. венгерский король Владислав V подарил Марии, супруге французского короля Карла VII, очень дорогую карету, одной из особенностей которой было то, что кузов ее висел на ремнях. Эта карета привела французский двор в восхищение тем, что при езде сидящие в ней «испытывали необыкновенно приятное покачивание».

Такое усовершенствование распространилось не сразу, а только некоторое время спустя. Пока же экипажи продолжали делать на старинный лад. Кузов в виде ящика со скамьями внутри (в длину или поперечными) ставили прямо на оси и неподвижно на них укрепляли, а сверху над ним ставили полог, натянутый на четыре столбика или на полукруглые обручи; передние и задние колеса делались одинаковой величины, с шестью или восемью спицами (рис. 135).

Козел или вообще какого-нибудь сидения для кучера не имелось. Он шел подле повозки или садился верхом на коренную лошадь, которая запрягалась в оглобли хомутом, постромками или гужами.

Появление огнестрельных орудий придало воинской амуниции невиданное прежде развитие и привело к ее дальнейшему видоизменению. Когда и где впервые были применены пушки, сказать нельзя. Но, учитывая, что они уже в древности были известны на Востоке — испанцы употребляли их при осаде Базы в 1323 г., а арабы при осаде Аликанте в 1331 г., — не подлежит сомнению, что они стали известны намного раньше середины XIV в.

Во Франции они использовались в 1338 г. при осаде Пюи-Гильяма; несколько позднее, в 1364 г., в битве при Креси пушками пользовалась английская армия. С середины столетия применение пушек возрастает. Уже в 1356 г. большая часть крупных городов, в основном немецкие имперские города — Нюрнберг, Аугсбург, Любек,

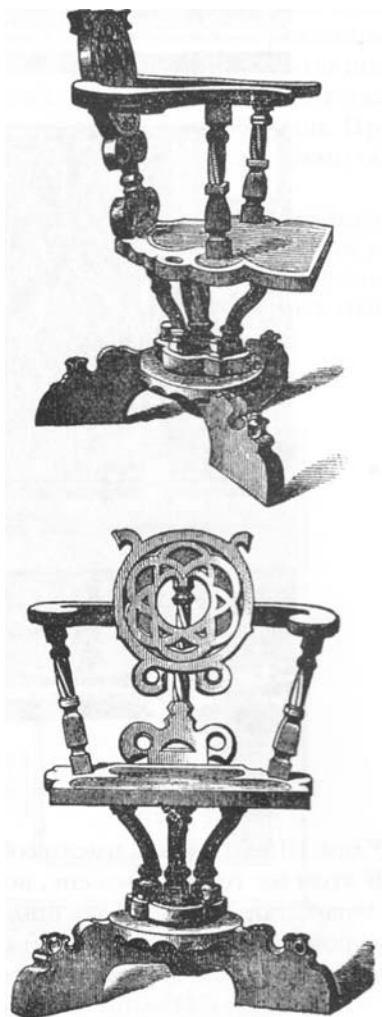

Рис. 127

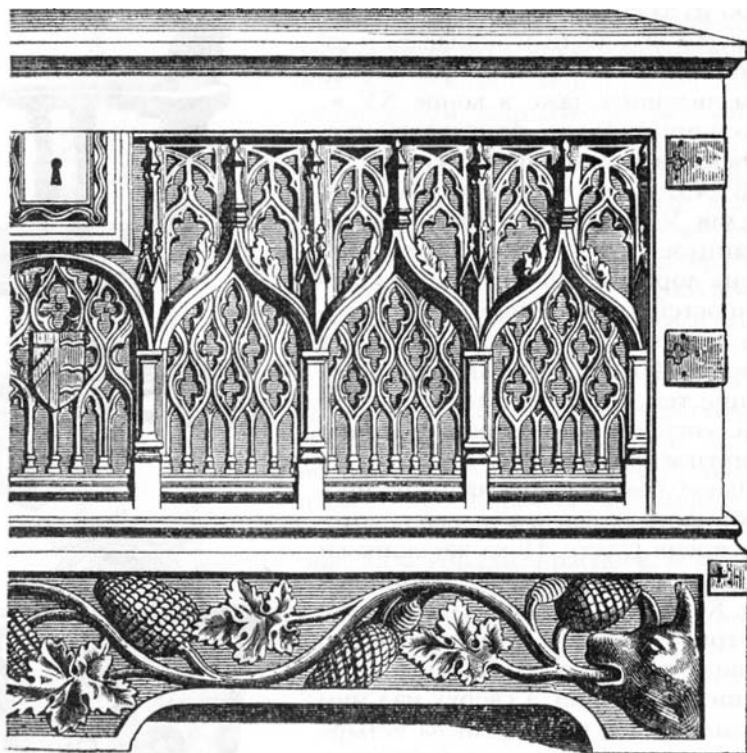

Рис. 128

Ульм, Шпейер и др., имели собственные пушки и пороховые запасы. В этом же году в Льовене, во Фландрии, было продано 12 мортир. Запасы пороха в городах иногда бывали настолько значительны, что порой причиняли разрушения: в 1360 г. взлетела на воздух ратуша в Любеке из-за взрыва сложенного в ней пороха.

С 1358 г. и в Италии начинают распространяться большие пушки, или бомбарды. В 1370 г. при войске Магнуса, герцога Брауншвейского, кроме прочего оружия, находились и пушки. В 1375 г. по заказу городского совета в Аугсбурге были отлиты 20 больших пушек. В то же время об употреблении пушек в Дании упоминается не ранее 1372 г., а в Швеции — не ранее 1408 г.

Как ни полезны оказались пушки для военного дела, усовершенствование их шло крайне медленно. Порох сначала был некачественный, незернистый, поэтому имел слабый эффект. Даже после изобретения зернистого пороха мелкий порошковый порох употреблялся еще долго.

Кроме того, довольно долго пушки делались как можно большего калибра, так как полагали, что чем больше и массивнее орудие, тем сильнее его действие. Им первоначально придавали форму мортир

с широким жерлом, а позднее — форму длинных и широких стволов. По старинным описаниям, первые пушки были деревянные, окованные толстыми железными обручами, наложенными один под ле другого; позднее их стали делать из железных полос, которые сковывали вместе по всей длине, а затем скрепляли обручами. При этом для безопасности казенная часть отделялась от дула таким образом, что составляла с ним угол книзу или вбок.

Отделять казенную часть от дула вскоре перестали, но описанный способ изготовления пушек сохранился до XVI в. Это подтверждает огромная пушка в дрезденском цейхгаузе, которая была сделана именно так, хотя уже со второй половины XIV в. начали лить пуш-

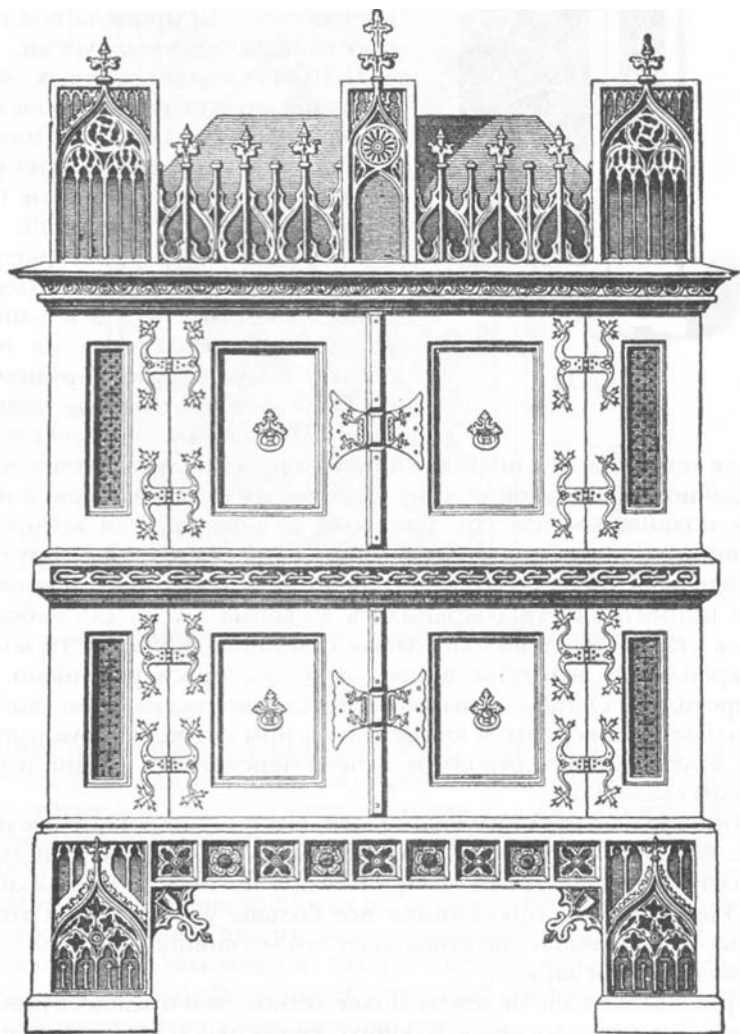

Рис. 129

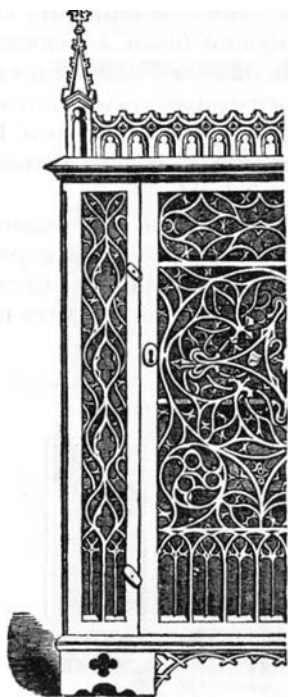

Рис. 130

ки из железа и даже бронзы, а в Германии с 1440 г. существовали настоящие пушечно-литейные заводы.

Перевозили пушки (обыкновенные до начала XV в., а остальные до XVI в.) на особо прочных повозках или полозьях; для стрельбы их устанавливали на деревянных станках и на подмостках из бревен и досок.

Пушечный станок состоял из деревянной колоды, в углубление которой вкладывалась пушка и там закреплялась; для прицела под колоду просто подкладывали чурбан.

Подмости для осадных орудий сколачивали из толстых досок в виде прямоугольного продолговатого ящика, по углам которого отвесно укреплялись четыре бруса, которые попарно соединялись поперечиной.

В брусках были просверлены отверстия, в них вставлялись перекладины, на которые клалась пушка, укрепленная, кроме того, на особом станке. Таким образом орудие можно было сообщать любое направление, поднимая или опуская его.

Для устойчивости подмости иногда наполнялись землей, что было удобно при сильной отдаче. Нередко их вместе с пушкой накрывали подвижным навесом из досок, для поддержки которого на внешних сторонах подмостков прикреплялось по отвесному брусу.

Подражая такому устройству подмостков, которое, несмотря на свою примитивность, сохранилось до конца XV в., для небольших пушек стали делать вилообразные станки, к задней части которых прикреплялось выгнутое вперед дерево с просверленными в нем отверстиями. Однако самыми распространенными были станки из выдолбленной колоды; в конце века к ним спереди стали приделывать колеса, а сзади рукоятки, отчего передвигать орудие и управлять им стало легче.

Форма пушек стала улучшаться только с тех пор, когда их начали лить. Важным усовершенствованием было то, что камеру и дуло отливали отдельно, затем высверливали, а потом уже спаивали вместе. Одновременно оружейники все больше убеждались в том, что мощь орудия зависит не столько от его массивности, сколько от качества пороха и заряда.

В результате начали делать более легкие, чем прежде, пушки, они были различной формы и калибра, снабжались удобными приспособлениями для установки (с помощью винта и ворота) и более по-

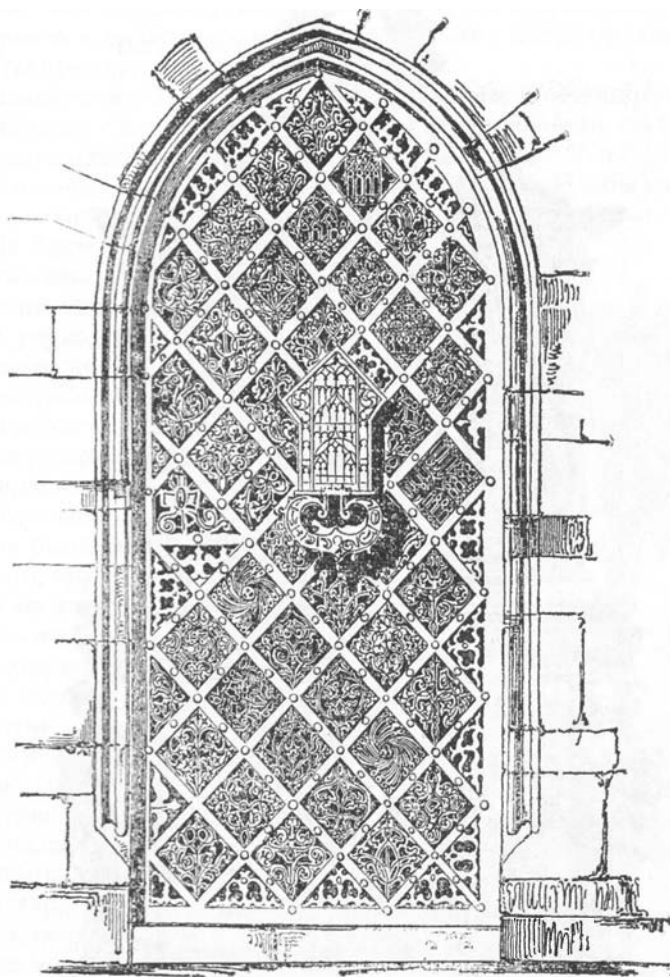

Рис. 131

движными и легкими станками на двух и четырех колесах, иногда даже с кольцами для впрягания лошадей. Вместо каменных ядер появились литые железные. Приспособления для впрягания лошадей в пушечные станки особенно усовершенствовали немцы.

В 1461 г. у герцога Бременского уже было значительное количество небольших пушек, весивших от 62 до 23 фунтов. Такие пушки были настолько легкими, что их можно было носить на себе. В то же время по приказу Людовика XI были отлиты 12 пушек, прозванных «двенадцатью пэрами Франции». Старинный обычай давать пушкам прозвища распространился довольно широко.

Несмотря на проведенные улучшения конструкции пушек, в армиях продолжали придерживаться старых приемов и приспособле-

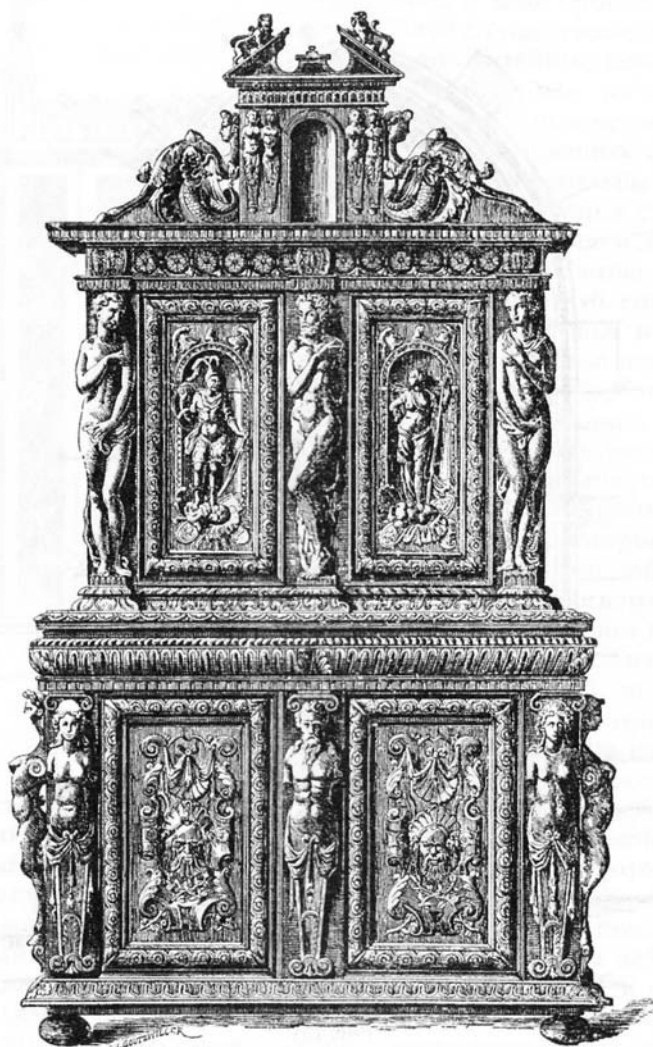

Рис. 132

ний. Это одинаково относилось и к тяжелым орудиям, и к небольшим пушкам на колесных станках, те и другие продолжали нацеливать прежним способом, т. е. с помощью ворота и простой прицельной подпорки (рис. 135).

Не были забыты и старинные вилкообразные станки, наоборот, ими очень часто пользовались для малых пушек, причем станок укреплялся неподвижно, и пушка вдвигалась между его щеками таким образом, что ее ствол лежал на колках прицельной подпорки, а перед лафета скреплялся цепями с вилкой станка. Подобное приспособление было устроено и для пушек крупного калибра: к лафету

Великие христианские государства. Англия, Франция, Германия

приделывались две скобы, выгибавшиеся дугой в четверть круга по направлению к жерлу орудия; от концов этих дуг к орудию были протянуты крепкие веревки или цепи.

Колесные станки или лафеты, крайне тяжелые и неповоротливые, были снабжены с боков и на конце кольцами, крючьями, скобками и т. п., предназначенными для упряжки лошадей и более удобного разворачивания и установки самих орудий. Для стрельбы из пушек имелись различные запальники, фитили, банники, лопатки, крючья и т. д. На бронзовых пушках часто отливались выпуклые орнаменты.

Введение огнестрельных орудий не сразу упразднило старинное воинское снаряжение, которое оставалось в употреблении наряду с новым оружием до самого конца XIV в. Затем из вооружения были исключены те принадлежности, которые оказались ненужными.

Таковы были прежде всего осадные башни, которые подкатывались к стенам на катках при помощи ворот, а также различные виды метательных орудий, кидавших камни и стрелы с помощью тетивы (баллисты). С этими орудиями расставались особенно неохотно, поэтому некоторые наиболее целесообразные их виды оставались в употреблении и после начала XV в.

Наоборот, огромные стенобитные машины, тараны, с их бревенчатыми крышами, осадные лестницы и камнеметные машины нисколько не утратили своего первоначального значения и оставались на вооружении до конца XVI в.

Дольше всего продержались камнеметные машины, они были предназначены для того, чтобы бросать в осажденных большое количество камней и других предметов, например, горящих головней и разных нечистот для распространения заразы. Иногда их использовали как орудие казни для военных преступников.

В 1422 г. при осаде Карлштейна в Богемии у гуситов были и пушки,

Рис. 133

и камнемётные машины. В 1427 г. город Базель заказал различные метательные орудия, которые были с успехом пущены в дело при осаде Рейнфельдена в 1445 г.

В середине XVI в. Леонгард Фроншпергер писал в своей книге о военном искусстве: «Такие метательные снаряды следует иметь в крепостях в полной исправности, чтобы ими выбрасывать вон из крепости то, что в нее будет брошено таким же способом, а также всякую падаль и нечистоты, какие может случиться в крепости. Этот снаряд также можно заряжать большими камнями и бросать их в укрепления, как это мне и случилось видеть. Поэтому такой снаряд пригоден на многое».

Рис. 134

Рис. 135

По рисункам подобных снарядов, относящимся к более позднему времени, видно, что их устройство было следующим: между двумя столбами, вертикально укрепленными на подмостках из крестообразно сколоченных толстых брусьев, вращается на оси длинное бревно, к верхнему концу которого прикреплена петля из толстого каната или подвешен ящик, тоже поворачивающийся на оси, а нижний конец снабжен особым ящиком для тяжестей.

При помощи цепей или веревок и ворота нижний конец бревна, как правило тяжело нагруженный, подтягивали вверх и отпускали. В результате падения нижнего конца бревна стремительно выбрасывались предметы, схваченные в петлю или положенные в ящик на его верхнем конце.

В других снарядах подобного типа ось метательного рычага помещалась возле его нижнего конца, вследствие чего длинное верхнее колено, отягощенное ящиком с камнями, перевешивало нижнее короткое и бросок производился при помощи тяжести, которую заставляли падать на короткий конец бревна, в результате длинный конец быстро поднимался и метал подвешенные к нему тяжести. Подобные метательные снаряды отличались друг от друга главным образом тем, что у одних метательный рычаг был подвешен вертикально, а у других своей собственной тяжестью удерживался в горизонтальном положении.

% % %

Погребальная утварь изменилась только в отношении отделки, которая постоянно менялась в соответствии с преобладавшими в то время формами украшений. Покойников возили на кладбище очень редко, по заведенному обычаю их туда несли на руках. Поэтому погребальные принадлежности остались такими же, как и раньше, т. е. это были носилки, гробы, погребальные покровы и материи. Гробы были деревянные, каменные, из жженой глины и металлические (из

меди, олова, свинца). Форма и украшения их были почти аналогичны современным. В середине XV в. между высшими сословиями появился обычай вкладывать металлический гроб, заключавший в себе тело, в другой, деревянный, украшенный резьбой, позолотой и т. п.

Погребальные покровы до конца XVII в. делались по-старинному, в виде продолговатого прямоугольного платка, но с этого времени их стали сшивать из нескольких кусков так, что покров по размеру приходился как раз по гробу, обтягивая его, как чехол, и краями спускался до земли, когда гроб несли на плечах. Покровы делались из различных тканей — шерстяных, шелковых, бархата и парчи, их цвет также был различным, хотя преобладал черный. Поверх покрыва нашивался белый крест. Покровы для людей знатного происхождения украшались, кроме того, вышитыми на них гербами. При погребении владетельных особ на крышку гроба клались их инсигнии — корона, скипетр и др.

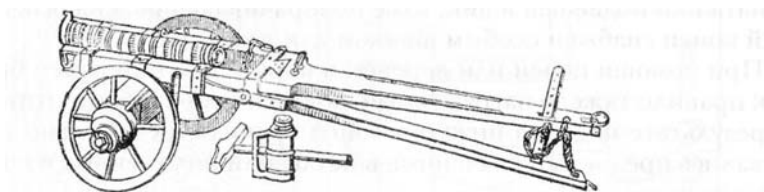

Рис. 136

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ В XIV—XVI ВВ.	3
---	----------

Франция, Англия и Нидерланды	3
--	---

Германия и скандинавские земли	79
--	----

Утварь	109
------------------	-----